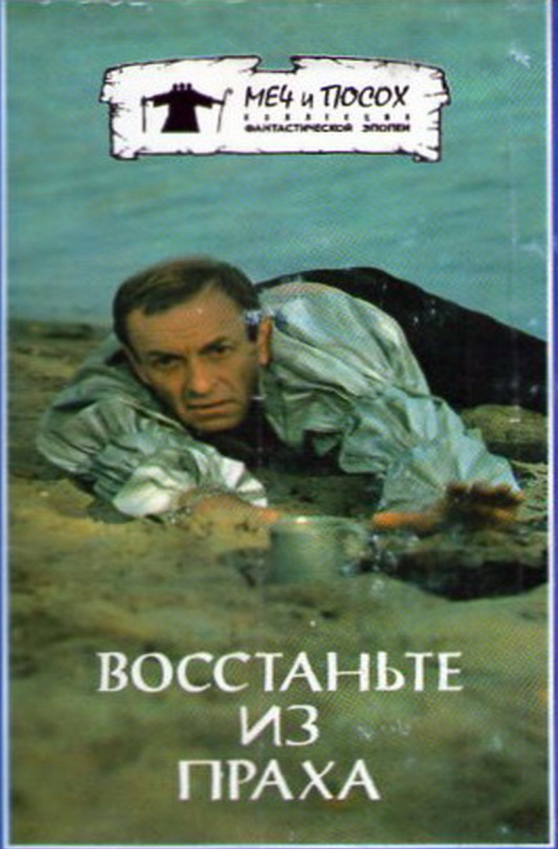
МЕЧ и ПОСОХ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЭПОПЕИ



ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА

САГА О МИРЕ РЕКИ

Ф.ФАРМЕР

Сказочный корабль (перевод М. Ахманова)

Филип Хосе Фармер

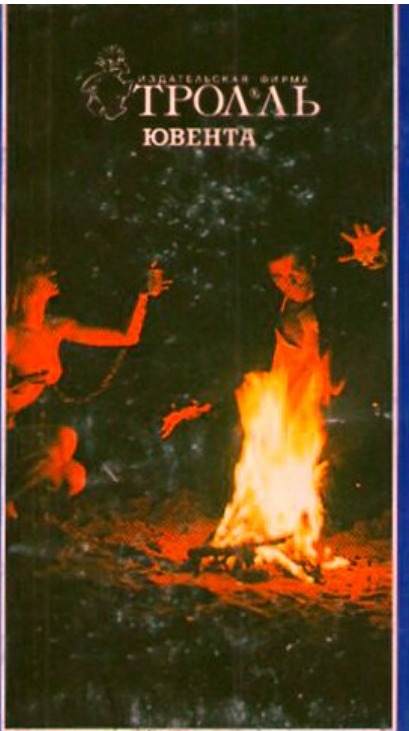
Аннотация
Филип Хосе Фармер. Сказочный корабль
ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ПЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТАЯ
ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Аннотация

Известный исследователь Востока сэр Ричард Бартон, погибший от предательского удара ятаганом, просыпается на берегу огромной Реки в обществе других умерших — все человечество стало жертвой чьего-то чудовищного эксперимента. Кому под силу воскресить миллиарды людей и населить ими этот неведомый мир? Отважный Ричард Бартон и неунывающий Марк Твен не хотят быть пешками в чужой игре и пытаются приоткрыть завесу тайны.

Филип Хосе Фармер
Сказочный корабль



ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА

СКАЗОЧНЫЙ КОРАБЛЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сэм Клеменс шагал взад и вперед по кормовому палубному настилу «Дрейрага» («Кровавого»), покуривая длинную зеленоватую сигару. Он переложил подзорную трубу в другую руку и, остановившись около рулевого Ари Гримальфссона, ни слова не понимавшего по-английски, задумчиво произнес:

— Воскрешение, подобно политике, способно уложить в одну постель самых разных партнеров. К сожалению, такой сон не приносит отдыха.

Ари холодно посмотрел на Сэма. Наморщив лоб, Клеменс изложил свою мысль на ломаном старонорвежском, но она не стала рулевому понятней.

Сэм выругался по-английски, обозвав Ари тупоголовым варваром. Три последние года Клеменс днем и ночью практиковался в норвежском десятого века, однако большинство мужчин и женщин на борту «Дрейрага» с трудом понимали его.

— Гек Финн, у которого за спиной девяносто пять прожитых лет, плюс или минус несколько тысячелетий, — пробормотал Клеменс, адресуясь

к собственной персоне. — Я отправился в путь на плоту с низовьев Реки. Теперь я плыву на дурацком корабле викингов вверх по Реке. Что дальше? Когда же осуществится моя мечта?

Зажав локтем свою драгоценную подзорную трубу, он с силой ударил правым кулаком по раскрытой ладони левой руки.

«Железо! Мне нужно железо! Но где его найти на планете, перенаселенной людьми, но бедной металлом? Нет, железо должно тут быть! В противном случае, откуда взялся топор Эрика? Много ли его здесь? Скорее всего, нет. Скорее всего, топор сделан из крошечного железного метеорита. Но, быть может, я найду столько железа, сколько необходимо? Но где? Мой бог, эта Река, наверное, тянется на двадцать миллионов миль! И железо, возможно, находится на другом ее конце! Нет! Оно должно залегать где-то недалеко, в пределах ста тысяч миль. Но где гарантия, что мы плывем в нужном направлении?»

Клеменс навел подзорную трубу на правый берег и снова выругался. Несмотря на его постоянные просьбы, они удалились от берега так, что он не мог разглядеть лиц.

Конунг флота викингов, Эрик Кровавый Топор, говорил, что данная область населена враждеб-

ными племенами. И корабли должны держаться середины Реки.

«Дрейраг» — флагман флотилии, состоявшей из трех кораблей, достигал в длину восьмидесяти футов и был построен из бамбука, хотя и напоминал древние скандинавские драккары, бороздившие северные моря европейского континента на рубеже первого и второго тысячелетий. Низкий корпус с корабля суживался к корме; нос украшала голова дракона, вырезанная из дуба. Судно покрывали палубные настилы, над которыми вздымались две высокие бамбуковые мачты. Тонкие, полупрозрачные, но очень прочные паруса были изготовлены из плавательных пузырей «речных драконов» — огромных глубоководных рыб. На кормовой палубе находилось штурвальное колесо, соединенное с рулем гибкими тросами.

На внутренней стороне бортов судна висело оружие команды — круглые дубовые щиты, обтянутые кожей, большие весла крепились на специальных подставках. «Дрейраг» шел против ветра, непрерывно лавируя маневром, неизвестным скандинавским мореплавателям десятого века.

Мужчины и женщины, не занятые управле-

нием парусами, сидели на скамьях для гребцов, болтали, играли в покер и кости. Из-под кормового настила неслись ликующие вопли вперемешку с руганью — Кровавый Топор и его телохранитель резались в пульку. Их беспечность, неуместная ввиду надвигающихся событий, нервировала Клеменса. Конунг отлично знал, что в трех милях выше по Реке сосредоточился вражеский флот, готовый перехватить их корабли, к тому же от обоих берегов позади «Дрейрага» отчаливали суда, перекрывая путь к отступлению. Однако Эрик сохранял демонстративное спокойствие. Клеменс подумал, что норвежец своей невозмутимостью напоминает ему адмирала Дрейка перед сражением с Великой Армадой.

— Но здесь совсем иная ситуация, иные условия, — сердито пробормотал Клеменс, — нет достаточно пространства для маневра, Река не более полутора миль шириной. Да и шторма, который помог бы нам выпутаться, не ожидается.

Клеменс направил на берег свою трубу, что делал постоянно в течение трех последних лет, странствуя с флотом викингов. Он был среднего роста, и его не слишком широкие плечи казались еще уже из-за крупной головы. Рыжеватые длинные волосы обрамляли лицо с тонким римеким

носом и голубыми глазами, смотревшими из-под нависших косматых бровей. Усы, так хорошо знакомые тысячам людей во время его земной жизни, отсутствовали; в мире Реки мужчины воскресали без растительности на лице. Кусок ткани, похожей на полотенце, облегал его бедра до колен на манер шотландского килта; примитивная одежда закреплялась у талии кожаным ремнем, на котором висел футляр для подзорной трубы. На ногах Клеменса красовались самодельные кожаные башмаки. Его тело отливало бронзой под ярким экваториальным солнцем.

Он перевел трубу, пытаясь разглядеть, что происходит на вражеских кораблях, плывших позади «Дрейрага» на расстоянии мили. И в тот же момент увидел в небе изогнутую, как сабля, белую полосу с огненной точкой на конце, стремительно удлинявшуюся и направленную вниз. Мгновением позже сверкающий объект достиг гор и исчез за ними.

Сэм был поражен. Он не раз наблюдал ночами падение мелких метеоритов, но этот, несомненно, просто огромен! Даже при дневном свете пылающий болид слепил глаза и его изображение секунду или две держалось на сетчатке. Когда зрение восстановилось, Сэм отвлекся от упавшей

звезды. Он снова рассматривал берег с помощью своей трубы.

Эта местность была типичной; по обоим берегам Реки тянулись полуторамильные полосы равнины, поросшие травой. На их поверхности кое-где возвышались огромные грибообразные каменные структуры — грейлстоуны, камни-граали, — нескончаемый источник жизненных благ планеты. Но у подножия окаймлявших степь холмов вздымались неохватные стволы могучих тисов, сосен, дубов и железных деревьев. Их огромные, достигавшие тысячефутовой высоты, кроны создавали хаос из ветвей и листьев, напоминающих свешивающиеся слоновьи уши; а их древесина была столь тверда, что не поддавалась ни ножу, ни огню. Гибкие лианы, усыпанные большими яркими цветами, тянули бесконечные стебли по ветвям и стволам деревьев.

За холмами через одну-две мили неприступной стеной вставали горы. Крутые и неприступные вершины возносились на высоту двадцати-тридцати тысяч футов. Эту область, вдоль которой Река несла норвежские корабли, в основном населяли немцы девятнадцатого столетия. Около десяти процентов жителей составляли люди из другого места и другого времени Земли; в дан-

ном случае — персы первого века новой эры. И, наконец, менее одного процента составляло случайное население, мужчины и женщины, жившие на Земле в разные времена и в разных странах.

Глядя в трубу, он видел бамбуковые хижины на равнине, лица и фигуры людей. Чресла мужчин облегали только разноцветные покрывала; женщины носили юбки, сделанные из таких же покрывал, их груди стягивал легкий кусок ткани. На берегу собралось множество людей, которые, по-видимому, готовились наблюдать за сражением или участвовать в нем. Вооруженные копьями с обсидиановыми наконечниками, луками и стрелами, они растянулись вдоль берега, не придерживаясь военного построения.

Клеменс что-то проворчал, задержав взгляд на лице одного мужчины. На таком расстоянии в свой несовершенный инструмент он не мог отчетливо разглядеть его черты. Но широкоплечая фигура и смуглое лицо показались Сэму знакомыми. Где он мог видеть его раньше?

И тут воспоминание словно ударило его: человек напоминал известного английского исследователя сэра Ричарда Бартона, фотографии которого он неоднократно видел на Земле. Скорее

всего, это был кто-то другой, но сходство поразило Клеменса. Он покачал головой и стал переводить свою трубу на другие лица и другие фигуры, мимо которых проносился его корабль. Он не мог быть уверен, что люди, показавшиеся ему знакомыми, являются таковыми на самом деле.

Хорошо бы сойти на берег и побеседовать с тем человеком; возможно, он — действительно Бартон. За двадцать лет жизни на планете Реки, повидав миллионы лиц, Клеменс не встретил никого, кто был бы знаком ему по прежней жизни на Земле. Он не встречался с Бартоном лично, но был уверен, что тот слышал о нем. Тот человек — если он действительно являлся Бартоном — мог стать тонкой ниточкой, связывающей Сэма с прошлым, с жизнью на Земле.

И вдруг далекая, размытая фигура возникла в поле зрения... Клеменс дико вскрикнул:

— Ливи! О, боже мой, Ливи! Ливи!

Никаких сомнений. И хотя он ясно не различал ее черты, он не мог ошибиться! Овал лица, прическа, фигура и танцующая походка — доказательства, неумолимые, как отпечатки пальцев! Он видел свою жену, с которой прожил на Земле более тридцати лет, снова юную и прекрасную!

— Ливи, — простонал он. Корабль переменил

галс, и он потерял ее из виду. Стиснув зубы, напрягая зрение, он судорожно обшаривал берег с помощью трубы. Не выдержав, он принялся стучать ногой о палубе и закричал:

— Кровавый Топор! Кровавый Топор! Поднимись! Скорее!

Сэм рванулся к рулевому, жестом приказав ему повернуть

корабль и подойти к берегу. Его неистовый взгляд вызвал у Гримальфссона некоторую растерянность, но викинг быстро пришел в себя, сощурился и отрицательно покачал головой.

— Правь к берегу, я приказываю тебе! — вскричал Клеменс, забыв, что рулевой не понимает по-английски. — Там моя жена! Оливия! Моя прекрасная Ливи — такая, какой она была в двадцать пять лет! Поворачивай обратно, дубина!

Что-то грохнуло позади него, Клеменс обернулся и увидел голову с растрепанными белокурыми волосами и обрубленным левым ухом, возникшую на уровне палубы. Затем, по мере того как Эрик Кровавый Топор подымался по лестнице, появлялись его широкие плечи, могучая грудь и мускулистые руки. Он был одет в полосатое черно-зеленое покрывало, которое стягивал на талии широкий ремень, поддерживающий несколько

метательных ножей из кремня и топор с широким стальным лезвием и дубовой рукоятью. Топор, насколько знал Клеменс, являлся уникальным изделием на планете, где материалом для оружия могли служить только камень и дерево.

Конунг взглянул на Реку и нахмурился. Повернувшись к Клеменсу, он сказал:

— Что случилось, скрелинг? Я сделал неверный ход, когда ты завопил, как невеста Тора в первую брачную ночь. Я проиграл Токи Нильсону сигару! — Он вытащил топор из чехла и взмахнул им. Солнце сверкнуло на голубоватом стальном лезвии. — У тебя должна быть важная причина, чтобы побеспокоить меня! Клянусь бородой Локи, многие поплатились головой за меньшую провинность!

Лицо Клеменса побледнело, но на угрозу Эрика он не обратил внимания. Взъерошенные ветром волосы, орлиный профиль и пристальный взгляд делали его похожим на сокола, готового броситься на добычу.

— Иди ты к дьяволу, вместе со своим топором! — закричал он. — Я только что видел свою жену, Ливи, там, на правом берегу! Я хочу... я требую... чтобы ты высадил меня на берег! Я должен разыскать ее! О боже, после всех этих лет бесполезных

поисков... Это займет только одну минуту! Ты не можешь отказать мне, ты не будешь таким бесчеловечным!

Сверкающий топор еще раз со свистом рассек воздух. Викинг оскалил зубы в ухмылке.

— Так вся эта суматоха из-за женщины? Из-за нее? — Эрик указал на маленькую темнокожую фигурку, притулившуюся возле дубовой рамы метательной ракетной установки.

Клеменс стал бледнее. Он произнес:

— Темах чудесная девушка, и я давно с ней! Но она —не Ливи!

— Ты считаешь, что этой причины достаточно? — ехидно поинтересовался Кровавый Топор. — Думаешь, я такой же глупец как ты? Стоит нам подойти к берегу, как враги зажмут нас и с воды, и с суши; мы уподобимся мыши в кулаке Трейра! Я не сделаю этого, скрелинг! Забудь о ней.

Клеменс пронзительно вскрикнул и с поднятыми руками бросился на викинга. Эрик размахнулся и ударил плоскостью лезвия Клеменса по голове, повалив его на палубу. Несколько минут Клеменс неподвижно лежал на спине, солнце светило в его широко открытые глаза, а кровь, струившаяся из-под волос, заливала лицо. Придя в себя, он слабо застонал.

Конунг сделал нетерпеливый жест. Темах, со страхом взглянув на Эрика, опустила за борт обмазанную глиной корзинку на длинном шесте и зачерпнула воды, затем осторожно вылила ее на грудь и лицо Клеменса. Он сел, мотая головой, потом приподнялся на дрожащих ногах. Темах набрала еще одну корзинку воды и ополоснула палубу.

Клеменс зарычал на Эрика. Тот ухмыльнулся и сказал:

— Нидинг, трус, ты болтал слишком много и слишком долго. Теперь ты знаешь, что случится с тобой, если ты посмеешь говорить с конунгом, как с траллсом. Тебе повезло, что я не убил тебя,

Клеменс отвернулся от Эрика, пошатываясь оперся на ограждавшие палубу перила и попытался перелезть через них.

— Ливи! — из его горла вырвался тоскливый хрип.

Ругаясь, Кровавый Топор подскочил к нему, обхватил поперек

груди, оттащил и потом снова швырнул на палубу.

— Я не дам тебе удрать, проклятый скрелинг! — закричал норвежец.— Ты мне еще нужен. Ты должен найти мне железо!

— Здесь же нет... — начал Клеменс, но оборвал фразу на полуслове. Если норвежец поймет, что Сэм понятия не имеет, где находятся залежи железа (если они вообще тут есть), то с ним покончат в одно мгновение.

— Кроме того, — бодро продолжал Эрик, — когда мы найдем железо, ты поведешь нас к Северному Замку. Правда, я полагаю, что смогу сам добраться до него, плавая по Реке. Но и тогда ты будешь мне нужен. У тебя много знаний, которые могут пригодиться. А еще я хочу использовать твоего приятеля, Джо Миллера, этого великана из страны льда и мороза.

— Джо! — окрепшим голосом выкрикнул Клеменс. — Джо Миллер! Где Джо! Он убьет тебя!

Топор просвистел над самой головой Клеменса.

— Ты не скажешь Джо ни слова об этом деле, слышишь? Клянусь пустой глазницей Одина, я прикончу тебя раньше, чем он протянет ко мне свои лапы! Ты слышишь?

Но Клеменс внезапно вскочил на ноги и, шатаясь, как пьяный, громко закричал:

— Джо! Джо Миллер!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Из-под палубного настила раздался голос, бормотавший что-то невнятное. Он был схож с рычаньем зверя, таким мощным, что волосы на затылках людей встали дыбом, хотя они слышали этот рык тысячи раз.

Ступени бамбуковой лестницы заскрипели под весом огромного тела, заскрипели так громко, что перекрыли свист ветра в кожаных канатах такелажа, хлопанье парусов, крики команды и шипение воды, разрезаемой носом корабля.

Голова, появившаяся над краем палубы, выглядела куда более устрашающей, чем нечеловеческий, могучий голос, предшествовавший ее появлению. Скошенный лоб переходил в приплюснутый череп, покрытый рыжими волосами. Выступающие надбровные дуги нависали над маленькими, темно-синими глазами. Широкие скулы, тонкие губы, вывернутые наружу, могучие челюсти придавали созданию сходство с гориллой. Нос, однако, не гармонировал с остальными чертами лица, на котором более уместным выглядел бы плоский нос с широкими, открытыми для всеобщего обозрения ноздрями. Вместо этого

под узким лбом торчала ужасающе комическая пародия на человеческий нос, подходившая его лицу не более, чем хобот к морде обезьяны.

Плечи Джо имели чудовищную ширину. Впереди себя он с достоинством нес объемистое брюхо размером с пивную бочку. Его руки и ноги казались короткими в сравнении с длинным туловищем, хотя тазобедренный сустав располагался на уровне подбородка Клеменса. Рукой, вытянутой на полную длину, Джо мог удерживать Клеменса в воздухе в течение часа без малейшего намека на дрожь.

Он не нуждался в одежде ни для защиты от холода, ни скромности ради. Последнее понятие вообще было ему незнакомо, пока он не соприкоснулся с расой Гомо Сапиенс. Ржаво-красные волосы, более густые, чем у человека, но не такие плотные, как у шимпанзе, покрывали его тело. Кожа под ними имела грязновато-розовый цвет.

Он запустил в свою рыжую шевелюру лапищу размером с полный словарь английского языка и поскреб плоское темя; потом широко зевнул, демонстрируя огромные, похожие на человеческие по форме зубы.

— Я был тпящий, — громыхнул гигант. — Я видел Темлю, я видел кравулхитменбафвина, ты

называешь его маммоном. Я охотился на него — как в добрые тарые дни.

Он заковылял вперед, затем остановился.

— Тэм! Что тлучилось? Ты в крови! Ты выглядишь плохо!

Рявкнув на своих охранников, Эрик Кровавый Топор

попятился от гигантопитека.

— Твой приятель — безумец! — закричал он. — Ему показалось, что он увидел свою жену — как это уже случалось тысячу раз! И он напал на меня, когда я не позволил ему сойти на берег! Клянусь бородой Тора, Джо! Ты знаешь, сколько раз он думал, что видит свою женщину и мы всегда останавливались из-за него! И всегда это была другая женщина, немного похожая на его жену! Но сейчас я сказал — нет! Даже если он действительно видел свою женщину, я все равно скажу — нет! Мы не можем совать наши головы в волчью пасть!

Эрик поднял свою секиру, готовый отразить удар гиганта. Тот медленно двинулся вверх по лестнице, сжимая в огромной лапе каменный топор чудовищных размеров. Рыжеголовый великан явно колебался.

— Что ты ткажешь, Тэм? — произнес Миллер.

— Должен я разорвать его на части?

Клеменс схватил голову ладонями, сжимая затылок,

— Нет, Джо. Вероятно, он прав. Я действительно не уверен, видел ли я Ливи. Может быть, я перепутал ее с немецкой фрау, похожей на мою жену... Я не знаю, не знаю!

На норвежских судах, следовавших за «Дрейрагом», заревели рога из рыбьих костей. В ответ с палубы флагмана грохнул огромный барабан. Сэм Клеменс бросил взгляд вперед и сказал:

— Забудь об этом, Джо, пока мы не выберемся из этой свалки — если мы выберемся из нее! Если мы уцелеем, мы вернемся к этому делу. Позже...

— Ты уже говорил «потже», Тэм, но это «потже» никогда не наступает. Почему?

— Если ты не в состоянии понять этого, значит, ты на самом деле такой тупица, каким выглядишь! — отгрызнулся Клеменс.

Слезы блеснули в глазах Джо и его огромные щеки стали мокрыми.

— Кажтый раз, когда ты бываешь обижен, ты натываешь меня тупицей. Почему ты натываешь так меня? Почему не людей, которые обижают тебя, почему не его? — великан ткнул пальцем в сторону Кровавого Топора.

— Я виноват перед тобой, Джо, — ответил Клеменс. — Истина глаголит устами младенцев и обезьяночеловека... Ты хороший парень, Джо. Ты не тупица, ты очень умный. Прости меня.

Кровавый Топор вновь обрел свой важный вид, но, на всякий случай, держался подальше от Джо. Раскачивая свое сверкающее оружие, он махнул рукой вперед и закричал:

— Скоро металл столкнется с металлом и прольется кровь! — Ха!.. Но что я говорю! Здесь в битве сталкиваются камень с камнем и дерево с деревом — если, конечно, не считать моего топора из звездного железа! Но что с того? Меня утомили шесть месяцев мира. Я жажду криков войны, свиста копий, грохота острой стали, пронзающей плоть, потоков крови. Я хочу обручиться со смертью! — на губах викинга выступила пена, его глаза сверкали.

— Твинья! — сказал Джо Миллер.— Ты сказал плохо. Ты боишься, да, и прикрываешь это твоим большим ртом!

— Я не могу разобрать твоего бормотанья, — небрежно бросил Кровавый Топор. — Обезьяне никогда не овладеть человеческим языком.

— Ты понял меня хорошо, — Джо сжал огромный кулак.

— Успокойся, — Клеменс положил ладонь на руку гиганта и посмотрел вперед. Милях в двух вверх по течению прибрежные равнины исчезли; горы подступили к Реке, тесня ее. Ширина потока тут не превосходила четверти мили; вода кипела, как в котле, между двух утесов, достигавших высоты трех тысяч футов. На их вершинах можно было заметить какие-то непонятные конструкции, блестевшие на солнце.

Перед входом в теснину расположилось тридцать вражеских галер, образовавших три выгнутые подобно полумесяцу линии. Внезапно они устремились навстречу кораблям норвежцев. Быстрое течение и удары шестидесяти весел стремительно несли вперед легкие суда. Внимательно разглядывая вражеский флот через подзорную трубу, Клеменс заметил:

— Каждый их корабль имеет на борту сорок воинов и две ракетные установки. Мы попали в дьявольскую западню. У наших собственных ракет старая начинка, взрывчатка могла кристаллизоваться от долгого хранения.

— А что там торчит наверху утесов? Машины, которые бросают греческий огонь? — Конунг принял от телохранителя доспехи: трехслойный кожаный шлем, кожаный панцирь, налокотники

и щит. Другой воин держал связку метательных копий с кремневыми наконечниками.

Обслуживающая ракетную установку команда из женщин уже поместила снаряд в метательную трубу. Длина сделанной из бамбука ракеты превышала шесть футов; ее начинку составлял черный порох, смешанный с осколками камня, игравшими роль шрапнели.

Джо Миллер отправился вниз за своим оружием; доски палубы жалобно скрипели под весом его восьмисот фунтов. Клеменс надел шлем и забросил за спину щит, — другими доспехами он не пользовался, хотя и боялся ранения; но еще больше его устрашала возможность утонуть в Реке, упав в нее в тяжелом вооружении.

Сэм благодарил неведомых богов, желание или недосмотр которых свели его с Джо Миллером, кровным братом — после того, как Клеменс рискнул пройти болезненную церемонию, которая представлялась ему отвратительной. Но теперь Миллер и Клеменс должны были защищать и поддерживать друг друга до самой смерти. В случае вооруженного конфликта таланты Джо были неоспоримы; того, что он делал в любом сражении, вполне хватало на двоих.

Кровавый Топор питал к гигантопитеку устой-

чивую неприязнь, причиной которой была зависть. Конунг воображал себя величайшим воителем в мире, но прекрасно понимал, что Джо может расправиться с ним так же просто, как с собакой — причем с небольшой собакой.

Конунг отдал приказ, который передали на другие корабли вспышками света, отраженного сигнальными обсидиановыми зеркалами. Кораблям с поднятыми парусами необходимо прорваться сквозь тройной строй галер. Это было непростой задачей; возможно, судам придется лавировать, чтобы избежать тарана, но тогда они могут потерять ветер. Кроме того, каждый корабль трижды попадал под перекрестный обстрел с вражеских галер.

— Ветер дует нам в лицо, — сказал Клеменс. — Их ракеты могут пролететь лишнюю сотню ярдов. Нужно...

— Заткнись, скрелинг! Сейчас я не нуждаюсь в твоих советах, ты, сосунок... — Кровавый Топор внезапно замер, стоя с открытым ртом.

Сверкающие конструкции покинули вершины утесов и стремительно неслись по воздуху, держа курс на корабли викингов. Крики ужаса и тревоги раздались вокруг; Клеменс поднял руку, успокаивая людей. Над ними кружили планеры,

и он в нескольких словах попытался как можно проще объяснить конунгу назначение аппаратов. Кровавый Топор закричал что-то на старонорвежском, обращаясь к своим воинам. И в этот момент первая шеренга галер дала ракетный залп. Десять ракет, тащивших за собой шлейфы черного дыма, помчались по дуге к трем парусным кораблям. Суда норвежцев быстро изменили курс, стремясь уйти с линии прицела. Некоторые ракеты пролетели рядом с мачтами, но ни одна не попала в цель. С громким всплеском неразор-вавшиеся снаряды скрылись под поверхностью Реки.

Затем первый планер пошел в атаку. Сверкающий, длиннокрылый, с серебристым фюзеляжем, на котором был нарисован черный мальтийский крест, он ринулся вниз на «Дрейраг». Норвежские стрелки подняли луки и по команде своего командира натянули тетивы.

Описав плавный полукруг, планер устремился к кораблю; несколько стрел чиркнули по фюзеляжу и упали в Реку, помешав летчику точно сбросить бомбы, которые взорвались позади «Дрейрага», взметнув над поверхностью фонтаны пены.

Но к норвежским кораблям уже приближались остальные планеры, а вражеские галеры произве-

ли новый ракетный залп. Клеменс обернулся на ракетную установку «Дрейрага». Рослая полная женщина с льняными волосами медленно поворачивала направляющий раструб, повинуясь командам маленькой смуглой Темах. Девушка выглядела совершенно спокойной, как будто дарившая вокруг суматоха не касалась ее. На таком расстоянии ракеты «Дрейрага» не могли поразить корабли противника.

Неожиданно изображение замерло, как на фотографии: два планера, пикирующие на «Дрейраг»; маленькие черные бомбы под их крыльями; лучники, напряженно следившие за эволюциями летательных аппаратов; ракеты с немецких судов, пролетевшие уже половину пути до кораблей викингов; дымные черные арки их траекторий, повисшие на воздухе.

Внезапно Клеменс покачнулся от сильного толчка в спину; казалось, какая-то чудовищная рыбина разворачивает корабль поперек течения. Но затем последовали звуки — треск рвущихся парусов и глухие удары, как будто неведомые великаны рубили огромными топорами мачты «Дрейрага».

Планеры, ракеты, летящие стрелы качнулись вверх и в сторону. Рухнувшие мачты с надутыми

парусами взлетели к небу, унесенные могучим порывом ветра. Корабль, лишенный парусов, крутился в водовороте, среди белесой пены и потоков ревущей воды. Клеменс был бы неминуемо смыт с палубы, если бы не огромная рука Джо, обхватившая его поперек груди. Другой рукой гигантопитек намертво вцепился в штурвал. Толпившиеся вокруг ракетной установки полунагие женщины пронзительно кричали, их волосы были растрепаны, рты широко раскрыты. Внезапно ураган подхватил их; подобно стае птиц, они взлетели с палубы «Дрейрага» и рухнули в Реку. Раструб ракетной установки, сорванный с рамы, последовал за ними.

Кровавый Топор ухватился одной рукой за поручни, сжимая в другой свое драгоценное стальное оружие. Хотя палуба раскачивалась и кренилась под его ногами, викинг ухитрился сунуть топор за пояс, а затем уцепился за поручни обеими руками. И сделал это вовремя. Налетевший с Низовья ветер, завывающий подобно дикому зверю, обрушился на корабль. Удар горячего пыльного шквала оглушил зажмурившегося Клеменса с силой взрыва сотни ракет.

Река вздулась, огромная волна подняла корабль. Клеменс открыл глаза, закричал, но не

услышал собственного крика. Стена грязной бурой воды высотой в пятьдесят футов надвигалась сзади на «Дрейраг». Он хотел снова закрыть глаза, но не мог этого сделать и с пересохшими губами смотрел на гигантскую волну, катившуюся по всей ширине Реки. На ее гребне покачивались вырванные с корнем деревья, огромные сосны, дубы, обломки домов и галер, серебристые тела рыб, выброшенных на поверхность с пятисотфутовых глубин Реки.

Ужас сковал Клеменса. Он хотел умереть, избежать леденящего страха надвигающегося небытия, но это было не в его власти. Сжав ладонями виски, Сэм ощущал, как корабль поднимался и опускался под ним; потоки воды прокатывались по палубе, низко нависшее небо, ставшее из голубого темно-серым, давило на плечи; огромная рука Джо тисками сжимала его грудь.

Теперь корабль находился на вершине водяной горы и было видно, как новые чудовищные волны надвигались на них, хотя размерами они уступали первой. Внезапно нагое тело, принесенное ревущим потоком, скользнуло на палубу у ног Клеменса. От взгляда вниз волосы зашевелились на его голове; он снова закричал, дико, отчаянно.

Перед ним, в ссадинах и кровоподтеках, лежа-

ло мертвое тело Ливи! Это была Ливи, его жена, которую он видел час назад на берегу Реки!

Новая волна, прокатившаяся по палубе, едва не смыла за борт Клеменса и Джо. Клеменс слышал крик рулевого, которого снесло стремительным потоком. Вместе с ним исчезло и тело женщины.

Корабль встал почти вертикально, вздымаясь на вершину водяной горы. Теперь Клеменс, как и державший его Джо, почти висели на штурвальном колесе, упираясь в палубу скользящими ногами. Внезапно корабль снова принял горизонтальное положение, затем накренился вниз кормой и ринулся в пропасть между двумя гигантскими волнами. От резкого толчка Кровавый Топор перелетел через палубу. Клеменс видел, как Кондыг вцепился в полуоборванные снасти, а вихри белой пены крутились вокруг его плеч и белокурой головы.

Гребень третьей волны поднял «Дрейраг» к серым небесам. Что-то большое, темное, показалось впереди, и через мгновение норвежский корабль столкнулся с полуразбитым корпусом галеры. Судно содрогнулось, вверх полетели обломки весел, куски обшивки, канаты. Клеменс почувствовал сильный удар по голове и потерял сознание.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сэм Клеменс очнулся только к утру следующего дня. «Дрейраг» каким-то образом миновал огромные волны, прокатившиеся по руслу Реки и прилегающим равнинам. Корабль проскочил в теснину между двумя утесами и застрял на мелководье, в небольшой расщелине в основании подступавшей вплотную к Реке горы. Когда вода схлынула, полуразрушенный корабль оказался на суше.

Скованные ужасом люди жались в холодной грязи, покрывшей останки судна, пока ветер яростно таранил беспокойную поверхность Реки. Мрачное небо цвета стылого железа нависало над ним. Постепенно ветер стих и с Низовья потянуло теплом.

Пятеро уцелевших на палубе «Дрейрага» начали с усилием шевелиться, окликая друг друга охрипшими голосами. Сэм почти физически ощущал, как слова с трудом срываются с его застывших губ. Запинаясь, Клеменс рассказал своим спутникам о светящемся объекте, который он наблюдал на небе за час до начала урагана. Где-то внизу по Реке, может быть, милях в двухстах,

упал гигантский метеорит. Огромное количество тепла, выделившегося при его ударе о землю, породило пертурбацию обычно спокойной атмосферы в долине Реки. Волны, едва не погубившие «Дрейраг», могли показаться игрушечными в сравнении с водяным Монбланом, возникшим вблизи точки удара. Им повезло; они находились на окраине яростного возмущения стихий.

Из-под палубного настила показались люди, мужчины и женщины, спасавшиеся в трюме «Дрейрага». Некоторые норвежцы смогли подняться на ноги; пошатываясь, они бродили по палубе, что-то бормоча и размахивая руками. Другие ползли вверх по лестницам, тяжело дыша, оглядываясь вокруг налитыми кровью глазами. Кровавый Топор воззрился на остатки своей команды и внезапно взревел:

— Все вниз, вниз! Могут прийти новые волны, еще больше, еще страшнее! Прячьтесь в трюм, скорее, во имя Одина!

Вид конунга не понравился Клеменсу, но он надеялся, что в голове у норвежца скоро прояснится. Сам он был уверен, что эти первые чудовищные волны являлись и последними.

Джо Миллер, который пришел в себя быстрее, чем остальные, отправился в разведку. Через

полчаса он вернулся, таща обнаженное тело мужчины. Оказалось, что этот человек жив. Его красивое лицо с серо-голубыми глазами и белокурые волосы были измазаны грязью. Он что-то сказал Клеменсу по-немецки и благодарно улыбнулся, когда Джо осторожно опустил его на палубу.

— Я нашел его под обломками деревянной птицы, — сказал Джо, изображая огромными ладонями парящий планер. — Там, — он указал рукой в верхнюю часть расщелины, — вся темля покрыта людьми. Мертвыми. Что ты бутешь телать с ним? — спросил он, кивая на молодого летчика.

— Постараюсь сделать его нашим другом, — ответил Клеменс, пожимая плечами. — Его народ уничтожен, и теперь в этом районе хватит места для всех оставшихся в живых.

Молодой человек попытался приподняться, упираясь локтями о палубу. Клеменс помог ему сесть.

— Благодарю вас, сэр, — сказал блондин на английском с хорошим британским выговором. Он обхватил руками свои обнаженные плечи и добавил. — Я совсем замерз!

Джо спустился под палубный настил и вскоре

принес рыбу, хлеб из желудевой муки грубого помола и сыр — обычную пищу викингов. Как правило, они запасались едой, когда флот плыл у берегов, населенных мирными племенами.

— Эта тупая твинья, Кровавый Топор, он 'все еще жив, — сообщил Джо. — У него только царапины и тсиняки на ребрах. Но его большой рот в полном порядке и уже отдает приказы. Как тебе это нравится?

Дрожащей ладонью Клеменс ощупал палубу в том месте, где лежало тело Ливи. Казалось, доски еще хранили следы ее крови. Слезы наполнили его глаза и медленно покатились по щекам. Глядя на него, Джо тоже заплакал и с трубным звуком высморкал свой хобот.

— Вот, — сказал гигант, — теперь мне гораздо лучше. Я никог-та еще не был так испуган, никогта за всю мою житнь. Я тмотрел на воду, она твигалась на нас как мамонт. Я тказал себе — прощай, Джо, прощай, Тэм. Я проснусь где-то у Реки в новом теле, но я больше никогта не увижу Тэма. Это было трашно, так трашно!

Молодой летчик смотрел на Джо в немом изумлении. Потом, повернувшись к Клеменсу, он начал рассказывать о себе. Его звали Лотар фон Ритгофен, и он являлся капитаном военно-воз-

душных сил его императорского величества, кайзера Новой Пруссии Альфреда Первого. Бывшего кайзера, как с удовлетворением отметил фон Ритгофен.

— За последние десять тысяч миль мы проплыли, наверное, сотню Новых Пруссии, — сказал Клеменс. — Они были такими маленькими, что, встав посередине любой из них, я мог добросить камень до границы соседней. Но те Пруссии не показались мне такими воинственными, как ваша. Нам разрешали высаживаться на берег и пополнять запасы пищи, особенно, когда узнавали, что мы занимаемся торговлей.

— Торговлей?!

— Да, и пусть это вас не удивляет. Конечно, мы продаем не товары; всех товаров старой доброй Земли едва хватило бы на небольшую часть речной долины. Мы торгуем идеями. Например, мы можем показать людям, как сделать распылитель для рыбьего клея или обучить их обращению с парусами.

Лотар заметил, что кайзер Альфред был на Земле графом фон Вальдерзее, фельдмаршалом Германии, что, по-видимому, объясняло его особую воинственность. Граф родился в 1832 году и умер в 1904.

Клеменс кивнул головой и заметил:

— Я вспоминаю, что читал о его смерти в газетах и воспринял это известие с большим удовлетворением. Мы почти ровесники с графом, и мне импонировало, что я переживу старого разбойника. То была одна из немногих радостей последних лет моего земного существования. Но вернемся к вам. Поскольку вы — авиатор, значит родились в Германии двадцатого века?

Фон Ритгофен кратко рассказал о своей жизни. Он действительно был летчиком немецкого военно-воздушного флота. Его старший брат прославился во время войны как один из лучших ассов германской авиации.

— Вы участвовали в первой мировой войне или во второй, — спросил Клеменс. Он уже встречался с людьми двадцатого века и имел понятие об основных событиях земной истории, последовавших после его смерти в 1910 году.

Оказалось, что фон Ритгофен сражался в первой мировой войне и ухитрился выйти живым из множества передряг. Но в 1922 году он пилотировал самолет, в котором из Гамбурга в Берлин летела американская актриса со своим продюсером. Самолет потерпел аварию, и Лотар погиб.

— Удача покинула Лотара фон Ритгофена — так

я думал, когда моя машина падала вниз, — добавил летчик и усмехнулся. — Но вот я здесь, и у меня снова молодое тело двадцатипятилетнего человека. О чем же мне сожалеть? О старости, до которой я не дожил на Земле? О старости, когда тебя больше не веселит вино, не волнуют женщины и каждый прошедший день приближает к могиле? Нет, сейчас я не жалею ни о чем. Моя удача — со мной, и она снова выручила меня. Планер, который я пилотировал, потерял крылья с первым ударом урагана. Ветер кружил мою машину как сухой лист; я взлетал, опускался и снова взлетал. Наконец, планер сел на воду и поток вынес в этот каньон у подножия горы. Чудо!

— Согласен, если считать чудом удачное стечение обстоятельств, — сказал Клеменс. Он посмотрел на серое небо и сизую, мутную Реку. Солнце слабо просвечивало сквозь тучи, склоняясь к западу. Сэм снова повернулся к летчику и спросил: — Как вы полагаете, упавший метеорит мог послужить причиной этого страшного наводнения?

— Наверняка. Я видел вспышку в небе и пылающий след. К счастью для нас, он упал далеко отсюда.

Они спустились с палубы судна на холодную

мокрую землю, покрытую слоем ила и грязи, и двинулись к верхней части расщелины. Джо Миллер отбрасывал в сторону бревна, иногда перегораживающие путь. Глядя на его мощные плечи, Клеменс подумал, что с этими огромными стволами, пожалуй, не справилась бы и упряжка лошадей. Путники медленно продвигались к выходу на равнину. Команда «Дрейрага», покинувшая судно, плелась за ними, по колено увязая в грязи.

Они покинули каньон и теперь в молчании шли по равнине, заваленной вырванными с корнем соснами, дубами и тисами. Только железные деревья по-прежнему возносили к сизому небу свои кроны. Кое-где попадались свободные от грязи участки, покрытые травой. Везде были разбросаны обломки кораблей, останки легких бамбуковых хижин, вперемешку с которыми лежали нагие тела людей, покрытые грязью покрывала, оружие и чаши.

Наконец, они достигли грибообразных грейлстоунов, тянувшихся невысоким барьером вдоль Реки на расстоянии мили от берега. Камни-граали выглядели неповрежденными, хотя почти полностью утопали в грязи.

— Дожди быстро смоют всю эту мерзость, — ска-

зал Клеменс. — Почва здесь понижается в сторону Реки, и через три-четыре дня равнина будет чистой. — Он старался не смотреть на трупы. Он испытывал острое, непереносимое отвращение. Кроме того, он боялся снова увидеть тело Ливи. Он понимал, что не сможет оставить ее, что грозило ему безумием.

— Мы можем быть уверены в одном, — продолжал Клеменс, упорно глядя себе под ноги. — Между нами и этим метеоритом сейчас нет ни одной живой души. Мы найдем его первыми, и потом нам придется защищать свое железное сокровище от двуногих волков, которые сбегутся на его запах. — Он повернулся к фон Ритгофену, пристально всматриваясь в лицо молодого пилота. — Хотите присоединиться к нам, капитан? Держитесь меня, и однажды вы сможете взлететь в это небо не на планере, а на настоящем аэроплане.

Клеменс поведал летчику о своей Мечте. Потом он коротко рассказал ему о приключениях Джо Миллера и Туманном Замке

— Чтобы добраться туда мне нужно железо, — сказал он. — Предстоит много тяжелой работы. Эти викинги, конечно, не помощники в таком деле. Чтобы построить большое судно, пароход,

надо обладать техническими знаниями. Но я использую их, чтобы найти источники железа. Я надеялся, что мы сможем обнаружить руду, из которой сделан топор Эрика. Эти дикари жаждут получить стальное оружие и потом захватить Туманный Замок, как будто он подобен средневековой крепости где-нибудь в Италии или Франции. Мне довольно легко удалось подбить их на эту экспедицию.

Лицо Лотара горело от возбуждения.

— Ваша цель кажется мне величественной и благородной! — воскликнул он. — Клянусь, я готов следовать за вами до стен Туманного Замка! Даю вам слово офицера и джентльмена, слово барона фон Ритгофена!

— Мне достаточно вашего слова честного человека, — сказал Клеменс сухо.

— Что за странное трио мы представляем! — продолжал Лотар. — Гигантский получеловек — полуобезьяна, чей род вымер за сотню тысяч лет до начала цивилизации. Прусский барон и авиатор, живший в двадцатом веке. И величайший юморист Америки, родившийся в 1835 году! И наша команда, — Сэм иронически поднял брови при слове «наша», — норвежские викинги десятого века!

— Извините, — сказал Сэм, наблюдая за конунгом и его людьми, в мрачном молчании тащившимися сзади. Все они были покрыты грязью с ног до головы. — В данной ситуации я менее всего ощущаю себя юмористом. Собственно, я никогда не относил себя к этому сорту людей. Я был писателем.

— О, простите! — воскликнул Лотар. — Я причинил вам боль! Не обижайтесь на меня! Чтобы искупить свою бестактность, хочу сказать вам, мистер Клеменс, что еще мальчишкой я перечитал все ваши книги. И самой великой из них считаю «Гекльберри Финна». Правда, должен признать, мне не очень понравилось, как вы высмеиваете аристократию в «Янки из Коннектикута». Впрочем, там шла речь об английской аристократии, с чем, пожалуй, можно примириться.

Кровавый Топор издал хриплый крик, и они остановились. Поразмыслив, конунг решил, что люди слишком измучены, чтобы начать тяжелую работу по спуску корабля в воду. Команда должна поесть, выспаться и как следует отдохнуть. Он махнул рукой, и отряд направился к ближайшему грейлстоуну.

Люди поставили свои чаши в небольшие углуб-

ления на плоской вершине камня. Когда солнце коснулось иззубренных горных вершин на западе, они ожидали услышать привычный грохот электрических разрядов, сопровождаемый потоком тепла, исходящего от грейлстоуна. Так, в голубых вспышках молний, плоть камня-грааля, синтезатора материи, преобразовывалась в пищу и питье. По окончании этого процесса, каждый, сняв крышку, находил в своей чаше вареное или жареное мясо, овощи, хлеб и масло, фрукты, сигары, мед, напитки и Жвачку Сновидений.

Но хотя темнота уже опустилась на речную долину, камни-граали оставались холодными и мертвыми. На другом берегу Реки горизонт озарился голубыми вспышками и слабый грохот донесся до слуха людей. Здесь же, на западном берегу, синтезаторы не работали — впервые за двадцать лет с момента Воскрешения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мужчины и женщины почувствовали себя так, как будто бог покинул их. До сих пор благодеяния, источаемые чудесными камнями три раза в день, казались такими же естественными, как восход солнца. Теперь они могли надеяться только на остатки своих запасов — хлеб, рыбу и сыр.

Клеменс побледнел от ужаса. Но фон Ритгофен напомнил о том, что они могли перебраться на восточный берег Реки. Клеменс подошел к конунгу, чтобы обсудить с ним создавшееся положение. Кровавый Топор был в отвратительном настроении, но, истощив свой запас проклятий, все же решил, что нужно делать. Спустя несколько минут, Сэм, Джо Миллер и молодой летчик, забрав чаши, погрузились в челнок. На весла сел Токе Крокссон, рыжеголовый швед с мускулистыми руками гребца и воина. Доставив их на восточный берег, он погнал легкое суденышко обратно.

Шлепая по мокрой земле, троица дотащилась до серой гряды грейлстоунов. Они решили расположиться на ночь на плоской

вершине огромного камня. Его поверхность была чистой; по-видимому, мощные электрические

разряды удалили всю грязь.

Клеменс лег на спину и, подложив руки под голову, уставился в ночное небо. Оно отличалось от земного; двадцать тысяч звезд, более ярких, чем Венера, сияли на нем, и светящиеся нити газовых облаков пересекали его из конца в конец. Некоторые звезды были настолько яркими, что их удавалось разглядеть даже в полдень.

— Очевидно, метеорит разбил несколько камней на западном берегу, — сказал Сэм. — Цепь синтезаторов разорвалась. Боже мой, какое гигантское сооружение! Мне доводилось встречать людей, которые подсчитали, что цепь включает как минимум двадцать миллионов камней!

— После катастрофы долина Реки может стать полем непрерывной битвы, — произнес Лотар. — Жители западного берега нападут на обитателей восточного, чтобы получить доступ к работающим грейлстоунам. Это будет чудовищная, небывалая война! У Реки живут тридцать пять—тридцать семь миллиардов человек, и все они будут бороться за пищу.

— Черт меня побери, если это будет иметь какой-то смысл, — заявил Джо. — Одна половина убьет другую половину, но через тсутки покойники оживут и все начнется тначала.

— Я в этом не уверен, — сказал Сэм. — Думаю, что количество воскрешенных как-то связано с производительностью синтезаторов. Трудно сказать, что произойдет сейчас, когда половина их вышла из строя, — Клеменс повернулся на бок и задумчиво добавил: — Да, натворил дел этот диверсант с небес!

— Я долго размышлял о причинах возникновения этого мира, — сказал фон Ритгофен, — и пришел к выводу, что он не является творением сверхъестественных сил. — Вам доводилось слышать эту дикую историю, что гуляет по долине от Низовья до Верхоречья? Рассказывают, что некий человек пробудился раньше Дня Воскрешения и обнаружил, что он находится в очень странном месте. Его окружали миллионы тел, нагие мужчины, женщины и дети, висящие в воздухе. Их головы были выбриты, и они медленно вращались под действием неведомых сил. Этот человек, англичанин по имени не по Перкинс, не то Бартон, умер на Земле в 1890 году. Он начал шевелиться, пытаясь попасть на пол, но к нему подошли два существа — как говорят, похожие на гуманоидов, — и снова усыпили его. Затем он очнулся, подобно нам всем, на берегах Реки.

— Кто бы ни стоял за всем этим, — продолжал

летчик, описав рукой круг, — он — или они — не являются всеведущими. Они допустили ошибку с Бартоном. Ему удалось бросить взгляд на стадию, предшествующую Воскрешению, на которой после смерти на Земле людей подготавливают к жизни в долине Реки. История звучит фантастично, однако...

— Я слышал эту историю, — коротко сказал Сэм. Он подумал, стоит ли поведать своим спутникам о том, что он, кажется, видел Бартона на берегу в подзорную трубу за несколько минут до того, как заметил Ливи. Но воспоминание о ней снова пронзило его острой болью.

Он сел, выругался и погрозил кулаком равнодушным небесам. Слезы, поблескивающие в свете звезд, текли по его щекам. Джо Миллер, скорчившийся позади него, протянул гигантскую руку и мягко коснулся его плеча. Фон Ритгофен смущенно отвел взгляд. Затем летчик сказал:

— Надеюсь, утром мы сможем зарядить наши чаши. Очень хочется курить.

Клеменс усмехнулся и вытер слезы ладонью,

— Меня не так-то легко заставить плакать, — произнес он. — Но когда это происходит, мне бывает очень стыдно. Простите меня, барон.

Он снова посмотрел на яркие звезды, сияющие в

небесах этой неведомой планеты, и продолжал:

— Мир, в который мы попали — печальный мир. Но горести его иные, чем на нашей старой Земле. Да, мы вечно молоды здесь, нам не надо тяжко трудиться ради пищи и крова, заботиться об оплате счетов, страдать от болезней. Наши женщины не знают тут тягот беременности. И если мы будем убиты или случайно погибнем, то на следующий день восстанем живыми и здоровыми в тысяче миль от того места, где с нами произошло несчастье. Все это совершенно не похоже на сказки о загробном мире, которыми нас потчевали на Земле проповедники. Но, может быть, все только к лучшему. Представьте себе, что вам пришлось бы летать с помощью нелепых крыльев или целый день бренчать на арфе и возглашать осанну?

Лотар засмеялся и сказал:

— Спросите любого китайского или индийского кули, и он заверит вас, что этот мир неизмеримо лучше ада, в котором подобный человек жил на Земле. Только наши избалованные современники, европейцы и американцы, недовольно ворчат и пытаются доискаться до первопричин произошедшего с нами чуда. Но ведь мы понятия не имеем, что происходит в космосе вблизи Земли,

тем более — в отдаленных областях пространства. Однако, поскольку мы находимся здесь, мы можем обнаружить — при известных обстоятельствах — кто и зачем поместил нас сюда. Тем временем, пока тут есть прекрасные и желанные женщины — а они здесь есть — а также сигары, вино, Жвачка Сновидений и возможность завязать добрую потасовку, будем наслаждаться жизнью.

Летчик замолчал, и вскоре Сэм услышал его ровное сонное дыхание и похрапывание Джо. Вскоре он тоже уснул, согревшись под большим тяжелым покрывалом, защищавшим его от накрапывающего дождя. Он пробудился перед рассветом: огромная рука Джо осторожно похлопывала его по спине. Быстро спустившись с камня на землю, он отошел вместе со своими спутниками на безопасное расстояние. Пятью минутами позже камень выбросил вверх столб голубого пламени и воздух наполнился грохотом, похожим на рев чудовищной величины льва.

В тот же момент заревели камни на другой стороне Реки. Клеменс бросил многозначительный взгляд на Лотара:

— Кто-то уже устранил поломку, барон.

— Кого вы имеете в виду? — поднял брови фон

Ритгофен. Внезапно смысл слов Клеменса дошел до его сознания; он нахмурился и замолчал. Однако, когда они подошли к берегу, где их ждал в челноке Токе Крокссон, молодой летчик уже улыбался и болтал подобно гостю, приглашенному на коктейль. Слишком весел и беззаботен, подумал Клеменс, поглядывая на своего спутника. Он коснулся его руки и сказал:

— Раньше Их незримое присутствие в этом мире не ощущалось. Но на сей раз, я полагаю, они были вынуждены принять срочные меры.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пять следующих дней были заняты спуском корабля на воду. Еще две недели ушли на восстановление «Дрейрага». Все это время поддерживалось тщательное наблюдение за окружающей местностью, но вокруг не было ни одной живой души. Наконец, корабль, еще лишенный мачт и парусов, был готов к плаванию и двинулся на веслах вниз по Реке.

Команда, привыкшая видеть множество мужчин и женщин на простиравшихся вдоль Реки равнинах, заметно приуныла. Мертвое молчание вокруг нервировало норвежцев. В этом Мире не было животных, кроме рыбы в Реке и земляных червей в почве, но люди и без того подымали достаточно шума.

— Скоро сюда соберутся шакалы за тысячи миль, — сказал Клеменс конунгу. — На этой планете железо гораздо большая редкость, чем золото на Земле. Ты хотел сражений? Скоро ты будешь сыт ими по горло.

Эрик взмахнул топором и сморщился от боли; синяки и царапины, покрывавшие его торс, еще не зажили.

— Пусть они приходят, я готов! — прорычал викинг. — Сражение — жизнь воина и вопли умирающих врагов веселят его сердце!

— Твинья! — сказал Джо Миллер. Сэм примиряюще улыбнулся и занял на всякий случай позицию между ними. Кровавый Топор боялся только одного существа в мире, но он легко терял контроль над собой и впадал в ярость берсерка. Однако конунг нуждался в Джо, который один стоил двадцати воинов. Злобно сплюнув за борт, Кровавый Топор отправился в трюм, где он коротал время за картами. Прошло два дня. Корабль плыл только в дневное время. Ночью уставшие от гребли люди спали на берегу, выставив надежную охрану. На третий день ранним вечером гигантопитек, Клеменс и фон Ритгофен сидели на палубе, покуривая сигары и угощаясь виски из своих чаш. Этой благодатью их одарили синтезаторы во время последней остановки.

— Почему вы назвали нашего волосатого друга Джо Миллером? — спросил Лотар.

— Его настоящее имя длиннее научных терминов немецких философов, — сказал Клеменс. — Я не мог произнести даже его первую половину, когда мы впервые встретились. Вскоре он достаточно овладел английским, чтобы рассказать

мне анекдот — причем он ждал этого с огромным нетерпением. Тогда я и решил назвать его Джо Миллером. Он поведал мне историю настолько древнюю, что я с трудом мог в это поверить. Я слышал ее много раз; впервые, в несколько измененном виде, еще когда я мальчишкой жил в Ганнибале, на Миссури. И с тех пор, к моему великому отвращению, мне рассказывали ее тысячу раз, пока я не достиг старости. Но мог ли я предположить, что услышу эту историю от существа, которое умерло за сто тысяч лет до моего рождения!

— Что же это за история?

— Ну, там идет речь об охотнике, который весь день выслеживал раненого оленя и очень устал. Наступила ночь, и разразилась страшная буря. Охотник заметил свет от костра и вскоре подошел к уютной пещере. Он попросил старого колдуна, который жил в ней со своим семейством, приютить его на ночь. И старик ответил: «С большим удовольствием, юноша. Однако у нас тут довольно тесно, тебе придется лечь спать с моей дочерью». Нужно ли продолжать дальше?

— Тэму не тмешно, — пробасил Джо. — Кое-когда я думаю, что он лишен чутва юмора.

Сэм легонько щелкнул Джо по огромному носу

и сказал:

— Кое-когда я думаю, что ты прав. Но в действительности я — лучший юморист в мире, потому, что я очень печальный человек. Смех уходит корнями в горе.

Он затянулся сигарой и бросил взгляд на берег, который уже начала окутывать легкая дымка сумерек. В этот день корабль оказался в районе, где тепловой удар, возникший при падении метеорита, был особенно силен. Все здесь, кроме немногочисленных железных деревьев, превратилось в пепелище. Огонь уничтожил листву железных деревьев, и даже их непроницаемая кора уступила пламени; древесина под ней, прочностью не уступавшая граниту, почернела. Опаленная цепь грейлстоунов тянулась по-прежнему вдоль Реки; некоторые камни наклонились, но Сэм знал, что эта волшебная скатерть-самобранка уже действует.

Он перевел глаза на своих спутников и произнес:

— Лотар, сейчас подходящее время, чтобы подробнее поведать вам о цели наших поисков. Джо расскажет свою историю, а я попытаюсь объяснить то, что будет в ней непонятно. Это удивительная история, но не более странная, чем все,

что случилось с нами после смерти на Земле.

— В моем горле тсухо, — сказал Джо, — дай мне выпить.

Темно-голубые глаза, утопленные под нависшими дугами бровей, пристально уставились в пустую деревянную чашку. Казалось, что гигант всматривается куда-то, пытаясь восстановить в памяти события и сцены, которые ему предстояло описать. Он глубоко вздохнул и начал свой рассказ о Туманном Замке.

— Я протнулся где-то выше по Реке, голый, такой, как я есть тейчас. Я был на высоком, ровном месте, которое Тэм называет плато. Оно лежит далеко на тсевере этой планеты, я тумаю. Там холоднее и твет не такой яркий, как тсесь. Там не было людей, только мы... мы, такие, как я. У нас имелись чаши, но только больше ваших... вот такие, потмотрите на мою. Но мы не получали пива и витски. Мы не знали про ал то... алкотоль на Земле, и мы не получали его в наших чашах тут. Мы пили воду из Реки.

— Мы тумали, что находимся в таком месте, куда втсе идут потле тмерти... что наши боги дали нам это плато и втсе, в чем мы нуждаемся... Мы были тчастливы там, мы женились, тра-жались с врагами, и еще ели и тпали. И я был бы тсчастлив

там, если бы не увидел ко... коабл.

— Он имеет в виду корабль, — пояснил Сэм.

— Я так и говорю. Коабл. Пожаста, не прерывай меня, Тэм. Ты уже тзелал меня таким нетчастным, когда тказал, что здесь нет богов. Хотя я тсам видел их.

— Видел богов?! — воскликнул пораженный Лотар.

— Не точно. Я тмотрел, где они живут. Я видел их коабл.

— Что?! Что ты говоришь?!

Клеменс взмахнул своей сигарой.

— Позже, барон. Дайте ему сказать. Если вы начнете прерывать его слишком часто, он будет смущаться.

— Там, откуда я пришел, — сказал гигант, задумчиво почесывая в голове, — нельзя говорить, пока говорит другой. Иначе можно получить кулаком в нос.

— С таким носом, как у тебя, — ухмыльнулся Сэм, — это, надо полагать, не очень приятно.

Джо Миллер осторожно потрогал хобот, украшавший его физиономию.

— У меня только отин нос, и я доволен им. Никто в этой части долины не имеет такого носа. Там, откуда я пришел, на твой нос тоже сильно

бы удивлялись — я верно сказал, Тэм?

Сэм поперхнулся табачным дымом и вытащил сигару из рта.

— Ты рассказывал нам про корабль. Продолжай, Джо.

— Да. Нет! Еще нет! Я не дошел то этого! Но как я тказал, в один день я лежал на берегу и тмотрел на рыбу в Реке. Я тумал о том, как тзелать крючок и поймать немного рыбы. И вдруг я утлышал звук. Я посмотрел. Из-за мыса показалось трашное чудовище. Оно плыло по Реке.

— Я был ужасно итпуган. Я потскочил вверх и я хотел ткорее бежать. Но тут я увидел людей на его тпине. Они были маленькие и тонкие, и я мог бы убить их всех одной рукой. Когда чудовище приблизилось, я увидел, что на их лицах нет ничего, о чем можно тказать — вот порядочный нос...

Слушая гулкий голос Джо, Клеменс снова испытывал те же ощущения, что и в тот далекий день, когда эта история была поведана ему в первый раз. Ему казалось, что он почти перевоплотился в это существо, предшественника и старшего брата человека. Несмотря на медленную речь, шепелявость и частые остановки, рассказ гиганта был выразительным и эмоциональным. Клеменс мог почувствовать его панику и его удивление, а по-

том — почти рефлективное желание убежать. Но Клеменс также ощущал и другое стремление — то, которое делало это доисторическое существо понятным и близким человеку — необоримое любопытство. За этим покатым лбом находился сгусток серого вещества, трепетавший от желания увидеть и узнать новое и толкавший своего обладателя на поступки странные и необычные.

Итак, Джо Миллер стоял на берегу, сжимая ручку своей чаши, готовый в любой момент к бегству.

Чудовище подплыло ближе. Джо начал понимать, что оно не живое существо. Но если так, то почему оно вздымало над водой свою огромную голову, будто готовилось к прыжку? Все же оно не выглядело живым. От него возникало такое же ощущение, как от камня или упавшего древесного ствола. Конечно, это не означало, что чудовище не могло ожидать. Джо видел, как раненый медведь, притворившийся мертвым, внезапно поднялся на дыбы и разорвал охотника из его племени. Однако, хотя Джо видел раньше этого охотника мертвым, он знал, что охотник снова ожил — в тот день, когда пробудился на берегах Реки. И если он, и сам Джо и многие другие могли снова стать живыми, то почему не могла

сделать то же самое эта удивительная змееподобная голова? Вдруг она перестанет притворяться деревянной и схватит Джо своими огромными зубами?

Но он пересилил страх и нерешительно шагнул вперед.

На спине чудовища, рядом с его головой, стоял смуглый человек, крохотный и жалкий по сравнению с доисторическим гигантом. Голову человека охватывал стеклянный обруч, пламеневший красными искрами в лучах солнца; он кивнул головой, подзывая Джо. За его спиной сгрудились остальные, держа в руках копья и странные устройства, которые, как Джо узнал позднее, назывались луками. Казалось, они не испытывали страха перед приближающимся гигантом. Печать многодневной усталости лежала на их лицах; идти на веслах по Реке против течения было тяжелой работой.

Вождь с обручем на голове долго уговаривал Джо подняться на борт судна. Жесты его рук были плавными и спокойными, глаза не таили угрозы. Потом люди сошли на берег, им надо было зарядить свои чаши. Они ели, и Джо ел вместе с ними, расположившись в отдалении. Охотники и женщины его племени убежали к подножиям

холмов, испуганные приближением судна. Теперь, увидев, что речная змея не тронула Джо, они стали медленно двигаться к берегу. Люди поспешно отступили на свой корабль.

Вождь достал из своей чаши странный предмет, поднес огонь к его концу и выпустил изо рта клуб дыма. Джо взвыл от ужаса, а его соплеменники снова ринулись к холмам. Джо подумал, что крохотный пигмей является, вероятно, детенышем дракона. Как иначе он мог повелевать огнем и дымом?

— Но я не глупый, — продолжал гигант, — и тскоро я понял, что дым шел от предмета, который называется тсигарой. Их вождь показывал руками, что если я пойду к ним, я тоже могу пускать дым из тсигары, Я подумал, как удивятся охотники моего племени, когда я буду пускать дым. И я пошел к нему.

Джо ступил на борт, и судно наклонилось под его тяжестью. Он угрожающе поднял свою чашу, показывая, что проломит голову первому, кто приблизится к нему. Этот жест был понятен людям и они старались не подходить близко к гиганту. Вождь протянул Джо сигару, которую тот немедленно сунул в рот. Джо закашлялся; вкус табака показался ему странным, но приятным.

Когда же он впервые попробовал пиво, то пришел в состояние блаженства.

Итак, Джо решил плыть на деревянной змее вверх по Реке вместе с пигмеями. Он получил свое первое имя на языке людей — Техати.

— Техати? — спросил фон Ритгофен с удивлением.

— Вам, несомненно, знакома греческая форма этого имени — Тот, — сказал Клеменс. — Египтянам Джо показался похожим на длинноклювого ибиса — бога мудрости. Я думаю, что он также напомнил им бога-бабуина, Баста, но его восхитительный нос все же перевесил — и он стал Тотом или Техати.

Дни и ночи текли подобно Реке. Иногда Джо уставал в тесноте судна и просился на берег. Он уже мог немного говорить на языке людей. Вождь никогда не отказывал Джо, и судно приставало к берегу. Мудрый человек понимал, что любой конфликт с гигантом привел бы к гибели всей его команды. Однако он с горечью говорил во время этих вынужденных остановок, что перерождение Техати еще только началось и будет тянуться долго. Он был пока зверем с лицом бога мудрости, но, возможно, когда-нибудь он станет человеком.

Зверь? Бог? Человек? Значение этих слов было

непонятно гиганту.

Ты называешь их в неправильном порядке, говорил вождь. Если идти снизу, то верная последовательность будет такой: зверь, человек, бог. Правда, иногда можно различить бога под личиной зверя, и человека, сливающегося с животным и с божеством, непрерывно балансирующего между этими двумя состояниями.

Подобные рассуждения были свыше понимания Техати, озабоченного, в основном, хлебом насущным. Он садился, скорчившись, у борта судна и хмуро разглядывал берег. Тут сложно было получить сигары и пиво. Обитавшие на берегу существа относились к его виду, но эти чужие племена могли убить его. Кроме того, он впервые познавал радость интеллектуального общения и не жаждал снова очутиться среди созданий, почти не знакомых с членораздельной речью.

Постепенно его кругозор расширялся. Язык, самое замечательное изобретение людей, формировал разум Техати, балансирующего на грани между зверем и человеком. Он стал уже хорошо понимать речь своих спутников и начал постигать те удивительные и чудесные вещи, о которых говорил ему вождь. Иногда это мысленное напряжение было мучительным, почти

болезненным — как будто он пытался схватить ветвь колючего кустарника. Но он не отступал. Постигая ту или иную идею, он преследовал ее словно дикого зверя, ловил, глотал, извергал обратно, снова голотал и, в конечном счете, переваривал, получая тем самым постоянную пищу для мозга.

Река текла, устремляясь на север. Люди гребли, стараясь держаться ближе к берегу, где течение было слабее. Дни сменялись ночами, солнце уже не взбиралось высоко в небесах, но с каждой неделей точка зенита опускалась все ниже и ниже. Воздух стал заметно холоднее.

— Джо и его компания приблизилась к северному полюсу, — пояснил Сэм. — Наклон экваториального сечения этой планеты к плоскости эклиптики равен нулю. Как вы знаете, здесь нет смены времен года и день в точности равен ночи. Но в высоких широтах, которых достиг Джо, солнце почти не подымается в небе, а только колеблется вблизи линии горизонта, давая мало тепла и света.

— Да. Там всегда были тсумерки. Мне было холодно, хотя не так холодно, как людям. Они все время кутались в покрывала.

— Его большая масса отдает тепло медленнее,

чем наши тела, — сказал Сэм.

— Тэм, Тэм! Ты тнова перебиваешь. Должен я ратказывать или мне тержать мой рот закрытым?

Лотар и Сэм рассмеялись.

Он продолжал. День ото дня ветер становился сильнее, в воздухе появился туман. Беспокойство овладело Джо. Он хотел бы вернуться обратно, но боялся потерять уважение вождя. Нет, он не покинет людей, он пройдет с ними каждый шаг по пути к их неведомой цели.

— Ты не знал, куда они идут? — спросил Лотар.

— Не точно. Они хотели достигнуть начала Реки. Они думали: может быть, боги живут там. Они думали: может быть, боги пустят их в Правильный Мир. Они тказали, этот мир — неправильный мир. Он тступенька на пути в правильный мир. Вот, что он есть.

— Да, эта долина мало похожа на загробный мир страны Великого Хапи, — прошептал Клеменс.

Судно плыло вверх по Реке. Наступил день, когда Джо услышал слабый гул. Звук нарастал по мере движения, но еще до того, как он превратился в оглушительный грохот, Джо понял, что слышит рев воды, падающей с невообразимой

высоты.

Судно достигло небольшого заливчика, огражденного узким мысом. Ряды грейлстоунов больше не тянулись по берегам Реки.

Люди ловили рыбу, ели ее и сушили впрок. На судне хранился также запас побегов молодого бамбука: они были собраны в более теплых районах долины.

Вождь и его люди долго молились; затем отряд тронулся в путь, карабкаясь к водопадам, ряд за рядом низвергавшихся там, где река прорезала склон горы. Несколько раз только сверхчеловеческая сила Джо-Техати помогала им преодолеть груды камней. Но в других случаях его огромный вес едва не вызвал обвалы.

Они подымались по берегу вверх, мимо стремительно несущихся струй воды, мокрые от летящих брызг. Наконец, отряд достиг подножия гладкого, как лед, утеса, с вершины которого гигантским тысячефутовым потоком падала Река. Люди отчаялись; дальше дороги не было. Бесцельно бродили они у подножия скалы, когда кто-то вдруг заметил веревку, змеившуюся по ее поверхности. Она была связана из множества покрывал — единственной разновидности тканых изделий, существовавших на этой планете. Джо

проверил ее прочность и полез вверх, перебирая веревку руками и упираясь ногами в поверхность скалы. Когда он достиг вершины, следом за ним двинулся вождь. Но на середине подъема человек обессилел, и Джо поднял его вверх вместе с тяжелым канатом. Потом он проделал то же самое с остальными людьми.

— Откуда там мог появиться канат? — спросил фон Ритгофен.

— Кто-то пожелал облегчить им дорогу, — ответил Клеменс. — При той примитивной технологии, которая существует на планете, никто из людей не смог бы забраться на гладкую скалу и спустить вниз канат. Следовательно, существует некая неведомая личность, не принадлежащая к роду человеческому (назовем ее Таинственным Незнакомцем), которая приготовила веревку для Джо и его компании. Или, вернее, для тех, кто сумеет добраться до утеса. Не спрашивайте меня, кто такой этот Незнакомец. Слушайте. Дальше будет еще много интересного.

Наверху простиралось обширное плато. Отряд, забрав канат, двинулся дальше в сумеречном свете негреющего солнца. Через несколько миль они достигли новой скалистой стены, такой же гладкой, как предыдущая. Здесь Река расширя-

лась до нескольких миль, образуя гигантский водопад. Глядя на массу падающей воды, Джо подумал, что в таком потоке можно утопить луну. Он видел, как огромный камень появился на краю водопада и рухнул вниз, разбившись на мелкие осколки в водовороте, кипевшем среди скал у подножия стены.

Ветер усилился, в воздухе сгущался туман. Капли воды оседали на покрывалах, в которые люди закутались с головы до ног.

Вершины скал исчезали в тумане; эта стена могла достигать пятидесяти футов — или десяти тысяч. Они шли вдоль подножия утесов, надеясь отыскать какую-нибудь расселину. И они нашли ее — вернее, гладкую округлую дыру в скале, за которой начинался туннель. Он был очень низким, и людям пришлось передвигаться на коленях. Плечи Джо упирались в противоположные стены прохода. Они были такими гладкими, что не оставалось сомнений в их искусственном происхождении.

Туннель шел вверх с большим уклоном, прорезая гору. Установить его протяженность не представлялось возможным. Когда Джо вылез из темной дыры, его плечи, колени и локти кровоточили, несмотря на защищавшие его тело

покрывала.

— Мне кое-что непонятно, — сказал фон Ритгофен. — Мне кажется очевидным, что эти неприступные горы были специально сформированы для того, чтобы отрезать обитающих в долине людей от истока Реки. Кто же и зачем просверлил этот туннель в твердой скале? И почему подобного туннеля не оказалось в первом утесе?

— Там туннель был бы слишком заметен для охраны или патрулей, которые, возможно, посещают этот район, — сказал Клеменс. — А вторую скальную стену скрывал туман.

— Но связка светлых покрывал на темной скале, пожалуй, еще более заметна, — возразил летчик.

— Возможно, канат повесили незадолго до того, как Джо и его спутники появились у первого утеса, — сказал Клеменс.

Фон Ритгофен вздрогнул.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Покинув туннель, отряд очутился на новом плоскогорье шириной около десяти миль. По-видимому, здесь существовал ряд плато, постепенно повышающихся подобно ступеням гигантской лестницы и отделенных друг от друга скальными стенами. Люди поели и выспались; затем они снова тронулись в путь. Местность, покрытая огромными камнями, была вполне доступной для передвижения. Их главным врагом стал теперь недостаток кислорода. Они задыхались и были вынуждены часто останавливаться для отдыха.

Ноги Джо болели, он начал хромать. Но он не просил вождя останавливаться ради него; он мог идти так же долго, как и другие, хотя это стоило ему гораздо больших усилий.

— Джо не может находиться на ногах длительное время, — пояснил Клеменс, — у него плоская стопа. Кроме того, вес его тела слишком велик для двуногого. Я не удивлюсь, если причиной вымирания его вида стали частые переломы костей — в том числе позвоночника. После нескольких часов путешествия по скалам он должен был испытывать страшную боль в ногах.

— Я тснаю одного претавителя Хомо Тапиенс, который может итпытать боль в ратбитом носе, если не перестанет тсовать его в мое дело, — заявил Джо. — А мое дело — ратказывать вам эту историю.

Отряд достиг очередного барьера из скал. Они находились около чудовищного горного разлома, в который с грохотом рушилась Река. На обоих берегах возвышались гладкие, как лед, скалы; только по ущелью, рядом с водой, можно было двигаться вперед и вверх. Река неслась мимо них с громоподобным ревом, заглушавшим слабые крики людей. Это был голос разъяренного бога, могучий, как окружавшие их горы.

Джо Миллер нашел узкий выступ, ведущий в глубокую горизонтальную расщелину, расположенную высоко над водой. Джо заметил, что вождь идет теперь позади него. Он понял, что пигмеи отныне смотрят на него как на проводника и помощника. Они называли его Техати, но в этом имени раньше чувствовался привкус добродушной насмешки. Больше этого не было. Он действительно стал их Техати.

Расщелина, бежавшая по горному склону параллельно Реке, ничем не напоминала пройденный накануне туннель. Рука разумного существа

не касалась этого грубого камня, шершавого в своей первозданной наготе. Иногда расщелина становилась такой узкой, что Джо с трудом протискивался между полом и низко нависшим потолком. Здесь царила такая темнота, что Джо казалось, будто он ослеп. Слух также не мог помочь ему; любые звуки заглушал рев Реки. Он руководствовался только чувством осязания, и если бы оно изменило гиганту, он сам и ползущие следом люди были бы обречены на мучительную смерть в этой каменной ловушке.

— Мы тважды останавливались, чтобы есть и тпать, — рассказывал Джо. — Я тумал уже, что мы умрем там, когда кончится запас пищи. Но я тмотрел и увидел твет впереди. Даже не твет, а проблеск в темноте.

Люди выбрались из пещеры на свежий воздух. Они находились высоко на склоне горы; море облаков колыхалось под ними в нескольких тысячах футов. Солнце скрывалось за горами, но его слабые отблески освещали небо. Расщелина, которую миновал отряд, переходила в узкую тропу, пересекавшую склон и уходившую в туман. Они двинулись по ней вниз ползком, опираясь на свои окровавленные руки и колени.

Дрожащими пальцами люди цеплялись за

мельчайшие неровности скалы. Один из них начал скользить вниз; в ужасе он уцепился за соседа, и оба с громким криком исчезли в тумане.

Воздух становился теплее.

— Река отдавала свое тепло, — пояснил Клеменс. — Она не только зарождается у северного полюса; она также впадает там в море, после того, как бесчисленными петлями обовьет теплые области планеты. Воздух у северного полюса холодный, но там никогда не бывает таких морозов, как на Земле. Конечно, все это — только предположения.

Отряд достиг уступа, на котором люди могли немного передохнуть, присев на корточки и прижимаясь спинами к шершавой поверхности камня. Тропа, по которой они двигались, постепенно расширялась и, наконец, вывела их на огромную равнину, тонувшую в тумане. Джо остановился. До его слуха долетел шум прибоя; где-то далеко впереди волны бились о скалы.

Несмотря на сумерки и туман, с возвышенного места, на котором они находились, Джо мог видеть горы, окружавшие море у северного полюса. Огромная масса воды, покрытая белым паром, занимала котловину около пятидесяти миль диаметром. На противоположном берегу облачный

покров над водой был значительно толще. Причины этого Джо не знал, но Клеменс объяснил ему, что там находилось устье Реки. Теплая вода, вступая в контакт с холодным воздухом, бурно испарялась.

Джо сделал несколько шагов по тропе.

И он увидел серый металлический цилиндр, лежащий на земле у его ног.

Мгновение Джо смотрел на этот предмет, не узнавая его, — настолько чуждым казался он в мире первозданных скал и грубого шершавого камня. Затем предмет как бы обрел привычные очертания, и Джо понял, что перед ним находится чаша. Чаша, принадлежавшая человеку, который прошел по этой опасной тропе раньше него. Некоему неизвестному страннику, перенесшему такие же опасности и тяготы страшного пути. Очевидно, он использовал свою чашу как сосуд для хранения пищи. Крышка была отброшена в сторону, и Джо мог видеть полу разложившиеся остатки рыбы и засохший хлеб внутри.

Что-то случилось с путником в этом месте. Он мог бросить свою чашу только в двух случаях — если бы он был убит или так испуган, что в панике убежал прочь, покинув единственную реальную ценность на этой планете.

Джо похолодел от ужаса.

Наконец, встряхнув головой, он двинулся в обход огромного обломка скалы, перекрывающего тропу. На несколько секунд море исчезло из поля его зрения.

Он обошел вокруг гранитного валуна и вскрикнул.

Встревоженные люди подбежали к Джо, спрашивая, что испугало его. Но он не мог говорить; страх парализовал сознание Джо, и недавно обретенное искусство речи покинуло гиганта. Он вытянул длинную руку, показывая в сторону моря.

Облачный покров посередине огромного водоема на мгновение рассеялся, и сквозь дымку тумана виднелась вершина какого-то сооружения. Оно было серым и имело цилиндрическую форму, подобно чудовищной Чаше, поставленной на торец. Волны тумана, подымаясь и опускаясь, колыхались вокруг него.

По-видимому, где-то в горах, окружавших северный полюс, был разлом. В этот момент верхний край солнечного диска показался в ущелье и его лучи упали на вершину серой башни.

Джо сощурил глаза, пытаясь разглядеть Замок в потоке солнечного света. Что-то округлое по-

казалось над башней и стремительно ринулось вниз. Оно имело яйцеобразную форму, и его белая оболочка ярко искрилась на солнце.

В следующее мгновение солнце миновало проход в горах и сверкание погасло. Замок и летящий объект погрузились в темноту и туман. Мрачное серое небо снова нависло над людьми, застывшими на склоне горы.

Джо, вскрикнувший от страха при виде летящего объекта, шагнул назад. Чаша, брошенная неведомым странником, попалась ему под ноги. Он взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но даже его обезьянья ловкость не помогла ему. Он опрокинулся на спину и, кувыркаясь, покатился по склону к кромке воды. Перед ним мелькали горные вершины, низко нависшее небо, поверхность моря и лица его спутников, с ужасом наблюдавших за его падением.

— Я не помню, тсвалился ли я в воду, — продолжал Джо. — Я очнулся на берегу Реки в теплых краях, в двадцати милях от того места, где жил Тэм. Там были люди, которых Тэм называет норвежцами десятого тстолетия. Мне тнова пришлось изучать язык. Люди с маленькими носами очень боялись меня и хотели меня убить. Потом я встретил Тэма и мы тстали друзьями.

Наступило молчание. Джо поднял свою чашку и отхлебнул добрый глоток обжигающей жидкости. Его слушатели задумчиво глядели на гиганта. Кончики их сигар яркими точками сверкали в наступивших сумерках.

Наконец фон Ритгофен сказал:

— Тот человек, вождь со стеклянным обручем на голове... Как, ты сказал, его звали?

— Я еще не тказал.

— Ну, тогда скажи нам его имя.

— Эхнатон. Тэм знает о нем много больше, чем я, хотя я путешествовал с ним около четырех лет. Так тказал мне Тэм. Однако, — Джо принял важный вид, — я знаю человека по имени Эхнатон, а все, что знает Тэм, — только несколько так называемых исторических фактов о нем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Фон Ритгофен пожелал доброй ночи и отправился спать в трюм. Сэм мерял палубу шагами от борта к борту в полной темноте. Он тоже хотел спать, но не мог. Бессонница годами мучала его; мозг, не знающий покоя, не давал отдыха уставшему телу.

Джо Миллер сидел скорчившись у перил, не желая покидать своего друга — единственного человека, которого он любил и которому безоговорочно доверял. Вскоре его голова опустилась, огромный нос уткнулся в грудь и он захрапел. Издаваемые им звуки были подобны завыванию ветра в кроне дерева.

— Тспи крепко, малыш, — прошептал Сэм. Он знал, что Джо видит сейчас далекую и утраченную навсегда Землю, по которой бродят мамонты, ревут огромные львы и в густых зарослях скрываются прелестные самки его племени. Внезапно Джо вскрикнул и жалобно заскулил. Сэм подумал, что ему снится медведь, от которого он пытается убежать на своих неуклюжих ногах. Ноги Джо болели днем и ночью. Подобно всем свои сородичам, он был слишком огромен и тяжел для

передвижения на двух ногах. Природа провела эксперимент с этими гигантскими полулюдьми и затем безжалостно уничтожила их — еще до появления на Земле первого кроманьонца.

— «Величие и Падение Плоскостопых», — пробормотал Сэм под нос, — статья, которую я уже никогда не напишу.

Сэм застонал, сжимая виски ладонями. Перед его глазами стояла Ливи, ее изуродованное тело, подаренное ему на краткий миг волнами. Была ли эта женщина действительно Оливией? Может быть, он видел ее раньше на берегах Реки среди двух десятков женщин, чьи лица в подзорную трубу казались такими похожими на ее облик? В тех случаях, когда ему удавалось уговорить Эрика причалить к берегу, его ожидало разочарование. И теперь у него тоже не было уверенности, что он видел тело своей жены.

Он снова застонал. Как жестоко, мучительно жестоко, если эта была она! Быть рядом с ней и не иметь возможности спасти ее, забрать с собой! Видеть ее мертвое тело, распростертое на палубе, как будто бог — или иные силы, правящие этим миром, — хотели с насмешкой сказать ему: «Смотри, к чему ты пришел! Мучайся и страдай, ты, ничтожное скопище атомов! Расплачивайся

слезами и вечной болью!»

— Платить — за что? — прошептал Сэм, ломая руки. — За какие преступления я должен расплачиваться? Разве не было отпущено мне страдания на Земле, отпущено полной мерой?

Смерть пришла к нему на Земле, и он был счастлив, потому что она несла с собой конец всем печалям. Он не будет больше лить слезы по умершим дочерям и жене, не будет терзать себя воспоминаниями о смерти единственного сына. О Ленгдон, Донни, малыш мой! Ему было только два года! Неужели недостаточно этого горя, чтобы подарить ему забвение?

С искаженным лицом Сэм воздел руки к темным небесам и закричал:

— Боже, в чем я виноват и за что казнишь ты меня этой болью? Какое это имеет значение сейчас? Дай нам забыть обо всем и разреши начать жизнь снова с чистыми душами!

Но прошлое, с его ошибками, горем и болью не покидало людей. Хотя в этом мире все умершие снова стали живыми, больные — здоровыми и старики — молодыми. Хотя все дурное, что сотворили люди в своей прошлой жизни, было так отдалено во времени и в пространстве, что стоило простить все это и забыть навсегда. Однако

так не получалось. Каким человек был на Земле, таким же он остался здесь; его мысли, желания, пороки и достоинства не изменились.

Внезапно ему захотелось забыться хотя бы на время. Почти инстинктивно его пальцы нащупали крышку чаши, в которой, среди прочих даров этого мира, лежали палочки Жвачки Сновидений.

С помощью Жвачки он мог погрузиться в нирвану, ощутить блаженство, стать счастливым, могучим, равным богам. Но иногда Жвачка только усиливала его страдания; ее действие было непредсказуемым. Вы могли испытать неизмеримое счастье — или чудовищный ужас, заставляющий молить о смерти как о спасении. Когда Клеменс последний раз воспользовался Жвачкой, его посетили такие кошмарные видения, что он не отваживался снова обратиться к наркотику. Может быть на этот раз... нет, нет!

Маленький Донни! Он никогда не увидит его снова, никогда! На берегах Реки не воскресали дети, которым было меньше пяти лет в момент смерти. Возможно, малыши находились в каком-то другом месте, на другой планете или в ином измерении — областях, столь же недоступных Клеменсу, как библейские ад и рай.

Он не мог даже найти Оливию или своих дочерей — Сюзи, Клару и Джин. Ходили слухи, что протяженность Реки составляет двадцать миллионов миль и на ее берегах обитает тридцать семь миллиардов человек. Предположим, некто пожелает пройти по обоим берегам речной долины и рассмотреть всех ее жителей. Сколько потребуется для этого времени? Пусть за день удастся осмотреть одну милю, значит... значит, нужно поделить сорок миллионов на триста шестьдесят пять... Он был не слишком силен в устном счете, но прикинул, что такая операция займет больше ста тысяч лет.

Но даже если бы человек был способен совершить это, одолеть бесчисленные мили пути и осмотреть каждого встречного, его поиски все равно могли стать бесполезными. Если за сотни и тысячи лет искомое лицо случайно погибнет, то после воскрешения оно может попасть в район, который разыскивающий уже осмотрел раньше. Кроме того, сам разыскивающий тоже мог погибнуть и очутиться в неведомом месте долины.

Нет, для поиска следовало избрать другой путь. Существа, создавшие долину и способные воскрешать умерших, наверняка имели средства для обнаружения любого нужного им человека.

Возможно, у них есть что-то наподобие архива, в котором неведомые приборы регистрировали местонахождение каждого обитателя долины.

Если же он ошибается, они, по крайней мере, должны будут заплатить за то, что они сотворили с людьми.

Рассказ Джо Миллера не был фантазией. Кроме того, в нем присутствовали кое-какие загадочные моменты, внушавшие определенные надежды. Очевидно, некая неизвестная личность — или существо — хотела, чтобы обитатели долины узнали о замке, высившемся в туманах полярного моря. Почему? Сэм не знал этого и не мог даже строить каких-либо предположений на этот счет. Но кто-то просверлил туннель через скалу, чтобы люди имели возможность достигнуть замка. И достигнув его, можно было узреть свет, который рассеет мрак неведения. В этом Сэм был уверен. И затем существовала широко известная история этого англичанина, Бартона или Перкинса, вероятно — Бартона, который пробудился на стадии, предшествовавшей Воскрешению. Было ли это пробуждение случайным? Или же оно как-то связано с туннелем в скале на севере?

Итак, у Сэмюэля Клеменса появилась мечта, которую он растил и лелеял, пока она не стала

его Великой Мечтой. Чтобы сделать ее реальностью, ему нужно было железо, много железа. Вот почему он уговорил Эрика отправиться в путь на поиски металла. По правде говоря, Сэм не рассчитывал обнаружить на этой планете обширные залежи железной руды, достаточные для строительства крупного судна. Но, по крайней мере, двигаясь с норвежским флотом, он приближался к верховью Реки, к полярному морю.

Теперь ему неожиданно улыбнулась удача — он мог получить железа больше, чем когда-либо надеялся найти. Однако поиски металла являлись только частью проблемы.

Он нуждался в специалистах. В металлургах, которые могли добыть метеоритное железо, расплавить его и придать ему нужную форму. В кораблестроителях, способных спроектировать судно. В механиках, понимавших толк в двигателях. В инженерах и техниках для десятков других дел.

Он положил руку на плечо Джо Миллера и сказал:

— Вставай, Джо. Скоро пойдет дождь.

Гигантопитек что-то рявкнул спросонок и поднялся на ноги, зевая и потягиваясь. Его зубы блеснули в свете звезд. Грузно ступая, он дви-

нулся за Сэмом к лестнице; бамбуковая палуба скрипела под весом его восьмисот фунтов. Внизу кто-то выругался по-норвежски.

Облака заволокли вершины гор по обоим берегам Реки. Тучи надвигались на долину, огромным занавесом закрывая небо, гася безумный блеск двадцати тысяч звезд и сияние газовых туманностей.

На восточном берегу сверкнула молния, раздался удар грома. Сэм остановился. Молния пугала его или, вернее, воскрешала детские страхи. В ее призрачном свете перед ним вставали лица тех, кого он обидел, оскорбил или унизил в своей прошлой жизни; за ними маячили туманные лики других его неведомых преступлений. Снова блеснула молния, нацеленная, казалось, прямо в его голову. В этот момент он готов был поверить в некое гневное божество, готовое сжечь его живым, чтобы избавить от вечного страдания. Где-то там, в облаках, обитал Божественный Мститель, и он видел Сэма Клеменса и его грехи.

Джо задрал к небу косматую голову.

— Гром ударил где-то ниже по Реке,—сказал он, прислушиваясь. — Нет! Это не гром! Неужели ты не тлышишь? Это что-то другое, похожее на гром, но другое!

Сэм напряженно вслушивался в ночную тишину. Внезапно отдаленный раскатистый грохот прокатился над долиной. Сэм вздрогнул.

— Какого дьявола? Что это такое?

— Не бойся, Тэм, — сказал Джо. — Я с тобой.

Но его огромное тело тоже сотрясала дрожь.

На мгновение ослепительная вспышка сверкнула в небе над восточным берегом. Сэм подпрыгнул и закричал:

— Боже! Я видел что-то летящее!

Джо придвинулся ближе к своему другу, положил на его плечо гигантскую лапу и сказал:

— Я тоже видел это! Коабл! Это коабл! Такой же, как я видел над замком! Он пришел сюда!

Джо и Сэм стояли в молчании, всматриваясь во мрак ночи. Молния блеснула снова, но на сей раз в ее призрачном свете они не увидели белого яйцеобразного снаряда, плывущего в небе высоко над Рекой.

— Он появился из ничего и ушел в ничто подобно миражу, — задумчиво сказал Сэм. — Если бы ты тоже не видел его, я подумал бы, что это наваждение.

Сэм проснулся на палубе, мокрый и замерзший. Он поднял голову, яркий солнечный свет ударил в его глаза. Позади, у перил, скорчился Джо; его ры-

жие волосы огнем полыхали на солнце, могучий храп разносился над берегом на сотню ярдов.

Сэм вскочил на ноги, с изумлением оглядываясь по сторонам. Золотой утренний свет скользил и переливался над морем зелени. Грязь, мусор и исковерканные стволы деревьев исчезли. Свежая густая трава покрывала равнину, заросли кустарника и бамбука возвышались на холмах, огромные сосны, дубы и железные деревья украшали подножия гор.

— Все встало на свои места, — прошептал Сэм, вытирая ладонью внезапно вспотевший лоб. Что-то погрузило в беспамятство экипаж «Дрейрага», и пока люди спали, вся невообразимая работа по очистке берегов и восстановлению растительности была закончена. Этот район Реки полностью возродился!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Он ощутил собственную незначительность; в этом мире он был слаб и беспомощен, как щенок. Что мог противопоставить он — или любой другой человек — существам, владеющим столь могучими силами? Тут, однако, имелось нечто, внушающее надежду. Одно из неведомых могущественных созданий было, по-видимому, на стороне людей. Почему? В какой тайной схватке?

Экипаж «Дрейрага» пробудился, и мысли Клеменса были прерваны. Кровавый Топор и фон Ритгофен одновременно поднялись на палубу. Конунг нахмурил брови, увидев, что немец направился на корму; для него чужак не обладал еще правом находиться на таком почетном месте. Но вид окружающей местности настолько поразил конунга, что он забыл приказать фон Ритгофену убираться прочь.

Солнечные лучи озаряли зеленую равнину, деревья на холмах, вершины неприступных гор. Легкий пар поднимался над грядой грибообразных грейлстоунов, так и сиявших новизной. Сотни спящих людей, мужчин и женщин, лежа-

ли на траве. Они были нагими, и около каждого находилась стопка покрывал и чаша.

— Преобразование завершилось, — шепнул Сэм пилоту. — Все, кто умерли, снова живы. Люди везде. Остается надеяться, что пройдет какое-то время, прежде, чем они сумеют организоваться. Кроме того, они не знают, что источник железа находится под их ногами.

— Но как же мы теперь найдем метеорит? — спросил фон Ритгофен. — Все следы его падения исчезли.

— Мог исчезнуть и сам метеорит, — ответил Сэм. Он выругался и продолжал: — Существа, которые способны сделать за одну ночь такую работу, могут без больших хлопот выбросить его обратно в межпланетное пространство.

— Вы выглядите печальным и утомленным, мой друг, — сказал Лотар. — Приободритесь. Во-первых, метеорит мог остаться на месте своего падения. Во-вторых, если даже это не так, то не стоит огорчаться. По крайней мере, вам не станет хуже, чем раньше. Вспомните, что в мире еще существуют женщины, песни и вино.

— Все это не удовлетворяет меня, — сказал Сэм. — Мне трудно представить, что нас воскресили после смерти для вечных наслаждений такого

сорта.

— Почему же нет? — возразил Лотар, улыбнувшись. — Откуда вы знаете, зачем эти таинственные существа сотворили здешний мир и поместили нас сюда? Может быть, они питаются нашими чувствами и переживаниями.

Сэм заинтересовался. Казалось, эта новая гипотеза вывела его из состояния депрессии, в которую он погрузился при мысли, что драгоценный метеорит может стать недосягаемым для него.

— Вы полагаете, Лотар, что мы являемся своего рода эмоциональным скотом? Что наши пастухи потребляют сочные бифштексы любви, антрекоты надежды и пудинги радости, запивая все это вином отчаяния?

— Это только теория, — сказал пилот. — Но она ничем не хуже десятков других, которые можно услышать на берегах Реки. Что касается меня, то я готов немного подкормить своих благодетелей. Сэм, посмотрите на эту красотку! Пустите меня скорее на берег!

Краткий миг подъема прошел, и Сэм снова погрузился в мрак отчаяния. Вероятно, немец был прав. В таком случае люди имели так же мало шансов справиться с загадочным противником,

как бык — перехитрить своего хозяина.

Он объяснил конунгу создавшееся положение. Кровавый Топор выглядел озадаченным.

— Как же мы будем искать эту упавшую звезду? Мы не в состоянии выкопать много ям, чтобы найти ее. Ты знаешь, насколько прочна здесь трава. Клянусь Вотаном, нужно немало времени, чтобы выкопать даже небольшую яму нашими каменными орудиями.

— Тут должен быть какой-нибудь путь, — задумчиво сказал Сэм. — Если бы у нас был магнит... или компас... Но мы не имеем ничего подходящего.

Лотар был занят тем, что посылал воздушные поцелуи изящной блондинке на берегу, но краем уха он слушал Сэма. Внезапно он обернулся и сказал:

— Местность выглядит совершенно иначе с воздуха. Сорок поколений крестьян могут пахать землю над древним городом и ничего не знать об этом. Но пилоту достаточно один раз пролететь над их полем, и он заметит, что в земле что-то скрыто. Тут имеются десятки различий — в цвете почвы, в ее структуре, растительности и так далее.

— Значит, если мы построим планер, вы сможе-

те найти проклятый метеорит? — возбужденно спросил Сэм,

— Это было бы прекрасно, — ответил Лотар, — и когда-нибудь мы осуществим такую идею. Но сейчас нет никакой необходимости взлетать в воздух. Все, что мы должны сделать, — подняться достаточно высоко в горы, чтобы получить хороший обзор этой части долины.

Сэм с восторгом хлопнул летчика по плечу.

— Как удачно, что мы подобрали вас! Я ничего не знал о подобных вещах!

Но внезапно он нахмурился.

— Однако, не представляю, как мы сможем забраться на гору. Взгляните на эти скалы! Они такие же гладкие и скользкие, как речь политикана во время предвыборной кампании!

Кровавый Топор нетерпеливо спросил, о чем они говорят. Сэм объяснил конунгу суть дела, мешая английские и старонорвежские слова. Эрик одобрительно сказал:

— Этот скрелинг может быть нам полезен. Пожалуй, я попробую доставить его на гору — если удастся отыскать в окрестностях кремень. Тогда мои люди сделают топоры и вырубят ступени в скале на высоту тысячи футов. Это займет много времени, но еще хуже копать в земле дыры

наугад.

— А если здесь нет залежей кремня? — спросил Сэм.

— Мы проложим дорогу вверх, взрывая скалу, — ответил норвежец. — Сделай взрывчатый порошок.

— Для этого мне нужны человеческие экскременты, в которых тут нет недостатка[1], — сказал Сэм. — Мы можем также получить древесный уголь из сосновых поленьев. Но где мы возьмем серу?

— Ее много в том месте, что лежит вниз по Реке на семьсот миль, — ответил конунг. — Но первое должно делаться первым. Нам надо найти железную звезду. Второе, что следует сделать еще до начала раскопок, — построить укрепление. Мы первыми достигнем звезды, но мы не будем единственными. Волки будут приходить с Низовья и с Верхоречья на запах железа. Их будет много, и нам придется сражаться за свое сокровище.

— Куда же ты хочешь двинуться сейчас? —

---

[1] Примечания: 1

Технология приготовления взрывчатки в Речном Мире: нитрат калия добывается из червей определенного вида, быстро размножающихся в человеческих экскрементах. Конечный продукт — кристаллический нитрат калия — получается при нагревании и выпаривании этой массы. В смеси с древесным углем и серой он дает черный ружейный порох.

спросил Сэм.

— Мы расположимся здесь, — сказал Кровавый Топор, показывая на берег. — Это место подходит для лагеря и так же годится для начала поисков, как любое другое. Кроме того, нам не мешало бы позавтракать.

Через три дня команда «Дрейрага» выяснила, что в этой области не было кремня. Все, что находилось тут раньше, превратилось в пыль при падении метеорита. Затем на бесплодную землю легла новая почва, которая не содержала ни крупицы камня.

Обломки скал, пригодные для изготовления оружия и других орудий, иногда находили у подножия холмов и горной гряды. Если у основания скал имелись расщелины или трещины, то из них также удавалось выломать нужные куски камня. Здесь, однако, не было ничего подходящего.

— Удача покинула нас, — грустно сказал Сэм фон Ритгофену в одну из ночей, которую они коротали за беседой у костра на берегу.

— Мы не в состоянии найти этот проклятый метеорит. И если даже это удастся, то как мы докопаемся до него? Как мы будем разрабатывать месторождение? Метеориты обычно содержат никелевое железо; это очень прочный и твердый

материал.

Вы были величайшим юмористом на Земле, — сказал немец, глядя на приунывшего Клеменса. — Неужели вы столь сильно изменились с тех пор, как воскресли?

— Думаю, что это не так, — ответил Сэм. — Юморист — человек, душа которого черна как африканская ночь; он, однако, способен освещать ее взрывом разума. Но когда свет исчезает, мрак возвращается опять.

Сэм уставился на рыжие языки огня, плясавшие на обломках бамбука и сосновых ветках. Бесконечные лица чередой проходили перед ним в пламени костра. Вначале плотные, четкие, они постепенно удлинялись, расплывались и, вместе с искрами, улетали вверх, поглощаемые светом звезд. Печальное лицо Ливи по спирали всплывало наверх в клубах дыма. Он видел свою младшую дочь Джин, ее холодные, застывшие черты, когда она лежала в гробу. Ее лицо, струившееся и дрожащее в обжигающем пламени костра, казалось покрытым льдом. Вот его отец в своем гробу, брат Генри, погибший при взрыве парового котла... Вот чье-то юное, веселое ухмыляющееся лицо... Том Бланкешип, мальчик, который послужил прототипом Гекльберри Финна.

В детстве у Сэма была мальчишеская мечта — плыть на плоту по Миссисипи, плыть вперед в поисках приключений, плыть весело и беззаботно. Теперь эта мечта, казалось, была близка к исполнению. Он мог плыть бесконечно долго, мог испытать неисчислимое множество волнующих переживаний, мог встретить в пути герцогов, графов, королей всех времен и народов. Он мог сибаритствовать, удить рыбу, болтать дни и ночи напролет, мог не заботиться о средствах к существованию, мог плыть тысячи лет, делая все, что ему заблагорассудится.

Сложность, однако, заключалась в том, что на самом деле он не смог бы осуществить такое путешествие. В долине Реки было много мест, где процветала своеобразная форма рабства. Наиболее жестокие и сильные представители рода человеческого захватывали пленников, у которых они отнимали те дары чаш, которые особенно ценились в этом мире — сигары, напитки, Жвачку Сновидений. Они держали своих рабов на грани голодной смерти, но все же живыми, так как только в этом случае можно было использовать их чаши. Чтобы не дать рабам покончить с собой, они связывали им руки и ноги, так что человек становился похож на курицу, которую

несут на рынок. И если все же какому-нибудь несчастному удавалось достичь успеха в попытке самоубийства и оказаться за тысячи миль от своего мучителя, он мог снова попасть в не менее безжалостные руки.

Кроме того, Сэм был теперь взрослым человеком, и вряд ли он, подобно мальчишке, испытывал бы большое удовольствие от путешествия на плоту. Нет, для путешествия по Реке ему требуется безопасность, комфорт и, безусловно, власть. Имелась еще одна причина, в силу которой он стремился стать Навигатором Реки. В свое время он уже достиг аналогичного положения на Земле, на родной Миссисипи. Теперь он желал стать капитаном Корабля, самого огромного и мощного из всех, когда-либо существовавших, на самой гигантской Реке во вселенной — Реке, по сравнению с которой Миссисипи со всеми притоками, Нил, Амазонка, Конго, Обь, Хуанхэ, взятые вместе, выглядели жалким ручьем. Его Корабль будет иметь шесть палуб выше ватерлинии, два огромных колеса, удобные каюты для экипажа и пассажиров, которые будут известнейшими людьми своего времени. И он, Сэмюэль Клеменс, Марк Твен, станет капитаном. Корабль не остановится, пока не достигнет верховьев Реки, пока

они не найдут чудовищ, которые сотворили этот мир и пробудили миллиарды мыслящих существ к жизни, снова сулящей им боль, отчаяние, мучение и горе.

Путешествие может занять сотню лет или даже два-три столетия, но это не так важно. Многого не хватало в этом мире, но времени было вполне достаточно.

В мечтах Сэм видел себя на капитанском мостике огромного сказочного Корабля. Его первым помощником, будет, вероятно, Христофор Колумб или сэр Френсис Дрейк, командиром десантного отряда — Александр Великий, Юлий Цезарь или генерал Грант.

Булавочный укол трезвой мысли заставил лопнуть величественный воздушный шар, наполненный ветром его мечты. Эти два античных ублюдка, Александр и Цезарь, никогда не согласились бы занимать подчиненное положение; скорее, они составили бы заговор, чтобы захватить его Корабль. И мог ли другой великий человек, генерал Грант, согласиться выполнять его, Сэмюэля Клеменса, приказы? Приказы писателя-юмориста, книжного человека — в мире, где не существует ни письма, ни книг?

Сверкающий газ его грез покинул обвисший

воздушный шар; Сэм грустно вздохнул. Он снова погрузился в думы о Ливи, такой близкой и внезапно потерянной из-за этого метеорита, благодаря которому его мечта о Корабле могла превратиться в реальность. Ливи появилась на миг, как будто некое мстительное божество показало ее Клеменсу и тотчас забрало обратно. И могла ли стать реальностью его надежда построить Корабль? Пока что он не знал, как найти огромную массу железа, скрытую в земле где-то под его ногами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вы выглядите усталым, Сэм, — сказал Лотар.

— Пожалуй, я пойду спать, — произнес Клеменс, вставая.

— Как!? Красавица из Венеции семнадцатого века, которая весь вечер строила вам глазки, будет очень разочарована.

— Вы утешите ее, барон, — сказал Сэм. Он отошел от костра, у которого сидели и лежали несколько десятков мужчин и женщин, и направился в сторону холмов.

В течение вечера он несколько раз испытывал соблазн увести венецианку в свою хижину, особенно, когда виски согрело его кровь. Но теперь полное безразличие овладело им. Кроме того, он знал, что будет мучиться чувством вины, если уложит Анджелу Сангеотти в свою постель. Такие повторяющиеся угрызения совести он испытывал здесь раз десять за последние двадцать лет — со всеми женщинами, которые становились его подружками. И теперь он понимал (хотя это и было странно), что будет чувствовать себя виноватым не только перед Ливи, но и перед Темах, исчезнувшей в водах Реки. Индонезийка была

его верной спутницей на протяжении пяти лет.

— Как все это нелепо! — говорил он себе множество раз. — Никакими рациональными причинами нельзя объяснить это чувство вины перед Ливи. Мы так долго разлучены, что, пожалуй, стали совсем чужими. Слишком многое случилось с каждым из нас после дня Воскрешения.

Его чувства, однако, не подчинялись логике; он ощущал себя виноватым. По-видимому, такое состояние являлось вполне естественным для него. Человек в сути своей оставался иррациональным животным, действующим в соответствии со своим темпераментом и врожденными склонностями.

Итак, почему же я терзаюсь из-за вещей, которые не могут являться моими проступками?

Потому, что такова моя натура. Я проклят вдвойне. Первые атомы, столкнувшиеся на заре времен на Земле, породили цепь событий, что неизбежно привела к моему появлению здесь, на этой странной планете, среди толпы омоложенных стариков всех времен и народов. Она привела к этой бамбуковой хижине, в которой меня ждут одиночество и душевные муки.

Я могу убить себя, но здесь это бесполезно. Ты оживаешь через двадцать четыре часа в другом

месте, но тем же самым человеком, который совершил этот прыжок вдоль Реки. Зная, что другой прыжок тоже ничего не решит и, скорее всего, сделает тебя еще более несчастным.

— Проклятые ублюдки с каменными сердцами! — вскричал он внезапно, грозя небу сжатым кулаком. Затем горько рассмеялся и сказал: — Но Они, наверное, так же не могут изменить свои жестокие души, как я не способен изменить себя. Вот в чем мы похожи.

Подобная мысль, однако, не уменьшила его желание отомстить неведомым существам. Он по-прежнему жаждал впиться зубами в руку, подарившую ему вечную жизнь — и вечные муки.

Его бамбуковая хижина находилась у подножия холма под огромным железным деревом. Хотя строение выглядело жалкой лачугой, оно, тем не менее, являлось несомненной роскошью в этой области, где каменные орудия для строительства домов были столь редкими. Люди, перенесенные сюда из различных мест долины, устроились пока в построенных на скорую руку шалашах. В долине росло около пятисот разновидностей бамбука, и некоторые гибкие породы можно было согнуть, не вырывая из почвы, и перевязать собранные в пучок вершины травяными верев-

ками. Покрытые огромными листьями железных деревьев, такие временные жилища, похожие на вигвамы, служили убежищем во время дождя. Другие сорта бамбука, с твердыми прочными стволами, можно было расщепить на планки, пригодные для изготовления ножей; правда, их режущую кромку приходилось постоянно затачивать.

Сэм вошел в свою хижину, лег на топчан и закутался в несколько больших покрывал. Слабые звуки далекого пиршества у костров на берегу раздражали его. Около часа он беспокойно метался по постели, затем, поддавшись внезапной слабости, положил в рот кусок Жвачки Сновидений. Невозможно было предсказать заранее, какой последует эффект; он мог испытать экстаз, потребность в любви, ощутить уверенность, что все правильно и хорошо в этом мире, увидеть радостную пляску ярких многоцветных форм. Но не исключался и другой результат, и тогда жуткие чудовища прыгали на него из темноты, его мучали призраки далекой Земли, безликие дьяволы, порожденные в адском пламени, смеялись над его муками.

Он жевал тягучую массу, давясь слюной, и знал, что совершает ошибку. Но было уже поздно. Он

продолжал жевать, пока перед ним не возник эпизод из его детства, когда он едва не утонул — и утонул бы наверняка, если бы его не вытащили из воды. Тогда я умер в первый раз, подумал он, нет, я умер сразу же, как родился. Странно, что мать никогда не рассказывала мне об этом.

Он увидел свою мать, лежащую на постели; ее волосы были растрепаны, глаза — полузакрыты, смертельно бледное лицо покрыто капельками пота. Доктор, в зубах которого была зажата сигара, трудился над младенцем — над ним, Сэмом. Углом рта доктор невнятно пробормотал, обращаясь к его отцу:

— На этот раз мне выпала нелегкая задача...

— Вам удастся спасти их обоих? — спросил отец.

У доктора были огненно-красные волосы, свисающие вниз рыжие усы и бледные голубые глаза. Его лицо выглядело странным и неприятным. Попыхивая сигарой, он сказал, усмехнувшись:

— Обычно я хороню свои ошибки. Но в данном случае вы зря беспокоитесь. Я спасу этот комок плоти, хотя не уверен, что это пойдет ему на пользу, и спасу ее тоже.

Доктор завернул ребенка в простыню и положил на кровать. Затем он уселся на шаткий стул

и принялся что-то писать в маленькой черной тетради. Отец Сэма раздраженно сказал:

— В такое время вы могли бы повременить с записями.

— Я непременно должен отметить появление на свет вашего чада, — ответил доктор. — Я веду дневник, в котором регистрирую все души, которым помог узреть свет дня. Я намереваюсь написать историю младенцев, из которых получится что-нибудь порядочное. Если я способствовал появлению в этой юдоли слез хотя бы одного гения, то, полагаю, моя жизнь не прошла зря. В противном случае я потратил время и силы, занимаясь пополнением толпы кретинов, лицемеров и лжецов, которых и так немало в этом печальном мире.

Маленький Сэм захныкал, и доктор сказал:

— От звуков, которые он издает, не становится веселее, не правда ли? Он плачет так, будто появился на свет для того, чтобы все грехи мира легли на его крохотные плечи.

— Вы странный человек, — пробурчал отец. — Слишком злой, я думаю. И, несомненно, почитание господа нашего не входит в число ваших достоинств.

— Да, я приношу дань Властителю Тьмы,—ска-

зал доктор.

Комната наполнилась запахами крови, табачного дыма и пота.

— Как вы хотите назвать его? Сэмюэль? Какое совпадение! Меня зовут так же! Два Сэмюэля, ха-ха! Бедняга, я не думаю, что ему суждена долгая жизнь.

Отец Сэма закричал:

— Вон из моего дома, вы, дьявольское отродье! Убирайтесь прочь! Я приглашу другого врача. Вы не человек, вы посланец ада, и я не желаю, чтобы вы прикасались к моей жене и к ребенку!

Доктор, попыхивая сигарой, небрежно бросил в свой саквояж окровавленные инструменты и с треском захлопнул его.

— Очень хорошо! Я готов удалиться. Я ведь нахожусь проездом в этой дыре, мой провинциальный друг, и согласился помочь вам из жалости, поскольку шарлатан, который обслуживает вашу деревушку, отправился в город. Я покинул свой удобный номер на постоялом дворе и прибыл к вам, чтобы спасти хилого младенца, для которого смерть, несомненно, была бы лучшим исходом. Пожалуй, я честно заработал свой гонорар.

— Я мбг бы выбросить вас за порог, не заплатив ни цента, — сказал отец Сэма. — Но человек

должен платить свои долги независимо от обстоятельств. Вот ваши тридцать сребреников! Убирайтесь!

— Ну, что ж, — сказал доктор, — приглашайте вашего коновала, от которого вы не получите ничего, кроме бесполезных пилюль. Но советую вам запомнить, что это я, доктор Икс, вытащил вашу жену и ребенка из пасти смерти. Икс, вечный странник, посланный дьяволом, чтобы удержать этого беднягу на грани жизни.

— Вон! Вон! — закричал отец Сэма. — Убирайтесь, пока я не прикончил вас!

— Нет благодарности в этом мире, — пробормотал доктор. — Из ничего я пришел, тенью прохожу по земле и уйду в ничто. Икс равен нулю.

Весь в испарине, застывший, как каменное изваяние, Сэм наблюдал за разыгравшейся драмой. Вся эта сцена происходила в круге бледного желтого света, по которому иногда змеились красные вспышки, подобные молниям. Прежде, чем выйти за порог их дома, расположенного во Флориде, штат Миссури, доктор обернулся, и Сэм мог ясно разглядеть его лицо. Доктор вытащил сигару изо рта и усмехнулся, обнажив желтые прокуренные зубы с двумя длинными, как у собаки, клыками.

Представившаяся Сэму картина внезапно

мигнула подобно прерванному фильму. Дверь, ведущая в дом семьи Клеменсов, превратилась в дверь бамбуковой хижины, и в ее проеме появилась чья-то фигура. На мгновение темный силуэт четко обрисовался на фоне звездного неба и затем исчез в тени. Сэм закрыл глаза, готовясь к новому устрашающему видению. Он застонал, проклиная ту минуту, в которую взял Жвачку. Сцена его рождения была фантазией, сотворенной его подсознанием; она была попыткой объяснить особенности его личности. И он знал, что за маревом ужасной фантасмагории таилась правда, которую он ненавидел и боялся... Но что за темная фигура двигается к нему, молчаливая, подобно смерти? Какие глубины его разума исторгли это существо?

Приглушенный баритон раздался под сводами хижины:

— Сэм Клеменс! Не бойтесь! Я не причиню вам вреда! Я пришел помочь вам!

— И что вы хотите в уплату за свою помощь? — прошептал Сэм.

Человек негромко рассмеялся и сказал:

— Мне импонируют люди вашего типа. Пожалуй, я сделал верный выбор.

— Вы хотите сказать, что я выбрал вас, чтобы

вы выбрали меня, — ответил Сэм.

Человек помолчал несколько секунд, затем произнес:

— А, я понимаю! Вы думаете, что я — очередная фантазия, вызванная Жвачкой. Это не так. Коснитесь меня.

— Зачем? — хрипло сказал Сэм. — Вызванное Жвачкой видение должно знать, что его можно ощутить руками так же, как увидеть и услышать. Прошу вас, излагайте свое дело.

— Полностью? Это будет слишком долго. Я не располагаю достаточным временем. Тут есть еще кое-кто, и меня могут обнаружить. Они очень подозрительны и знают, что среди них есть изменник. Однако не имеют представления, кто им является.

— Они? Кто — они? — спросил Сэм.

— Они — то есть мы, этики — те, кто ведет наблюдение за этой областью. Здесь сложилась уникальная ситуация — впервые собрался вместе исключительно разнородный человеческий ансамбль. Это представляет редчайшую возможность для исследования, и мы регистрируем все. Я — один из Двенадцати и поэтому являюсь тут руководителем.

— Я очень польщен, — сказал Сэм, — и непре-

менно выпью стаканчик в вашу честь, когда проснусь.

— Вы уже проснулись. Уверяю вас, что я действительно существую. И у меня мало времени.

Сэм попытался сесть, но рука пришельца удержала его на месте. В прикосновении ладони чувствовалась огромная физическая и ментальная сила. Ощутив это, Сэм вздрогнул.

— Вы один из Них, — прошептал он. — Один из Них!

— Из них, но не с ними, — сказал человек. — Я — на вашей стороне, на стороне людей. И я сделаю все возможное, чтобы мой народ не смог завершить этот мерзкий проект. У меня есть план — план, осуществление которого требует длительного времени и бесконечного терпения. Поддерживая традицию, я вступил в контакт с двенадцатью людьми. Это ваш, человеческий комитет Двенадцати, выбранный мной из многих миллиардов. Его члены посвящены в отдельные детали плана, но в целом его не представляют. Если кто-либо из них будет обнаружен и подвергнут допросу, он сможет сказать этикам очень немногое. План должен разворачиваться медленно, и все происходящее должно казаться набором случайных событий. Таких же случайных, как

видения Ричарда Бартона и падение этого метеорита.

Сэм снова попытался сесть, но остановился раньше, чем рука пришельца коснулась его груди.

— Так это не была случайность?

— Нет. Некоторое время назад мне стало известно о вашем намерении построить большое судно и пройти на нем до конца Реки. Это невозможно сделать без железа. Я отклонил орбиту подходящего метеорита таким образом, чтобы он попал в поле тяготения этой планеты и упал неподалеку от вас. Не слишком близко, конечно, иначе вы были бы убиты и перенесены из этой области. Должен сказать, что у нас имеется специальная охрана, в задачу которой входит предотвращение падения в долину Реки небесных тел. Мне удалось отвлечь их внимание на некоторое время, но, к несчастью, они успели запустить систему отталкивания. Это не предотвратило падения метеорита, но траектория его исказилась, и он рухнул почти вам на голову. В результате вы чуть не погибли.

— Следовательно, упавшая звезда...

— Была звездой, специально сброшенной с небес к вашим ногам.

«Если он так много знает обо мне, — подумал Сэм, — он должен быть одним из команды «Дрейрага». Если только он не умеет становиться невидимым. Что не исключено. Похожий на яйцо летательный аппарат, который я заметил в воздухе во время грозы, был невидим. Я смог разглядеть его только потому, что по какой-то причине он на мгновение стал видимым. Может быть, молния повредила устройство, которое охраняло аппарат от любопытных глаз... Впрочем, о чем это я? Все, что я вижу — не более чем фантазия, вызванная Жвачкой».

Внезапно человек сказал:

— Один из них находится поблизости! Слушайте внимательно и запоминайте! Метеорит не удален обратно в межпланетное пространство, так как для этого не хватило времени. По крайней мере, таковы были мое решение и мой приказ. Он захоронен под равниной и холмами в десяти милях отсюда. На этом берегу, вниз по течению Реки. В месте удара образовался кратер, в котором скрыты несколько огромных глыб металла и множество мелких осколков. Начинайте там копать. Остальное зависит от вас. Я буду помогать вам, но я не могу делать свою помощь очевидной.

Сердце Сэма билось тяжело, его голос звучал

хрипло.

— Почему вы хотите, чтобы я построил корабль?

— В свое время вы получите ответ. Сейчас же будьте довольны тем, что получили необходимый материал. Да, вот что еще! Здесь есть огромные залежи бокситов, милях в пяти выше по Реке, вблизи основания горной цепи. Там рядом проходит также небольшая жила платины и в двух милях за ней — месторождение киновари.

— Бокситы? Платина? Зачем?

— Глупец!

Сэм услышал звук тяжелого дыхания, как будто человек боролся с собой, сдерживая ярость. Наконец, он холодно произнес:

— Вам будут необходимы бокситы для производства алюминия. Платина используется как катализатор во многих химических процессах. Вам потребуются разнообразные материалы, чтобы построить корабль. У меня нет времени для объяснений. Тут есть несколько инженеров; они расскажут вам, что можно получить из этих минералов. Я должен идти. Он подходит все ближе. Делайте то, что я вам сказал, и никому не говорите о нашей встрече. Да, тут есть еще россыпи кварца в нескольких десятках миль

вверх по Реке!

— Но... — начал Сэм.

Силуэт человека мелькнул в проеме двери и исчез. Сэм вскочил со своего ложа и выбежал из хижины. Огни костров все еще светились на берегу; маленькие фигурки плясали и прыгали перед ними. Пришелец исчез. Сэм обошел вокруг хижины, но не обнаружил никаких следов. Он поднял глаза к небу, на котором сверкали облака газа и яркие точки белых, голубых, красных и желтых звезд. Он надеялся увидеть блеск яйцеобразного корпуса взлетающего корабля, но воздух был пуст.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Повернувшись к хижине, Сэм увидел огромную неподвижную фигуру, заслоняющую вход. С бьющимся сердцем он негромко спросил:

— Джо?

— Да, — прозвучал в ответ низкий басистый голос. Джо подошел к нему и сказал: — Здесь был кто-то, не человек. Я чувтвую запах. Он другой, не такой, как у людей. Ты знаешь, я вспоминаю...

Он замолчал на некоторое время. Сэм терпеливо ждал, пока огромные неповоротливые жернова в голове гиганта перемалывали зерно мысли в муку слов. Наконец Джо произнес:

— Так и есть, буть я проклят!

— Что ты хочешь сказать, Джо?

— Это случилось давно, на Темле, еще до того, как я был там убит... Нет, Тэм, не могу поверить... Если ты тказал правду о времени, когда я жил... то это тлучилось тсотни тысяч лет назад!

— Не тяни, Джо, я сгораю от нетерпения!

— Ну, ты можешь не поверить этому... Но втпомни, мой нос тоже обладает памятью...

— Лучшей, чем твоя голова, — сердито сказал Сэм. — Ты убьешь меня, замучив своей медли-

тельностью!

— Ну, хорошо, Тэм... Я шел по тследу человека из племени вифтангкрулт; они жили в десяти милях от нас на другой стороне большого холма, похожего на...

— Не надо таких подробностей, Джо.

— Хорошо. В общем, перевалило за полдень, и я знал, что ткоро получу шкуру моего врага, потому что его тслед был твежим. Но тут я утлы шал шорох. Я подумал — может быть, парень, которого я вытлеживаю, обошел меня тзади? Может, я тейчас получу дубиной по голове вместо его шкуры? Я прыгнул в густой кустарник, бросился на темлю и пополз тихо — тмотреть, кто шумит. И что я вижу? Великий Дух Охоты, почему я не тказал тебе об этом раньше? Какой я глупец!

— Я согласен с этим... Дальше, Джо.

— Ну, этот малый, которого я вытлеживал, лежал на темле, холодный и неподвижный. И около него тстояли два... двое... таких, похожих на человека. Я храбрый, как любой из моего племени... или еще храбрее... но я первый раз тмотрел на человека... и я очень итпугался.

Джо на мгновение замолчал и запустил огромную лапу в свои рыжие космы.

— Кажется, на них была одежда — то, что ты

описывал мне как одежду, что носят люди на Темле... В руках они держали такие забавные штуки... гладкие черные палки около фута длиной. Но они не были деревянными... они блестели, как топор Эрика. Я хорошо тспрятался, но эти ублюдки както узнали, что я тдесь. Один из них показал на меня палкой, и я потерял себя... потерял сознание. Когда я очнулся, два человека и этот малый, вифтангк-рулт, итчезли. Будь я проклят, но я никогда не забуду их запах!

— Это все? — спросил Сэм. Его знобило, и он обхватил плечи руками.

Джо кивнул.

— Но это значит, что этот народ... эти существа... следили за нами полмиллиона лет... Или больше? Они — те самые неведомые создания... с почти божественной властью... что поместили нас сюда...

— Что это тзначит, Тэм?!

Сэм кратко поведал гигантопитеку о посетившем его видении, предупредив, что никто не должен знать об этой истории. Неведомый пришелец, таинственный Икс, дал ясно понять, что распространяться о его существовании не следует. Но Сэм знал, что может полностью доверять своему доисторическому приятелю. Джо слушал Клеменса, кивая головой; темный силуэт огром-

ного носа вздымался и опускался так, будто его владелец стоял на палубе судна, плывущего по бурному морю. Наконец, он сказал:

— Я понял, Тэм. Дело тсекретное. Но тмотри, что получается... Я видел их на Темле, и во время путешествия Эхнатона я видел их башню и воздушный коабл... И теперь появился этот Икт... как ты его назвал... и хочет помочь тебе тделать коабл. Тмотри... одно, другое, третье... как будто все тсвязано... не так ли?

Сэм был так возбужден, что смог уснуть только перед рассветом. Он заставил себя подняться, чтобы позавтракать, хотя предпочел бы остаться в постели. Пока викинги и фон Ритгофен поглощали содержимое своих чаш, он изложил им изрядно подредактированную версию своего ночного видения. Он опустил ряд существенных деталей, упирая на то, что его во сне посетило некое божество, указавшее место падения метеорита. Если бы не сверхъестественное чутье Джо, узнавшего запах пришельца, он сам был бы готов поверить, что все привиделось ему во сне.

Фон Ритгофен, конечно, только иронически усмехнулся, но норвежцы верили в вещие сновидения. Точнее, эту веру разделяла большая часть викингов. К сожалению, Эрик Кровавый Топор

относился к числу неисправимых скептиков,

— Ты хочешь, чтобы мы тащились за десять миль и копали землю только потому, что тебе привиделся кошмарный сон?! — заорал он. — Я подозревал, что твой разум так же слаб, как твое мужество, и теперь я в этом убедился! Забудь о своем дурацком сне!

Во время завтрака Сэм сидел на земле. Теперь он поднялся на ноги и, нахмурив брови, сказал:

— Тогда Джо и я пойдем своей собственной дорогой. Мы соберем местных жителей, и они помогут нам копать. Когда мы найдем железо — а я в этом не сомневаюсь — ты не получишь ни унции. А теперь можешь катиться к дьяволу!

Глаза Эрика налились кровью, он свирепо взмахнул топором и закричал:

— Ничтожный траллс позволяет себе вести подобные речи! Да, ты будешь копать — копать собственную могилу, помет шелудивого пса!

Джо, который уже стоял рядом с Клеменсом, зарычал и вытащил из-за пояса огромный каменный топор. Викинги прекратили есть, вскочили на ноги и плотной толпой сгрудились за спиной конунга. Фон Ритгофен улыбался, когда Сэм рассказывал свой сон. Теперь его усмешка застыла, превратившись в злобный оскал. Стремительно

поднявшись, он встал справа от Клеменса и сказал конунгу:

— Ты сомневался в мужестве германцев, мой норвежский друг. Сейчас ты сможешь это проверить.

Кровавый Топор громко рассмеялся.

— Два петушка и обезьяна! Вы не получите легкой смерти! Я постараюсь, чтобы вы молили о ней дни и ночи!

— Джо! — сказал Клеменс. — Постарайся прикончить его первым. Тогда тебе придется только немного попотеть, чтобы расправиться с остальными.

Джо поднял свой пятидесятифунтовый топор над головой и начал вращать его так легко, как будто он не имел веса. Потом гигант прорычал:

— Я могу переломать ему кости одним утаром и наверняка уложу еще пару ублюдков, тстоящих за ним!

Норвежцы знали, что тут не пахло бравадой; им не раз приходилось видеть Джо в бою. Он был способен убить половину из них, прежде, чем им удалось бы покончить с ним. Но викинги поклялись Эрику в верности, и, хотя многие не любили его, они не могли нарушить свой обет.

Казалось, отвага должна была бы стать всеоб-

щей чертой среди обитателей речной долины. Смерть здесь не означала конца существования; убитый вновь восставал через сутки живым и невредимым. Но тот, кто был храбрецом на Земле, был храбрецом и здесь, а трус оставался трусом. Разумом человек понимал, что смерть продлится только один день, но чувства, эмоции, все, что составляло человеческий характер — все это подсознательно отвергало кратковременность смерти. Сэм Клеменс стремился избегать насилия и связанной с ним боли, которой он боялся больше насильственной смерти. Он сражался рядом с викингами, бил топором, колол копьем, ранил и получал раны, а однажды даже убил человека, хотя это было скорее случайностью, чем результатом его воинского умения. Но из него получился плохой воин. В сражениях людей с безжалостными волчьими сердцами его душа оставалась открытой страху и состраданию.

Эрик Кровавый Топор обладал жестокостью и отвагой. И он не был глупцом. Если он погибнет (а зная способности Джо, в этом сомневаться не приходилось), то не сможет повести своих воинов в поход на сказочном корабле, не сможет взять штурмом далекую северную крепость, лишится грандиозного, славного будущего.

Сэм Клеменс хорошо изучил этого человека и не сомневался, что его амбиции пересилят гнев. Так оно и случилось. Конунг опустил свой топор и выдавил улыбку.

— Не следует пренебрегать посланием богов, не проверив, что оно сулит, — пробормотал норвежец в раздумье. — Я знавал жрецов, которым Один и Тор посылали вещие сны, хотя эти люди теряли сердце от звуков сражения... И лгали постоянно — кроме тех случаев, когда они говорили от имени богов... Пусть будет так. Мы попробуем докопаться до железа. Если там есть железо — хорошо. Если нет... тогда мы продолжим этот разговор с того места, на котором остановились.

Икс, Таинственный Пришелец, сказал, что следует копать в месте, удаленном на десять миль вниз по Реке. Раскопки на этой планете являлись непростым занятием, требующим много сил. Однако использование местных жителей в качестве возможной рабочей силы осложнялось тем, что для них настали тяжелые времена. Чикагский гангстер начала двадцатого века Альфонсо Гилбретти заключил союз с бельгийским сталепромышленником из девятнадцатого столетия и турецким султаном из восемнадцатого. Этим триумвиратом была создана организация по

классической схеме гангстерской банды. Те из местных, кто попытался протестовать против самозванных правителей, были либо уничтожены, либо превращены в рабов. Для прочих гангстер определил «налог с чаши», который каждый «гражданин» должен был платить за «защиту и покровительство». Гилбретти набрал гарем из пяти женщин. Одна из них была уже мертвой, так как попыталась разбить голову гангстера чашей, когда он вошел ночью в ее хижину. Что касается остальных, то они тоже не выглядели счастливыми женами.

Сэм узнал все это из бесед, которые велись у вечерних костров. Он понял, что викингам придется столкнуться с двумя сотнями бандитов и, как минимум, с тысячью так называемого «ополчения». Против этих сил они могли выставить сорок мужчин и двадцать женщин. Правда, вооружение местных состояло только из бамбуковых копий с обожженными на огне наконечниками. Преимуществом викингов являлся бесспорный военный опыт, подкрепленный кремневыми топорами, копьями и стрелами с кремневыми наконечниками и защитным вооружением из кожи речного дракона. И с ними был Джо Миллер.

Столкновение произошло через пару дней

после с таким трудом улаженной ссоры между Клеменсом и конунгом норвежцев. Стоя на высоком борту корабля, Кровавый Топор объявил огромной толпе местных, что его люди собираются искать железо. Если местные хотят принять участие в этом деле, то они должны присоединиться к отряду викингов. И тогда никто не посмеет грабить их чаши и брать силой их женщин.

Намек был достаточно ясным, и Гилбретти, стоявший вместе со своими приверженцами в первых рядах толпы, метнул в Эрика копье, сопроводив его крепким сицилийским ругательством. Ни то, ни другое не причинило норвежцу вреда. Он швырнул свой топор, и стальное лезвие рассекло грудь Гилбретти. С усаженной кремневыми осколками палицей конунг спрыгнул на землю, спеша за своим драгоценным железным оружием. Раньше, чем кто-либо успел шевельнуться, Джо Миллер и тридцать викингов ринулись за своим вождем. Оставшиеся на борту «Дрейрага» воины и женщины выпустили поток стрел и последнюю уцелевшую ракету. Она попала в плотную кучку сторонников Гилбретти, уложив на месте около сорока человек.

Не прошло и двух минут, как черепа бельгийца

и турка треснули под топором Джо. Остальные бандиты были либо мертвы, либо сбиты с ног и тяжело ранены ударами кремневых секир. Несколько человек бросились бежать.

Но далеко они не ушли. Насильно навербованные «ополченцы», ненавидящие гангстеров, схватили их и повалили на землю, проткнув подожженными бамбуковыми копьями руки и ноги несчастных. Жуткие вопли пытаемых разнеслись над берегом.

Клеменс не хотел вмешиваться в действия ополченцев и старался игнорировать этот мерзкий спектакль. Он полагал, что если развлечение будет прервано по его приказу, то он потеряет значительную долю популярности в глазах местных. Лотар фон Ритгофен действовал более решительно. Немец сказал, что он, конечно, понимает желание местных причинить боль своим вчерашним мучителям, но подобное варварство все же допускать нельзя. Шагнув к ближайшему страдальцу, фон Ритгофен прикончил его одним ударом топора. Потом он резко приказал ополченцам немедленно разделаться с остальными пленниками. Конунг мог бы вмешаться в это распоряжение, справедливо полагая, что зрелище мучений врагов является хорошим уроком для

всех остальных. Однако Эрик находился в состоянии некоторой прострации, так как получил удар по голове куском каменной шрапнели от разорвавшейся ракеты.

Ополченцы неохотно повиновались, и истерзанные тела бандитов полетели в Реку. Некоторые из них, потерявшие сознание от боли, сразу пошли ко дну; другие еще барахтались несколько минут. Было странно видеть, как люди с обожженной кожей, с кровавыми ранами на теле, измученные невероятной болью, продолжают до последнего мгновения цепляться за жизнь. Инстинкт выживания был сильнее здравого смысла, и, хватая воздух широко разинутыми ртами, они пытались как можно дольше держать головы над поверхностью воды.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Закладку шахты еще нельзя было начинать. Вначале следовало организовать население, создать административные органы, вооруженные силы, установить границы нового государства. Клеменс и Кровавый Топор решили, что их страна должна простираться на три мили вверх и вниз по Реке, считая от места раскопок. На границах было построено защитное сооружение — полоса двадцатифутовой ширины, усаженная вбитыми в землю и заостренными бамбуковыми кольями. Эти полосы тянулись от основания скал до берега Реки. Около защитных линий соорудили несколько хижин, в которых располагалась вооруженная копьями охрана.

Настало время отправить «Дрейраг» за кремнем, россыпи которого, если верить Таинственному Пришельцу, находились в нескольких десятках миль вверх по Реке. Кровавый Топор включил в состав экспедиции пятьдесят человек под командой своего помощника Снорри Рагнарссона. Снорри должен был выторговать у местных достаточное количество кремня, обещая им взамен железо — после того, как металл удастся

достать из-под земли. Если местные откажутся от сделки, следовало пригрозить им. Конунг считал, что Джо Миллер непременно должен участвовать в походе; чудовищные размеры и устрашающий вид гиган-топитека наверняка сделают владельцев кремневой россыпи более сговорчивыми.

Сэм Клеменс был вынужден согласиться с логикой норвежца, хотя ему не хотелось расставаться с Джо. Сам он не собирался отправляться с кораблем, так как Кровавый Топор в его отсутствии мог натворить что угодно. Конунг был жестоким, вспыльчивым и надменным дикарем. Если он начнет издеваться над людьми, то неминуемо грянет переворот и малая горстка викингов будет уничтожена.

Сэм мерял крупными шагами пространство перед своей хижиной, напряженно обдумывая ситуацию. Под этой травой и слоем вязкой почвы залегало вожделенное железо в количестве, более чем достаточном для воплощения его Мечты. Но он не мог начать раскопки, пока не будут сделаны все необходимые приготовления. И каждая проблема, которую удавалось решить, тянула за собой дюжину других, не менее сложных. От раздражения он почти перекусил свою сигару. Пожалуй, этим людям, сидящим на запасах крем-

ня, будет очень полезно взглянуть на Джо. Такое зрелище склонит их сердца в сторону торговли, а не войны. Но пока Джо отсутствует, Кровавый Топор может разделаться с ним, с Клеменсом. Он не убьет его открыто, потому что боится Джо; но он может подстроить подходящий случай.

Сэм выругался и пробормотал сквозь зубы:

— Если я погибну, то меня перенесут бог знает куда. Может быть, понадобится тысяча лет, чтобы возвратиться сюда. Тем временем другие люди начнут добывать железо и строить Корабль. Корабль! Мой Корабль! Он мой, только мой, не их!

В этот момент к нему торопливо подошел Лотар фон Ритгофен; по пятам за немцем следовали два человека. Лицо Лотара горело от возбуждения.

— Я обнаружил двух специалистов, которые нам необходимы! — воскликнул он, увидев Сэма. — Представьте себе, один из них — женщина! Женщина-инженер!

Мужчина, Джон О'Брайен, был металлургом середины двадцатого века. Женщина, наполовину русская, наполовину монголка, жила примерно в это же время в Сибири и работала горным инженером. Сэм пожал им руки и кратко рассказал о том, что он собирается делать.

Глаза О'Брайена сверкнули.

— Если тут есть залежи бокситов, мы, вероятно, сможем построить такой корабль, как вы хотите!

Он был очень взволнован — как любой человек, получивший надежду заняться тут своим земным ремеслом. В долине Реки обитало множество людей, мужчин и женщин, мечтающих работать, чтобы хоть как-то убить время. Здесь были врачи, которые могли лечить только случайные ушибы и переломы; были печатники без печатных машин и бумаги; кузнецы без горнов и железа; домашние хозяйки, не имеющие кухонь, детей и домов; почтальоны, которым некому было вручать письма; проповедники, чьи религиозные доктрины опровергались самим существованием этого мира; фермеры, которым не требовалось выращивать урожай; механики без автомобилей; красильщики без красок и ткани; ковбои без лошадей и коров; проститутки, чью профессию уничтожила всеобщая доступность любви; пианисты без фортепиано, железнодорожники без паровозов и вагонов, охотники без дичи и так далее.

О'Брайен продолжал:

— Однако, если вы хотите построить пароход, то это, на мой взгляд, не очень реально. Вам

придется останавливаться раз в день-два, чтобы пополнить запасы дров. Это приведет к длительным задержкам — даже если местные жители разрешат вам использовать их ограниченные ресурсы дерева. Кроме того, маховики, колеса, паровые котлы и прочие неуклюжие механизмы сломаются гораздо раньше, чем удастся достигнуть верховьев Реки. А взять с собой достаточное количество железа и запасных частей для ремонта невозможно — все это просто не поместится на судне. Нет, я уверен, что корабль должен приводиться в движение только электрическими моторами! Я встретил тут одного парня... я обязательно найду его и приведу к вам. По части электричества он настоящий колдун, инженер конца двадцатого века. Он может построить моторы, которые вам нужны.

— Притормозите немного, фантазер, — сказал Сэм. — Где вы возьмете чудовищное количество электрической энергии для этих моторов? Может быть, построите собственный Ниагарский водопад и прихватите его с собой в путешествие?

О'Брайен был стройным молодым человеком с копной рыжих волос и мелкими правильными чертами лица. Задорная лукавая улыбка делала его необыкновенно обаятельным.

— В этом нет необходимости, — сказал он. — Источники энергии есть всюду вдоль Реки.

Он указал на грибообразные очертания ближайшего грейл-стоуна и продолжал:

— Из года в год, из месяца в месяц эти камни три раза в день генерируют огромный электрический заряд. Что мешает нам использовать эту даровую энергию для корабельного двигателя?

Сэм задумчиво наморщил лоб; подобная мысль никогда не приходила ему в голову. Потом он нахмурил свои косматые брови.

— Каким дьявольским способом вы сможете накопить и сохранить эту энергию? Я не очень разбираюсь в электротехнике, но, по-моему, для этого нужна аккумуляторная батарея размером с Эйфелеву башню.

О'Брайен покачал головой.

— Я тоже так думал, пока не встретил этого парня, Вобенгула Ван Бума. Он мулат, наполовину голландец, наполовину зулус, родом из Южной Африки. Он сказал, что при наличии нужных материалов можно построить аккумулятор размером с десятиметровый куб, который способен накопить десять мегакиловатт энергии и отдавать ее со скоростью около десяти вольт в секунду. Ван Бум называл этот прибор батакайто-

ром; его изобрели в конце двадцатого века. Если мы сможем добыть бокситы и сделать алюминиевую проволоку, то тогда не будет проблем с постройкой электрических моторов. Конечно, алюминий не так хорошо, как медь; но мы не знаем, где взять медь, и придется удовлетвориться алюминием.

Сэм в волнении стиснул кулаки. Его мрачное настроение рассеялось без следа. Торопливо затянувшись сигарой, он выпустил несколько клубов дыма и сказал:

— Найдите этого Ван Бума! Я хочу поговорить с ним!

Он снова поморщил лоб, уставившись на сверкающую в солнечном свете поверхность Реки. Его воображение нарисовало огромный белый корабль, покачивающийся на волнах. Могучий паровой — нет, электрический!—-двигатель мерно гудел, судно резало острым носом воду, устремляясь вверх по Реке. На капитанском мостике в фуражке из кожи речного дракона на голове стоял он, Сэм Клеменс, капитан этого сказочного корабля, и путь во много миллионов миль лежал перед ним. Никто и никогда не имел такого судна, такой Реки и такого странствия! Огромные гребные колеса взбивали воду, звене-

ли колокола, сверкал металл, экипаж в полной готовности стоял на местах. Экипаж, который включал великих людей всех времен и народов — от подобного мамонту Джо Миллера из доисторической эпохи до ученых конца двадцатого века, не отличавшихся могучим телосложением, но имевших огромные знания.

Фон Ритгофен вернул его к реальности.

— Я готов начать со своими людьми закладку шахты, — сказал немец. — Но что вы решили делать с Джо?

Сэм встряхнул головой, видения рассеялись. Он нерешительно произнес:

— Я не знаю, как поступить. В этой ситуации разум не позволяет сделать правильный выбор; можно положиться только на интуицию. Наверное, я должен послать Джо. Но без него мы окажемся беспомощными, как банкир в Черную Пятницу. Будем надеяться, что наш викинг станет вести себя благоразумно... Приступайте к работе, Лотар. Но сначала я хочу сказать несколько слов вашим людям... и поднять первую лопату земли. Не смейтесь, мы вступаем в великую эпоху, и это событие должно быть отмечено торжественной церемонией.

Через полчаса, завершив небольшую речь

перед толпой новоявленных землекопов и прополоскав горло глотком бурбона, Сэм взялся за ручку лопаты, сделанной из бамбуковой пластины с заточенным краем. Стебли высокой травы были настолько прочными и толстыми, что ему пришлось рубить лопатой, как мачете. Обливаясь потом и изрыгая проклятья, он очистил от травы небольшой участок и попытался вонзить лопату в землю. Но переплетенная корнями почва была настолько плотной, что он не смог набрать даже половину лопаты грунта.

— К дьяволу! — воскликнул он, швыряя на землю свое затупившееся орудие. — Тут нужна сноровка крестьянина или могильщика! А я — работник умственного труда!

В толпе раздался хохот, после чего десятки бамбуковых мотыг и кремневых топоров ударили в неподатливую землю. Наблюдая за работой людей, Сэм мрачно сказал стоящим рядом фон Ритго-фену и Джо Миллеру:

— Если этот метеорит находится на глубине десяти футов, нам понадобится десять лет, чтобы докопаться до него. Джо, ты должен привезти много кремня, иначе мы никогда не выполним эту работу.

— Ты решил потслать меня за твердым кам-

нем? — спросил Джо. — Но я не хочу ратаваться с тобой, Тэм. Я боюсь за тебя.

— Ты должен сделать это, Джо, -- мягко сказал Клеменс, положив ладонь на локоть гиганта. — Не беспокойся обо мне. Я буду осторожен.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В течение следующих трех дней яма диаметром десять футов достигла глубины в один фут. Фон Ритгофен организовал несколько команд землекопов, которые сменялись каждые пятьдесят минут. Недостатка в желающих работать не было, но много времени шло на заточку кремневых орудий и изготовление новых бамбуковых лопат. Эрик постоянно ворчал из-за каждого затупленного ножа и испорченного топора. Он говорил, что если на них нападут, то кремневые наконечники не разрежут даже кожу младенца. Клеменс несколько раз просил у него стальной топор, но норвежец оставался непреклонным.

— Если бы Джо был здесь, я велел бы ему отнять топор, — сказал Сэм фон Ритгофену. — Но где наш Джо? Ему уже пора возвращаться.

— Я думаю, надо послать кого-нибудь в легком челноке, чтобы разузнать о корабле, — сказал пилот. — Я пошел бы сам, но вам может понадобиться моя защита.

— Если что-то случится с Джо, то мы оба будем нуждаться в защите, — ответил Сэм. — Хорошо, пошлем этого перса, Абдуллу. Он ловкий парень

и может проскользнуть незамеченным через корзину с гремучими змеями.

... Абдулла вернулся через два дня, на рассвете. Он разбудил Сэма и Лотара, который из предосторожности также спал в хижине Сэма. На ломаном английском перс рассказал, что Джо Миллер пойман и посажен в прочную бамбуковую клетку. Абдулла искал случай освободить Джо, но клетка надежно охранялась.

Викингов встретили вполне дружелюбно. Казалось, правитель области приятно удивлен тем, что ему предлагают такой выгодный обмен — кремень на железо. Он устроил роскошный пир в честь заключенного соглашения, накачал своих гостей виски и подарил им по пачке Жвачки Сновидений. Норвежцы были связаны во время сна. Джо тоже спал, но пробудился, когда на него попытались набросить веревки. Голыми руками он убил двадцать человек и изувечил пятьдесят, прежде чем предводителю врагов удалось оглушить гиганта, ударив его сзади палицей по черепу,

— Их правитель знает, что Джо — могучий воин, — сказал перс. — Сильнее, чем сам великий Рустам. Я слушал разговоры людей и понял, что правитель хочет сохранить Джо заложником.

Он хочет разрабатывать железные копи вместе с нами. Если ему откажут, он не убьет Джо, но сделает его рабом. Он нападет на нас, уничтожит наших людей и заберет себе все железо.

Абдулла облизал пересохшие губы, и Сэм протянул ему чашку с водой. Сделав несколько торопливых глотков, разведчик продолжал:

— Он может перебить нас всех. Он построил флот, много кораблей, по сорок воинов в каждом. Его воины имеют оружие из кремня, луки, стрелы и тяжелые боевые бумеранги.

— И кто же этот новоявленный Наполеон? — спросил Сэм.

— Его люди называют его король Джон. Они рассказывали, что он правил Англией в те времена, когда люди носили металлические панцири и сражались на мечах. Это были времена Саладина. Брат короля Джона сражался на востоке и стал знаменитым воином. Его звали Ричард Львиное Сердце.

Сэм сплюнул на земляной пол и выругался.

— Джон Ланкастер! Принц Джон, тварь с черной душой! Опозоривший свое имя так, что в Англии никогда больше короля не называли Джоном! Я предпочел бы иметь дело с ординарным подлецом вроде Леопольда Бельгийского или

Джима Фиска!

Тридцатью минутами позже Сэм получил еще более тревожные новости. На этот раз сообщение пришло из района, лежавшего вниз по течению. В тридцати милях от закладываемой шахты по Реке шел огромный флот. Он включал шесть десятков парусных одномачтовых кораблей, каждый из которых нес полсотни воинов. Вождь этой армады управлял областью, почти не затронутой катастрофическим падением метеорита. Его имя было фон Ра-довитц, и он тоже жаждал железа.

— Я читал о нем в школьные годы! — воскликнул Лотар. Насколько я помню, он родился в 1797 году и умер в 1853. Фон Радовитц был генералом артиллерии и близким другом Фридриха IV Прусского. Его называли «Воинственным Монахом», потому что генерал придерживался строгих религиозных взглядов. Он умер на шестом десятке разочарованным человеком, потерявшим покровительство и доверие своего высокопоставленного друга. Итак, он снова жив, молод и энергичен. Не сомневаюсь, что этот жестокий протестант одушевлен какой-нибудь кровожадной религиозной идеей и уничтожает всех, кто с ней несогласен.

Часом позже Сэм и Лотар получили известие,

что с верховьев Реки приближается флот короля Джона.

— Армия Джона будет здесь раньше, — сказал Сэм конунгу норвежцев. — Они плывут быстрее, ветер и течение помогают им.

— Не учи меня, скрелинг! — рявкнул Кровавый Топор. — Во имя Одина, не попадайся мне сейчас под руку!

— Но что ты собираешься делать?

— Сначала разобью англичанина, а потом покончу с германцем! — захохотал Эрик. Он взмахнул своим топором и сказал: — Будь проклята эта буря, что погубила два моих корабля! И мои ребра — они еще болят! Но боль не помеха для воина!

Сэм не стал затевать спор. Но когда они с Лотаром остались наедине, он сказал:

— Великолепная перспектива! Сражайся с противником, намного более сильным, и умри в бою! Потом этот кабан воскреснет где-то и снова устроит кровавую резню! Такой поворот событий меня не устраивает. У меня есть Мечта, и чтобы она стала реальностью, я должен быть здесь, Лотар, только здесь! Если хотите — считайте меня предателем или трусом, но мы не можем сейчас вступать в бой!

— Что же вы предлагаете? — спросил немец. Он был бледен, и губы его кривила презрительная усмешка.

— Мы должны вступить в союз с королем Джоном! Он — распоследний мерзавец, но не дурак и пойдет на объединение с нами. Флот Радовитца сильнее, и даже если Джон захватит шахту, удержать ее он не сможет. А в случае объединения наших сил мы дадим такой пинок фон Радовитцу, что он уберется отсюда как побитая собака!

Лицо Лотара оттаяло, в глазах появился теплый блеск. Он положил руку на плечо Сэма и сказал:

— Простите меня. На мгновение я подумал, что вы предложите спрятаться в лесу, а потом пойти на службу к победителю. Но я не смог бы предательски бросить наших людей на смерть и пытки.

— Я тоже не хочу этого, потому и предлагаю свой план. Но тут есть одно препятствие — Кровавый Топор! Он никогда не согласится на союз с Джоном, как с равным партнером. Двум средневековым королям будет тесно в одной лодке.

— Вы говорили, что Джон коварен, как ядовитая змея, — сказал фон Ритгофен, — но я тоже не вижу другого выхода. Что касается конунга, то его нужно убрать, убрать быстро и незаметно. Ду-

маю, вам не стоит терзаться угрызением совести по этому поводу. Он прикончит вас при первом же удобном случае.

Сэм опустил голову; его лоб покрылся испариной, глаза блуждали.

— На самом деле мы даже не убиваем его, — нерешительно пробормотал он. — Мы только убираем его подальше...

Сэм хотел добавить еще что-то, но фон Ритгофен остановил его нетерпеливым жестом. Немец сказал, что пора разговоров миновала. Сэм дал идею, теперь надо действовать и воплотить ее в жизнь.

Лицо Клеменса было бледным, он закрыл его ладонями.

— Я знал, что так будет... так будет, если я пойду на это...

— Что с вами? — спросил Лотар.

— Я мучаюсь от вины еще до того, как совершил преступление. .. — прошептал Сэм. — Я чувствую себя подобно трусливому, продажному псу... хотя понимаю разумом, что для этого нет причин... Проклятье! Я словно рожден для того, чтобы страдать за все грехи мира... даже за грех собственного рождения.

Фон Ритгофен в отчаянии всплеснул руками и

зашагал прочь, кинув Сэму через плечо:

— Следуйте за мной — или оставайтесь на месте, как хотите. Но не требуйте, чтобы я считал вас капитаном нашего корабля. Капитан должен твердо стоять на своих ногах.

Со страдальческой гримасой Сэм пошел за немцем. Лотар сказал, что для задуманной операции вполне достаточно дюжины надежных и решительных парней. К тому времени, когда солнце перевалило зенит, все детали были обсуждены и люди пошли за оружием. Вскоре они вернулись из своих хижин с бамбуковыми копьями и ножами в руках. Один нес лук из ствола молодого бамбука и десяток стрел, но это оружие было эффективно только на небольшом расстоянии.

Группа, предводительствуемая фон Ритгофеном и Клеменсом, быстро достигла хижины норвежского конунга. Ее охраняли шестеро викингов.

— Мы хотим видеть Эрика, — сказал Сэм, пытаясь сдержать предательскую дрожь в голосе.

— У него в доме женщина, — ответил старший из стражей, Бенгт Гримарссон.

Сэм поднял руку. Лотар, выскочивший из-за его спины, нанес внезапный удар Гримарссону по голове. Над плечом Сэма свистнула стрела и застряла в горле другого викинга. В несколько се-

кунд стражи, ошеломленные внезапным нападением, были перебиты. Дело, однако, не обошлось без шума и еще десяток викингов поспешил на выручку к своему вождю. Конунг, обнаженный, с высоко поднятым топором, выскочил из хижины с яростным ревом. Фон Ритгофен ударил норвежца копьем в грудь и шагнул вперед, продолжая сжимать бамбуковое древко. Эрик зашатался, выронил топор и стал опрокидываться на спину, пока не навалился на стену хижины. Его глаза вылезли из орбит, кровь хлынула изо рта, кожа посерела.

Лотар вытащил копье и нанес конунгу второй удар в живот. Кровавый Топор согнулся, инстинктивно зажимая рану руками, и медленно повалился на землю.

В последовавшей схватке шесть человек из отряда Клеменса были убиты и четверо ранены. Викинги сражались отчаянно, пока их не перебили полностью.

Сэм Клеменс, залитый чужой и собственной кровью, сочившейся из пореза на плече, опустил копье. Он убил одного воина, Гунара Торфинссона, всадив ему копье под лопатку, пока викинг сражался с фон Ритгофеном. Плохая смерть для Гунара. Как большинство викингов, он друже-

любно относился к Сэму и любил слушать его рассказы. Теперь недавний соратник заколол его ударом в спину.

«Я участвовал в тридцати восьми сражениях, — подумал Сэм,—и убил только двух человек. Тот, другой, был раненый турок, пытавшийся подняться на ноги. И я, Сэм Клеменс, могучий воин с безжалостным сердцем, прикончил его». — Вспомнив об этом, Сэм с ужасом и отвращением уставился на валявшиеся на земле тела. Он знал, что эти трупы будут сниться ему, даже если он проживет еще десять тысяч лет.

Вдруг он пронзительно вскрикнул от ужаса и дернул ногой, отчаянно пытаясь вырвать лодыжку из охвативших ее пальцев. Он поднял копье, намереваясь поразить лежащего на земле человека, посмотрел вниз и увидел бледно-голубые, подернутые туманом смерти глаза Эрика. Жизнь на мгновение вернулась в могучее тело викинга. Его голос был слаб, но Сэм и стоявшие поблизости люди хорошо расслышали слова умирающего.

— Ты, отродье Локи! Слушай, я не дам тебе уйти, пока я говорю. Боги открыли мне будущее. Они отомстят тебе за предательство. Слушай! Я знаю, тут есть железо, под этой пропитанной кровью травой. Я чувствую его всеми своими жилами.

Оно течет к моему телу и холодит кровь. Тут много железа, больше, чем надо для твоего белого корабля. Ты добудешь железо и ты построишь корабль, который станет соперничать с драккаром Одина.

— И ты будешь капитаном этого корабля, пес Клеменс, и ты пройдешь на нем больше миль, чем колесница Тора покрывает за день. Ты будешь плыть вперед и назад, на север и на юг, на восток и на запад, туда, куда поведет тебя Река. И ты много раз обогнешь этот мир.

— Но строительство корабля и последующее плавание будут полны жестокости и горя. И после многих лет, равных жизни двух поколений на Земле, после великих страданий и немногих радостей, когда ты будешь близок к цели своего путешествия, ты найдешь меня!

— Вернее, я найду тебя! Там, в неимоверной дали, я буду ждать корабль и я убью тебя. И ты никогда не увидишь конец Реки и не возьмешь штурмом ворота Валгаллы!

Сэм стоял похолодевший и недвижимый. Он слышал голос судьбы и не мог заставить себя поднять оружие или снова взглянуть в глаза умирающего.

— Помни, я жду! — прохрипел конунг и за-

молк,

Сэм осторожно освободил ногу и отер лоб дрожащей рукой. Потом он взглянул на фон Ритгофена и прошептал:

— Это нелепо... Человек не может предвидеть будущее...

— Почему же? — сказал немец. — Если в мире действует железная цепь причин и следствий, то будущее жестко определено. И разве не может оно приоткрыться на минуту, сверкнуть, подобно лучу света, в тоннеле времени? И тогда человек может уловить нечто...

Сэм ничего не ответил. Фон Ритгофен рассмеялся, показывая, что он только шутит, и одобряюще похлопал Сэма по плечу.

— Мне надо выпить, Лотар, — произнес Сэм сдавленным голосом. И потом добавил: — Я не вижу ни капли смысла в этом суеверном вздоре.

Но он подумал, что умирающий сумел заглянуть на годы вперед, и он поверил его предсказанию.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Флот короля Джона подошел к берегу за час до начала сумерек. Сэм Клеменс послал человека сообщить Джону, что он желает обсудить с ним возможность заключения союза. Джон, похоже, ничего не имел против такого решения вопроса. Во время переговоров Сэм стоял на берегу, а его будущий союзник — на палубе галеры. Сэм, подогрев свой энтузиазм хорошим глотком виски, описал сложившуюся ситуацию и изложил идею постройки огромного корабля.

Джон оказался невысоким широкоплечим человеком с рыжеватыми волосами и хитрым выражением голубых глаз. Он дружелюбно улыбнулся Сэму и ответил на английском, который, против ожидания, был вполне понятен. Выяснилось, что раньше он прожил около десяти лет среди виргинцев восемнадцатого века. Благодаря этому его язык не являлся смесью средневекового английского и франко-нормандского, как в тайне опасался Сэм.

Джон быстро понял, какие выгоды сулит ему союз с Клеменсом против фон Радовитца. Несомненно, у Джона имелись свои соображения о

том, что он станет делать после разгрома прусского генерала. Сейчас, однако, он проявил готовность заключить союз и высадился на берег, всячески демонстрируя свое дружелюбие. Соглашение между сторонами было окончательно скреплено обильным возлиянием, после чего Джон приказал освободить Джо Миллера, сидевшего в клетке на флагманской галере.

Слезы показались на глазах Сэма, когда он увидел своего друга. Гигантопитек налетел на него подобно Ниагарскому водопаду, и ребра Сэма хрустнули в его могучих объятиях.

Итак, союз был заключен. Фон Ритгофен, однако, шепнул на ухо Сэму:

— Что касается Кровавого Топора, то мы, по крайней мере, знали, что можно ожидать от него. Похоже, мы сделали не очень выгодный обмен.

— Возможно, вы правы, — ответил Сэм. — Но если для спасения от стаи волков, хватающих вас за пятки, не найдется ничего лучшего дикого мустанга, вы сядете на него, хотя это может грозить новыми опасностями. О том, как не сломать себе шею, вы задумаетесь позже.

...Сражение, которое началось с рассветом следующего дня, тянулось долго. Несколько раз Клеменс и его новый союзник были на волосок

от поражения. По их плану корабли Джона укрылись вблизи берега в дымке утреннего тумана и затем ударили в тыл германского флота. Люди Джона метали сосновые факелы, с помощью которых удалось поджечь несколько кораблей фон Радовитца. Но это не принесло большого успеха. Нападающие говорили на одном языке, были хорошо дисциплинированны и закалены во многих битвах; кроме того, они имели превосходство в вооружении.

С помощью ракет захватчики потопили множество кораблей Джона. Затем германцы хлынули на берег под прикрытием ливня стрел и ракетных залпов. Во время высадки одна из ракет упала в десяти ярдах от Сэма. Оглушенный взрывом, он рухнул на землю, затем с трудом поднялся, пошатываясь. Внезапно его заслонила чья-то широкая спина. Сэм мог поклясться, что раньше он никогда не видел здесь этого человека.

Незнакомец, ростом около пяти с половиной футов, обладал крепким, могучим сложением. Инстинктивно Сэм понял, что этот человек немолод, хотя он выглядел, как и все прочие, двадцатипятилетним. Его вьющиеся каштановые волосы спадали на спину. Под густыми, такими же, как у Сэма, бровями, сверкали глаза, карие с

зелеными искорками. Лицо, с орлиным носом, выдававшимся вперед подбородком и массивными скулами выглядело решительным и грозным.

Незнакомец держал в руках лук, сделанный из челюстной кости речного дракона. Сэм знал, что подобное оружие было очень редким в долине. Для того, чтобы согнуть такой лук, требовались усилия двух человек. Но зато он обладал колоссальной мощью и дальнобойностью.

На плече незнакомца висел колчан с двумя дюжинами стрел, выточенных из костей речного дракона и снабженных кремневыми наконечниками. Солнечные лучи просвечивали через тонкие древки стрел, но этот материал не уступал по прочности железному дереву.

Незнакомец пристально разглядывал Сэма. Наконец он сказал по-немецки со странным, трудноуловимым акцентом:

— Ты похож на Сэма Клеменса.

— Без сомнения, это я,—ответил Сэм. — Но откуда вы...

— Мне описал твою внешность... — незнакомец сделал паузу, — один из Них.

В первый момент Сэм не мог ничего понять. Оглушенный взрывом ракеты, воплями и ревом людей, убивающих друг друга всего в двадцати

ярдах от него, Сэм уставился широко раскрытыми глазами в лицо незнакомца. И вдруг до него дошло. Непослушными губами Сэм прошептал:

— Он послал... Таинственный Пришелец... он послал вас... Вы — один из двенадцати! И он послал вас!

— Он? Нет! Она послала меня!

У Сэма не было времени уяснить смысл этой странной поправки. Он подавил желание выяснить у незнакомца, как он справляется со своим луком. Вместо этого Сэм приподнялся на цыпочки и указал на ближайший вражеский корабль, уткнувшийся носом в берег. На его палубе стоял рослый светловолосый человек, раздававший команды.

— Фон Радовитц, предводитель германцев, — сказал Сэм. — Мы не можем достать его из наших деревянных луков.

Лучник поднял свое страшное оружие. Плавно и быстро, остановившись только на мгновение, чтобы прицелиться и оценить скорость ветра, он послал стрелу. Ее полет закончился в горле фон Радовитца. «Воинственный Монах» взмахнул руками и, захлебываясь кровью, рухнул в воду с кормы своего корабля.

Следующей стрелой лучник поразил помощ-

ника фон Радовитца, который пытался сплотить своих людей. Джо Миллер, облаченный в панцирь из кожи речного дракона, ринулся на германцев, размахивая чудовищной дубовой палицей. Он походил на восьмисотфунтового сказочного льва с разумом человека. Смерть и ужас распространялись вокруг гиганта. Он сокрушил двадцать врагов за минуту; потом, с диким ревом, схватил за плечо ближайшего германского воина и швырнул его с такой силой, что сбил с ног дюжину человек.

Отряды германцев дрогнули и стали отступать к своим судам. Фон Ритгофен, обнаженный, залитый кровью, появился перед Сэмом, потрясая сжатой в кулак рукой.

— Победа! Победа! — кричал он. — Мы победили!

— Теперь вы наверняка получите свою летающую машину, — с улыбкой сказал Сэм. Затем он повернулся к лучнику и спросил: — Кто вы?

— У меня было много имен, но когда мой дед впервые взял меня на руки, он назвал меня Одиссеем.

Потрясенный Сэм смог выжать из себя только одну фразу.

— Мы все слышали о вас...

Был ли этот лучник тем человеком, о котором Гомер сложил свою эпическую позму? Тем самым Уллисом, который сражался у стен Трои и о котором сочинили столько легенд? Почему бы и нет? Икс, Таинственный Пришелец, сказал Сэму, что он выбрал двенадцать человек из многих миллиардов. Сэм не знал, чем руководствовался Икс, делая свой выбор, но полагал, что причины для него должны быть достаточно весомыми. Таинственный Пришелец намекнул на одного человека — Ричарда Бартона. Возможно, каждый из двенадцати избранных источал некую ауру, которая подсказывала этику-отступнику, что подобный человек годится для его целей. Во всяком случае, не приходилось сомневаться, что этот древний ахеец, Одиссей, годился для любой опасной авантюры.

...Празднество по случаю одержанной победы завершилось поздно. Сэм, сопровождаемый Лотаром, Джо и Одиссеем, двигался в ночном полумраке, направляясь в свою хижину. Его горло пересохло от расспросов. Он постарался вытянуть из этого ахейца все, что тот знал об осаде Трои и последующих странствиях по морям. Рассказы Одиссея не столько удовлетворили любопытство Сэма, сколько удивили его.

Троя, известная Одиссею, была совсем не тем городом вблизи Геллеспонта, развалины которого земные археологи обозначили как Троя У Па. Троя, которую осаждали Одиссей, Агаменон и Диомед, располагалась южнее, примерно против острова Лесбос. Ее население принадлежало к народу этрусков, занимавшему в те времена часть Малой Азии. Позднее этруски эмигрировали в Италию, спасаясь от нашествия эллинов.

Осада Трои длилась два года и завершилась полным разгромом города. Через три года Одиссей принял участие в великом морском походе ахейских племен против Египта, которым правил Рамсес III. Ахейцы потерпели поражение. Спасая свою жизнь, Одиссей бежал на одном из кораблей и, действительно, был вынужден совершить тяжелое морское путешествие. За три года скитаний он посетил Мальту, Сицилию и южное побережье Италии — земли, тогда еще неизвестные грекам. Однако все приключения с Полифемом, Калипсо, Цирцеей, Эолом и листригонами являлись выдумкой. Жену Одиссея действительно звали Пенелопой, но по возвращении домой ему не пришлось избивать никаких женихов.

Что касается Ахиллеса и Гектора, то Одиссей

знал о них только из легенд. Он полагал, что оба эти героя были пеласгами, народ которых населял Элладу до того, как ахейцы хлынули на полуостров с севера. Ахейцы смешались с пеласгами и восприняли их верования. В результате через много веков сложилась эпическая традиция Илиады, в которой соединились легенды двух народов. К изумлению Сэма, ахеец был знаком с Илиадой и Одиссеем; он встретил ученого, который знал обе поэмы наизусть.

— Доводилось ли вам слышать о Деревянном Коне? — спросил Сэм, почти уверенный, что ответ будет отрицательным.

Однако Одиссей не только знал о Коне, но и сказан, что вся эта история находится на его совести. Это был акт отчаяния, обман, предпринятый в ожидании неминуемого провала похода. И этот обман неожиданно привел к успеху.

История с Деревянным Конем показалась Сэму наиболее удивительной из всех, услышанных в этот вечер. Ученые единодушно отрицали ее реальность, считая ее невероятной Очевидно, они были правы. Казалась фантастической мысль о том, что ахейцы были настолько глупы, что построили этого Коня, а еще более глупые троянцы затащили его в город. Тем не менее Деревянный

Конь существовал на самом деле и ахейцы проникли в город в его чреве.

Фон Ритгофен и Джо внимательно слушали вопросы Сэма и обстоятельные ответы ахейца. Оба вполне понимали, с кем имеют дело. Несмотря на запрещение этика, Сэм рассказал им о своей встрече с одним из повелителей этого мира. Джо и Лотар должны были знать о Таинственном Пришельце. Иначе окажется, что он, Сэм, будет совершать поступки, непонятные его ближайшему окружению. Кроме того, Сэм невольно стремился показать этику, что он остается самостоятельным в своих поступках.

Сэм пожелал доброй ночи двоим из своих спутников; Джо спал в его хижине. Он вытянулся на койке, но, несмотря на усталость, не мог уснуть. Водовороту мыслей, крутившихся в его голове, аккомпанировал могучий храп Джо. Сэм думал о будущем этого мира, будущем, в котором появятся стальные перья, бумага и, может быть, печатный станок. Значит, тут будут газеты, журналы, книги... Еще он думал о своем новом союзнике, принце Джоне, лукавом, как змий. Вряд ли с ним возникнут какие-либо неприятности, пока корабль не будет построен. А это случится еще нескоро. Пока же поводов для тревоги не

было, но Сэм все равно испытывал беспокойство.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сэм пробудился внезапно; его сердце бешено колотилось, пытаясь вырваться из ледяных тисков ночного кошмара. Влажный воздух сочился через бамбуковые стены и закрывающую вход плетеную циновку. Капли дождя барабанили по крыше хижины. Над горами гремел гром, которому вторил храп Джо Миллера.

Сэм протянул руку в темноту, внезапно вскрикнул и сел. Его пальцы коснулись ткани, скрывающей теплую человеческую плоть. Далекая молния на мгновение рассеяла мрак, и он увидел смутные очертания фигуры, склонявшейся над его ложем. Затем знакомый голос произнес:

— Не стоит беспокоиться и звать на помощь вашего гиган-топитека. Я уверен, что он не пробудится до рассвета.

Сэм вытер ладонью вспотевший лоб, потом нашарил в темноте сигару, лежавшую на маленьком столике рядом с койкой.

— Могу я закурить? — хрипло спросил он.

Таинственный Пришелец так долго медлил с ответом, что

Сэм удивился. Свет от горящего кончика сигары

не позволил бы Сэму разглядеть этика; кроме того, его лицо скрывала маска или низко надвинутый капюшон. Возможно, он не любил запаха табачного дыма? И не хотел сказать об этом, так как данная особенность позволила бы опознать его? Опознать кому? Другим этикам, которые подозревали, что среди них имеется предатель? Пришелец сказал, что в долине Реки находятся двенадцать посвященных и Сэм — один из них. Если он, Сэм Клеменс, будет схвачен и допрошен этиками и если он скажет, что контактирующее с ним существо не любит запах табака, достаточно ли этого, чтобы Они могли узнать отступника?

Сэм не сказал ни слова. Все эти мысли он решил держать про себя; возможно, что-нибудь со временем пригодится.

— Курите, — наконец сказал Пришелец. Хотя Сэм не мог видеть этика, ему показалось, что тот немного отодвинулся.

— Чему я обязан этим неожиданным визитом? — произнес Сэм.

— Всего лишь тому, что мы надолго расстаемся и мне нужно предупредить вас об этом. Я не хочу внушать вам мысль, что бросил вас. Меня вызывают... вызывают в связи с делами, которые недоступны вашему пониманию — даже если я

очень постараюсь их объяснить. Итак, теперь вы должны руководствоваться собственным разумом. Если события примут для вас плохой оборот, я ничем не смогу помочь — даже косвенно.

— Я полагаю, что у вас есть все, что нужно для строительства корабля, и ваша работа займет не менее десятилетия. Используйте свою изобретательность при решении проблем — технических и политических, которые возникнут перед вами. Я не могу предоставить вам большего разнообразия материалов. Я дал вам достаточно шансов, сбросив сюда железный метеорит и указав месторождения бокситов и платины.

— Здесь будут другие этики — не из числа Двенадцати, более низкого ранга — которые ведут наблюдение за людьми. Однако они не станут вмешиваться в ваши дела. Они не считают, что ваш корабль несет какую-либо опасность Плану. Правда, они предпочли бы, чтобы у вас не было железа и когда вы «откроете» платину и бокситы, это их несколько расстроит. Они хотят, чтобы земляне встали на путь духовного, а не технологического развития. Тем не менее вмешиваться они не будут.

Сэм ощутил некоторую панику. Хотя он ненавидел этика, он, однако, нуждался в его моральной

и материальной поддержке.

— Я надеюсь, ничего плохого больше не произойдет, — произнес Сэм. — Но сегодня я чуть было все не потерял. Если бы не Джо и этот парень, Одиссей...

Он сделал внезапно паузу, затем воскликнул:

— Постойте! Одиссей утверждал, что этик, который послал его нам на помощь, был... был женщиной!

Из темноты донесся смешок.

— Какое это имеет значение?

— Большое! Либо вы — не единственный отступник, либо — умеете изменять свой голос. Или, возможно, вы не сказали мне всей правды! Может быть, вы все участвуете в этом деле и питаете нас прекрасными, но лживыми фантазиями во имя каких-то собственных целей! Мы — только орудия в ваших руках!

— Я не лгу! И не желаю обсуждать ваши нелепые предположения! Скажу только, что если вы или другие, из числа выбранных мной, будут обнаружены и допрошены, то их ответы приведут моих коллег в изрядное смущение.

Из темноты послышался шорох.

— Я должен идти. Повторяю, теперь все — в ваших руках. Желаю удачи.

— Подождите! Что, если я провалюсь?

— Кто-нибудь другой построит корабль... Но я полагаю, что ваши шансы на успех очень велики.

— Итак, я только орудие... орудие в руке бога... Если орудие ломается, его выбрасывают прочь и берут другое...

— Я не могу гарантировать вам успех. Я не бог.

— Будьте вы прокляты — вы и весь ваш род! — вскричал Сэм. — Зачем вы вмешались в нашу жизнь, почему не дали событиям развиваться так естественно, как это было на Земле? После смерти нас ждал покой и мир. Нет больше горя и боли. Нет непрерывного изнуряющего труда и болезней. Все это — позади нас. Мы были свободны, свободны от оков плоти. Но вы снова наложили на нас это ярмо и стянули цепь так, что мы даже не можем убить себя! Вы поставили смерть вне пределов досягаемости для нас! Это значит, что вы ввергли людей в адское пламя навечно, навсегда!

— Здесь не так плохо, — ответил этик. — Большинству из вас тут даже лучше, чем на Земле. Или, по крайней мере, не хуже. Калеки, слепые, истощенные, больные снова здоровы и молоды. Вы не должны трудиться ради куска хлеба, и

большинство из вас питается гораздо лучше, чем на Земле... Но я согласен с вами в общей оценке ситуации. Это преступление, величайшее преступление, которое...

— Верните мне Ливи! — воскликнул Сэм. — Верните мне моих дочерей! Разделив нас, вы сделали их для меня такими же мертвыми, как если бы они были мертвы. По крайней мере, я не корчился бы все время в муках, представляя их возможные страдания! Может быть, их бьют, насилуют, пытают — откуда я знаю? На этой планете так много зла! Здесь может быть все самое ужасное, что существовало раньше на Земле!

— Я постараюсь помочь вам, — сказал этик. — Но на то, чтобы найти их, могут уйти годы. У меня нет времени объяснять вам детали поисков — они очень сложны, а я должен уйти до того, как кончится дождь.

Сэм поднялся и шагнул вперед, вытянув руки.

— Остановитесь! — раздался голос этика. — Сейчас вы коснетесь меня!

Сэм понял, что его собеседник обладал способностью видеть в темноте. Он замер и прошептал:

— Вы поможете мне? Найдете Ливи? И моих девочек?

— Я сделаю это, даю вам слово. Только... только

на розыски могут уйти годы. Предположим, что вы построите корабль и отправитесь в путь... пройдете миллион миль вверх по Реке. ..Ив этот момент я сообщу вам, что обнаружил вашу жену в трех миллионах миль ниже по течению. Учтите, что я могу найти ее, но я не могу перенести ее к вам; добраться к ней — ваше дело. Как вы поступите? Повернете обратно и потратите двадцать лет на возвращение? Согласится ли с таким решением ваша команда? Сомневаюсь. Однако даже если вы сделаете так, нет гарантий, что ваша жена все еще будет в прежнем месте. Ее могут убить, и она окажется перенесенной куда-нибудь еще... еще дальше...

— Проклятье! — прохрипел Сэм; тиски безысходного отчаяния сжимали его горло.

— И, конечно, — продолжал этик, — люди меняются, особенно женщины. Когда вы найдете свою жену, то можете обнаружить, что она не испытывает к вам прежних чувств...

— Я убью вас! — взревел Сэм.—Но помогите, помогите мне... умоляю...

Бамбуковая циновка была откинута. Силуэт Пришельца мелькнул в дверном проеме, подобный летучей мыши. Его тело скрывал широкий плащ, на голову был опущен капюшон. Сэм стис-

нул кулаки, заставляя себя успокоиться. Затем он начал безостановочное движение между койкой и дверью. Вперед — назад, вперед — назад. .. отмечая свой путь в темноте слабыми вспышками сигары... пока она не догорела до конца... Тогда швырнул окурок за дверь и выругался. Дыхание со свистом вырывалось из его груди.

— Будь они прокляты! Будь проклят о н! Я дойду до северного полюса! Я найду их! И я их убью! Я убью его!

Дождь прекратился. Издалека донеслись какие-то крики, обеспокоившие Сэма. Пришельца могли поймать — и, хотя это представлялось маловероятным, тревога Сэма не уменьшалась. Он ненавидел этика, но понимал, что время мести еще не наступило. Помощь и покровительство таинственного существа были необходимы ему. Позднее... позднее все могло измениться.

Сэм вышел из хижины. Цепочка огней двигалась по равнине. Вскоре Сэм уже мог различить в свете факелов лица нескольких охранников, предводительствуемых фон Ритгофеном. С ними были трое неизвестных.

Большие намокшие покрывала, наброшенные на головы и плечи, делали их фигуры бесформенными. Один из странников, невысокого роста,

низко надвинул капюшон. У рослого мужчины, шедшего впереди, голова была обнажена, темные волосы слиплись от дождя. Его вытянутое темное лицо казалось суровым; огромный крючковатый нос выдавался вперед подобно орлиному клюву.

— Вы проиграли эту дистанцию, незнакомец, — сказал Сэм. — Там, в моей хижине, храпит один парень, чей нос побьет ваш по всем показателям. t

— Но д'ан кон... Ва ти фар фотре[2] ... — пробормотал высокий человек. — Неужели я пришел сюда, чтобы выслушивать оскорбления? Подобным образом, вы, наверное, выказываете путникам свое гостеприимство? Я с огромными трудностями преодолел десять тысяч лиг в поисках человека, который вложит в мои руки добрый стальной клинок. И теперь должен выслушивать от него шпильки относительно моего носа! Знай, нахальный невежа, что Савиньен де Сирано де Бержерак никому не спускает дерзостей! И если ты немедленно не принесешь самых искренних извинений, я проткну тебя насквозь этим самым носом, над которым ты насмехался!

Сэм пробормотал жалкие извинения, ссылаясь

---

[2] Примечания: 2
Бог мой, снова ... Будь ты проклят ... (франц.)

на то, что его нервы напряжены после вчерашней битвы. Он с изумлением смотрел на этого легендарного человека, поэта и бретера. Мог ли он быть одним из двенадцати доверенных? Вполне...

Второй мужчина, светловолосый, с голубыми глазами, представился как Герман Геринг. Его шею обвивал плетеный шнурок, на котором висела спиралевидная кость, взятая от речной рыбы определенного сорта. По этому признаку Сэм понял, что светловолосый является приверженцем Церкви Второго Шанса. Это сулило некоторые хлопоты в будущем, поскольку верующие во Второй Шанс проповедовали абсолютный пацифизм.

Третий путник отбросил капюшон на спину, открыв прелестное лицо, обрамленное вьющимися черными волосами.

Сэм пошатнулся, почти теряя сознание.

— Ливи! — полустой, полушепот сорвался с его пересохших

губ.

Женщина пристально посмотрела на него. Она шагнула ближе, молчаливая, бледная в свете факелов, потрясенная неожиданной встречей.

— Сэм... — слабо прошептала она, — Сэм...

Он сделал шаг вперед, но она внезапно оберну-

лась к своему спутнику, словно ища поддержки. Де Бержерак обнял ее и поднял сверкающий взгляд на Сэма Клеменса.

— Соберись с силами, моя голубка! Он не причинит тебе вреда пока я здесь! Кто он — и что значит для тебя?

Она посмотрела на француза с выражением, в котором Сэм не мог ошибиться. Глухой отчаянный вой вырвался из его горла. Обратив лицо к равнодушным звездам, он потряс кулаками над головой, в тысячный раз проклиная этот мир.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Огромный Корабль плыл в его снах подобно сверкающему бриллианту в миллион каратов.

Никогда в мире не было корабля, подобного этому.

На Земле миноносцы носили имена-символы — «Суровый», «Грозный», «Неустрашимый». Он назовет свой Корабль «Ненаемный». Никто не сможет ни купить, ни нанять, ни захватить его. А для этого Корабль должен иметь могучее вооружение.

Название будет написано большими черными буквами на корпусе судна. «НЕНАЕМНЫЙ».

Сказочный Корабль будет иметь четыре палубы — машинное отделение, главную палубу, штормовую палубу и палубу для аэропланов. Его полная длина составит четыреста сорок футов и шесть дюймов, максимальная ширина — девяносто три фута. Средняя осадка в нагруженном состоянии — двенадцать футов. Корпус будет сделан, вероятно, из дюралюминия. Огромные трубы станут выпускать пар, так как на Корабле будет установлен паровой котел. Но его назначением станет подача пара в пневматические установки

для метания снарядов с взрывчаткой. Гигантские колеса по бокам Корабля будут вращаться под действием электрических моторов.

А на мостике этого сказочного Корабля будет стоять он, капитан Сэм Клеменс, в белой морской фуражке на голове и с длинной сигарой в зубах. Экипаж из ста пятидесяти человек послушен его воле, и они плывут вверх по Реке. Вверх, вверх и вверх! Может быть, десять миллионов миль, может быть—двадцать; сорок, восемьдесят, сто лет! Вверх по единственной Реке этого мира на единственном настоящем Корабле, который ведет капитан Клеменс!

Он чувствовал себя таким счастливым!

Человек был закутан в плащ, скрепленный застежкой на плече. Голова со светлыми густыми волосами оставалась непокрытой. Жестокий взгляд бледно-голубых глаз остановился на лице Сэма. В мускулистой руке человек держал огромный боевой топор со сверкающим стальным лезвием.

Сэм стремительно повернулся к рулевому и приказал: «Скорее! Скорее! Полный ход!»

Корабль рванулся вперед, но светловолосый человек внезапно необъяснимым образом оказался на капитанском мостике. Сэм взглянул на него.

Это был конунг викингов Эрик Кровавый Топор.

Он закричал Сэму на старонорвежском: «Предатель! Пес! Я обещал дождаться тебя на берегах Реки! И я нашел тебя!»

Сэм ринулся вниз, в бездонное чрево Корабля, перебегая с палубы на палубу, мимо огромных вращающихся колес, моторов, глухо чавкающих поршней, стремительно двигающихся механизмов. Он мчался туда, где хранились запасы пороха, и в руках его пылал факел. Эрик следовал за ним по пятам.

«Остановись, или я взорву корабль!» — закричал Сэм, поворачиваясь лицом к преследователю.

Эрик остановился и начал вращать топор над головой — все быстрее и быстрее. Он усмехнулся и сказал: «Ну, попробуй! Ты не сделаешь этого! Ты не сможешь взорвать Корабль! Ты любишь его больше всего на свете, больше своей драгоценной Ливи и своих дочерей! Но я прикончу тебя! И Корабль станет моим!»

«Нет! Нет!» — кричал Сэм. «Не смей! Ты не сможешь, не сможешь! Это моя мечта, моя любовь, моя жизнь, мой мир! Ты не сможешь!»

Норвежец снова усмехнулся; топор свистел и сверкал в его руках. Он шагнул к Сэму. «Я не

смогу?» Топор взлетел вверх.

За его плечом Сэм увидел тень. Она придвинулась, превратилась в высокую безликую фигуру. Это был Икс, Таинственный Пришелец, этик-отступник, сбросивший в долину Реки метеорит, чтобы Сэм мог построить Корабль в этом бедном минеральным сырьем мире. Чтобы он мог доплыть до северного полюса планеты, где в белесой холодной мгле возвышается Туманный Замок, подобный гигантской Чаше. Чтобы он — вместе с Одиннадцатью избранными — ворвался в Замок и нашел... нашел что? Чтобы бы там ни было...

«Пришелец! — позвал Сэм. — Спаси меня! Спаси!»

Его смех был подобен вою ветра, налетающего с северного моря: «Спасайся сам!»

«Нет, нет! Ты обещал...» —простонал Сэм. Затем его глаза открылись и последний невнятный крик замер на его губах, отлетая прочь вместе с остатками сна.

Он сел. Его кровать, искусно сделанная из стволов бамбука, стояла в углу просторной комнаты. В другом ее углу размещалась конторка. Посередине располагался большой круглый стол с дюжиной сосновых стульев. Около двери находилось ведро из толстого бамбукового ствола,

полное воды; рядом — вешалка, к которой были прислонены копья с железными наконечниками. На крюках висели луки, колчаны со стрелами, боевой топор и четыре длинных стальных ножа. У стены, напротив стола, стоял высокий и широкий стеллаж с многочисленными отделениями для скрученных в трубку бумаг. Наверху стеллажа лежали стопки покрывал и капитанская фуражка, сделанная из кожи, с чехлом из белой ткани.

На большом столе находилась его чаша, серый металлический цилиндр с ручкой.

На конторке стояла стеклянная бутылка с чернилами, лежали ручки с костяными и стальными перьями и листы грубой бумаги, изготовленной из стеблей бамбука.

Через небольшие застекленные окна (или иллюминаторы, как он их называл) открывался вид на ближайшие окрестности. Насколько Сэм знал, его дом являлся единственным в долине Реки строением с застекленными окнами. Точнее — единственным на десять тысяч миль, составлявших исследованную зону долины.

В спальне не было искусственного освещения; достаточно яркий свет падал с неба. Хотя солнце еще не встало, свет был сильнее, чем на Земле в полнолуние. Огромные многоцветные

звезды усеивали небеса; некоторые из них были так велики, что походили на небольшие луны. Гигантские облака космического газа ярко светились подобно полярному сиянию, затмевая более слабые из звезд.

Сэм встряхнул головой, разгоняя остатки ночного кошмара. Смочив пересохшее горло глотком воды, он бросил взгляд в иллюминатор, расположенный со стороны Реки, Еще год назад он смог бы увидеть только плоскую равнину шириной в полторы мили, заросшую короткой, жесткой, ярко-зеленой травой. Теперь все это пространство было покрыто холмами вздыбленной земли, глубокими расселинами шахт и многочисленными строениями из бамбука и сосны, над которыми возвышались кирпичные трубы печей. Здесь были его металлургический центр, фабрика стекла, цементный завод, химические производства, оружейные мастерские, его лаборатории, арсенал, кузницы и пороховой склад. Полумилей выше по берегу Реки высокая стена из сосновых бревен огораживала верфь, на которой строился первый корабль с металлическим корпусом.

Слева от металлургического завода пылали факелы, освещая вход в шахту. Даже ночью люди продолжали добычу, раскалывая и доставляя

на поверхность куски железо-никелевого метеорита.

Дом Сэма стоял у подножия холмов. Раньше за ним возвышался лес из тысячефутовых железных деревьев, белых и черных дубов, красной сосны и огромных стволов бамбука. Холмы пока еще оставались на месте, но лес был уничтожен почти полностью. Только неимоверно прочные железные деревья смогли противостоять стальным топорам и пилам в руках рабочих Сэма. Трава была срезана под корень и использована в качестве сырья для приготовления бумаги, веревок и канатов. Такая же судьба постигла заросли кустарника, молодого бамбука и густую сеть лесных лиан. Древесина и растительное волокно на этой бедной источниками сырья планете являлись не меньшей ценностью, чем железо, бокситы и платина.

Некогда прекрасный кусочек долины, поросший деревьями, густой травой и яркими цветами, походил теперь на поле битвы. Потребовалось сотворить все это уродство, чтобы построить чудесный Корабль.

Сэм приоткрыл окно и вздрогнул от порыва холодного и мокрого ветра, налетевшего с верховьев Реки. Он вздрогнул также при мысли о

произведенном вокруг опустошении. Он любил естественную прелесть природы, любил бесконечную долину Реки — чтобы он ни думал об этом мире и как бы ни проклинал его. Теперь он сотворил хаос, окружающий его дом. И он будет распространять этот хаос дальше, потому что печи заводов и фабрик нуждаются в топливе, его инженерам нужна бумага, шахтерам и строителям — бревна и доски. Вся древесина, которой владело его государство, уже была использована. Было использовано все, что могли продать южный сосед — Публия, и северный сосед — Земля Чернского. Если он захочет получить новое сырье, он должен воевать со своими ближайшими соседями. Или устанавливать торговые связи с более далекими государствами, лежащими на юге, на севере и на другом берегу Реки. Или, возможно, покорить эти страны и вырубить их леса. Он не хотел делать этого; он испытывал отвращение к войне.

Но он должен построить свой Корабль, а для этого его заводам необходимо топливо.

И еще ему требуется минеральное сырье — бокситы, криолит, платина, если он хочет иметь алюминий для электрических генераторов и моторов.

Ближайшим источником этих минералов был район Соул Сити, расположенный в двадцати шести милях вниз по Реке. Этой страной управлял чернокожий Элвуд Хаскинг, который ненавидел белых.

Итак, Сэм был вынужден продавать стальное оружие, чтобы получить необходимое сырье. Его собственная страна, Пароландо (или Земля Двух Владык — в переводе с эсперанто) тоже нуждалась в оружии. Хаскинг же, добавляя одно бремя к другому требовал, чтобы люди Пароландо сами разрабатывали копи и транспортировали сырье.

Сэм тяжело вздохнул. Почему Таинственный Пришелец не направил метеорит так, чтобы он упал прямо у месторождения бокситов? Тогда Сэм и Кровавый Топор со своим отрядом викингов, появившись в этой местности сразу же после падения метеорита, могли бы занять район Соул Сити.

Однако даже могучие силы, которыми управлял Пришелец, не могли, по-видимому, сбросить чудовищную глыбу железа прямо на месторождение минералов. Пожалуй, Пришелец мог считать, что он очень точно попал в цель. До того, как он исчез по своим таинственным делам, Пришелец сказал Сэму, что бокситы лежат вверх по

Реке на расстоянии пяти миль. Но он ошибся. И это одновременно сердило и радовало Сэма. Он злился оттого, что залежи алюминиевого сырья были недосягаемы для него. И он был счастлив, понимая, что могущественные этики тоже могут совершать ошибки.

Данное обстоятельство, однако, ничем не помогало людям, заключенным в долине десятимильной ширины, зажатой между гладкими скалистыми стенами высотой в двадцать тысяч футов. Они могли томиться в этой тюрьме сотни лет, если Сэмюэль Клеменс не сможет построить свой Корабль.

Сэм шагнул к стеллажу и вытянул из-за кипы бумаг большую стеклянную бутылку. В ней плескалось около двадцати унций крепчайшего бурбона — пожертвования людей, которые не употребляли виски. Сэм налил в стакан на три пальца, выпил, крякнул и поставил бутылку на место. Его горло горело. Не лучший способ начинать день, но ему надо было окончательно прогнать остатки ночного кошмара.

Он прошел из спальни в свой кабинет, оборудованный подобно капитанской рубке корабля. Откинув плетеную из бамбука циновку, он открыл окно, и холодный ветер снова ударил ему

в лицо. И тут он вспомнил о Ливи — как помнил о ней каждый час и каждое мгновение, когда не был занят делами.

На глазах Сэма выступили слезы. Что вызвало их — резкий порыв ветра или сверлившее мозг воспоминание? В этом мире таинственных событий и сложных, неведомых сил, причиной слез могло быть и то и другое — как, впрочем, и многие иные мысли и воспоминания, таившиеся в его памяти.

Сэм приблизил лицо к окну. В двух сотнях ярдов от его дома, под сенью огромного железного дерева, стояла округлая двухкомнатная хижина с конической крышей. Внутри нее, в спальне, лежала на кровати Оливия Клеменс — его жена, его экс-супруга, и рядом с ней — долговязый, носатый Савиньен де Сирано де Бержерак, дуэлянт, бретер, вольнодумец, поэт.

— Ливи, как ты могла? — прошептал Сэм. — Как ты могла разбить мое сердце?

С тех пор, как она пришла сюда вместе с де Бержераком, прошел год. Он испытал тогда страшное потрясение — более сильное, чем когда-либо за всю его семидесятичетырехлетнюю жизнь на Земле и два десятка лет на этой планете. Но он скрыл это. Или, вернее, попытался бы скрыть,

если бы не получил еще один шок, не менее сильный. Конечно, он не думал, что Ливи сможет прожить двадцать один год в мире Реки без мужчины. Она снова была молодой и прекрасной, беззащитной и желанной для многих. И у нее не оставалось надежды когда-нибудь снова встретиться с ним. Он сам за это время имел полдюжины подружек и не ожидал, что она станет хранить ему верность. Но он полагал, что Ливи бросит любого своего приятеля, как обезьяна выбрасывает потертый пенни, как только встретит его.

Но этого не произошло. Она любила де Бержерака.

Он видел ее почти каждый день — с тех пор, как однажды ночью она вынырнула из речных туманов. Они сдержанно беседовали и иногда, почти разорвав покров отчужденности, даже шутили и смеялись — как будто они снова были на Земле, снова были вместе. Их глаза встретились, и, казалось, старая любовь незримой нитью соединяла их сердца. Воспламененный, он делал шаг к ней — и она мгновенно отступала прочь.

Каждую ночь она проводила с этим смуглолицым долговязым французом. И Сэм знал, что тот мог привлечь женщину, подобную Ливи.

Яркий, энергичный, остроумный, отважный... И, наверняка, достаточно опытный в обхождении со слабым полом...

Сэм представил их лежащими в одной постели и содрогнулся. Нехорошо. Этого нельзя делать...

Иногда он приводил в свой дом женщин — приводил тайно, хотя не имел причин скрывать это. Но в их объятиях он не мог забыть Ливи. Даже когда он опьянялся Жвачкой, он не мог забыть ее. Несмотря ни на что, ее образ плыл в одурманенном наркотиком океане его сознания, еще сильнее раздувая ураган желания. Добрый корабль по имени «Ливи», стройный, с округлым корпусом и снежно-белыми парусами...

И он слышал ее смех, ее очаровательный зовущий смех... Тяжелее всего было вынести это...

Он отошел от окна и заметался взад и вперед по комнате. Потом резко остановился около иллюминаторов в передней стене, через которые открывался вид на Реку. Здесь находился корабельный штурвал, большое рулевое колесо, вырезанное им из дуба. Эта комната была его капитанской рубкой; за ней располагались еще две — спальня и помещение, в котором жил Джо. Здание при постройке врезали прямо в склон холма, ближний к берегу Реки. Его переднюю

часть, в которой находилась рубка-кабинет, поддерживали тридцатифутовые стояки из дубовых стволов. Сюда можно было попасть по лестнице — или, пользуясь морской терминологией, по трапу с правого борта. С задней стороны в доме имелся еще один вход, располагавшийся около вершины холма. На крыше рубки находился большой колокол — единственный металлический колокол в этом мире. Как только водяные часы в углу кабинета покажут шесть утра, он подымется наверх и ударит в колокол. И темная долина Реки немедленно наполнится жизнью.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Туман еще скрывал Реку, но он уже мог видеть грибообразные очертания огромного грейлстоуна в полутора милях и край травянистого берега. Мгновением позже он заметил небольшое судно, вынырнувшее из тумана. Две крошечные фигурки спрыгнули на берег и быстро двинулись в сторону холмов, постепенно забирая направо. Струившийся с небес свет был достаточно ярким, чтобы Сэм мог видеть их. Иногда фигурки скрывались за фабричными зданиями и, наконец, когда они свернули за корпус гончарной мастерской, Сэм окончательно потерял их из вида. Но он был уверен, что прибывшие шли к «дворцу» Джона Ланкастера.

Кораблик не мог проскользнуть незамеченным мимо пограничной стражи Пароландо. Через каждые четверть мили на берегу Реки возвышалась тридцатифутовая вышка с четырьмя охранниками. Если они замечали что-либо подозрительное, то били в барабаны и подавали сигналы пылающими факелами.

Два человека, выскользнувшие из тумана, несли новости Джону Ланкастеру, экс-королю

Англии.

Пятьюдесятью минутами позже Сэм увидел тень, возникшую из сумрака около его дома. Тихо звякнул колокольчик, подвешенный над дверью. Сэм прижался лицом к прохладному стеклу иллюминатора. Перед ним маячила бледная физиономия его собственного шпиона, Вильяма Грейвела, в прошлом — крупного торговца шерстью, гражданина славного города Лондона, умершего в 1401 году от рождества Христова. В долине Реки не было овец и никаких других млекопитающих, кроме людей. Но бывший купец проявил большие способности к шпионажу. Он мог всю ночь шататься по берегу, скрываясь в густом тумане.

Сэм кивнул ему и открыл толстую дубовую дверь; шпион проворно взбежал по трапу.

Внимательно посмотрев на него, Сэм произнес на эсперанто:

— Салуто, лейтенанто Грейвел. Кьо эстас? — что в переводе означало: — Здравствуйте, лейтенант Грейвел. Что случилось?

Грейвел сказал:

— Бона матено, Эстро. Ку граса фрипоно, Рего Джоно, эстас у аксептита дьо спионо (Доброе утро, Хозяин. Этот жирный негодяй, король Джон,

только что принял двух шпионов).

Сэм и Грейвел никогда не могли понять друг друга на английском; но они отлично общались на эсперанто.

Усмехаясь, Сэм слушал рассказ шпиона. Билл Грейвел забрался на огромное железное дерево рядом с дворцом Джона, прополз по ветви прямо над часовыми и по веревке спустился на крышу двухэтажного здания. Затем через окно он попал в спальню и, миновав ее, затаился наверху лестницы, которая вела на первый этаж. Джон и его шпионы, итальянец из двадцатого века и венгр из шестнадцатого, сидели за столом прямо под Грейвелом. Разведчики докладывали о своем путешествии вверх по Реке. Джон, судя по его виду, был очень расстроен.

Выслушав донесение Грейвела, Сэм тоже расстроился.

— Он подсылал убийц к Артуру из Новой Британии, — мрачно пробормотал Сэм. — Что он делает? Он хочет погубить нас всех?

Сэм забегал взад и вперед по комнате, остановился, зажег большую сигару и снова начал мерять крупными шагами свою рубку. Наконец он прекратил безостановочное движение и предложил Грейвелу стакан виски.

Была ли в этом ирония Случая, или так специально устроили этики, но король Джон Английский и его племянник, которого он зверски убил на Земле, оказались в долине Реки на расстоянии трех десятков миль друг от друга. Артур, принц Британский, собрал людей, среди которых он очнулся, и основал государство, которое он назвал Новой Британией. Среди населения этого крохотного княжества, занимавшего десять миль речного побережья, было очень мало британцев. Для Артура, однако, это не имело значения. Ему нужна была Новая Британия — и он создал ее.

Восемь месяцев назад Артур выяснил, кто является одним из его ближайших соседей. Он совершил тайное путешествие в

Пароландо, чтобы убедиться в этом собственными глазами. Да, это был его дядюшка, который на Земле перерезал ему горло и бросил его тело в Сену. Артур пожелал захватить Джона; чтобы держать его живым под непрерывной мучительной пыткой. Убийство Джона не входило в планы принца, так как в подобном случае дядюшка оказывался недосягаемым для мести. Скорее всего, он пробудился бы к новой жизни где-нибудь за тысячи миль вверх или вниз по Реке.

Через своих эмиссаров Артур потребовал вы-

дать ему Джона; в противном случае он угрожал Пароландо войной. Это требование было, конечно, отклонено, хотя в душе Сэм готов был с ним согласиться. Его удержали гордость и страх перед возможной междоусобицей в стране.

Теперь Джон послал четырех человек с заданием убить Артура. Двое из них погибли; остальным, легко раненным, удалось бежать. Их миссия не увенчалась успехом, и это означало, что вторжение неизбежно. Артур не только хотел отомстить Джону — он также жаждал захватить в свои руки железные копи.

Четырнадцатимильную полосу по правому берегу Реки между Пароландо и Новой Британией занимала Земля Чернского. Выходец из шестнадцатого века, украинский кавалерийский полковник Чернский отказался вступить в союз с Артуром. Страна, расположенная севернее Новой Британии, была известна как Княжество Иэясу. Этот японец являлся исключительно важной персоной — в 1600 году он основал сёгунат Токугава со столицей в городе Эдо, названном позднее Токио. Шпионы Сэма доносили, что Артур и Иэясу неоднократно совещались относительно совместного военного похода.

На север от Княжества Иэясу, выше по Реке,

располагалась Клеомена. Этой микроскопической страной управлял Клеомен, царь Спарты, родич знаменитого Леонида, оборонявшего от персов Фермопилы. Клеомен трижды встречался с Артуром и Иэясу за последние полгода.

Южнее Пароландо на одиннадцать миль простиралась Публия. Ее правитель, Публий Красс, был кавалерийским офицером в войсках Цезаря и участвовал в галльских кампаниях. Он был дружелюбно настроен к Пароландо, хотя драл с Сэма большие цены за свой строевой лес.

На юге от Публии располагалась Тайфана, в которой властвовал Тай Фанг, один из военачальников Кублайхана. На Земле он сломал себе шею, пьяным свалившись с коня.

И далее, за Тайфаной, находился Соул Сити, возглавляемый Элвудом Хаскингом и Милтоном Файбрасом. Источник ценного сырья и вечных проблем.

Сэм отбросил сигару и пристально посмотрел на Грейвела; его глаза сверкнули из-под густых, нависших бровей.

— Черт побери, Билл, тут я немного могу сделать. Предположим, я скажу Джону, что знаю о его попытке подослать убийц к Артуру; по правде говоря, этот ублюдок заслуживает, чтобы его при-

кончили. Но тогда Джон поймет, что в его доме у меня есть свои глаза и уши. Он будет все отрицать и, конечно, потребует, чтобы я представил свидетелей. Сами понимаете, что произойдет, если я укажу на вас...

Грейвел побледнел.

Сэм сказал:

— Я не хочу начинать с вас эпоху кровавых междоусобиц в стране. Нет. Все, что мы можем сделать, — спокойно и бдительно наблюдать за развитием событий. Но мне трудно сохранять спокойствие. Этот средневековой монстр — самый большой подлец из всех, кого я встречал в своей жизни. Если бы вы представляли себе огромный круг моих знакомств на Земле — включая издателей и журналистов — вы могли бы по достоинству оценить это мое утверждение.

— Из Джона получился бы превосходный сборщик налогов, — сказал Грейвел, демонстрируя всю глубину своего отвращения.

— В черный день заключил я с ним союз, — прошептал Сэм, прикуривая новую сигару.

Он выразил благодарность Грейвелу и отпустил его. Небо над вершинами гор за Рекой уже порозовело. Скоро, вместе с восходом солнца, над равниной прозвучит знакомый рев грейл-

стоунов.

Он ополоснул лицо и пригладил свои рыжеватые волосы. Затем набросил на плечи покрывало с вырезом для головы, спадавшее вниз подобно тунике. Этот наряд завершил кожаный ремень, на котором висели четыре ножа в ножнах и объемистая сумка. В одну руку он взял чашу, в другую — дубовую трость, окованную железом.

Он сошел вниз по ступеням. Трава была еще мокрой. Каждую ночь, в три часа, шел дождь. Он продолжался около получаса, и, пока не вставало солнце, долина оставалась сырой. Если бы не полное отсутствие болезнетворных микроорганизмов в этом мире, половина обитателей долины уже давно скончалась бы от пневмонии.

Сэм снова был молод и силен, но он по-прежнему не любил пешей ходьбы. Шагая по влажной траве, он размышлял о строительстве железной дороги от своего дома до берега Реки.

Пожалуй, игра не стоила свеч. Лучше сконструировать автомобиль, который работал бы на древесном спирте.

Показавшиеся навстречу люди приветствовали его; он отвечал кратким «Салуто!» или «Бона матено!» В конце недолгого пути он передал свою чашу человеку, стоявшему на вершине

гранитной, грибообразной формы скалы. Около шестисот серых цилиндров были размещены в углублениях, затем люди удалились на почтительное расстояние. Спустя пятнадцать минут раздался вибрирующий рев, эхом раскатившийся над равниной и горами. Голубое пламя высотой в двадцать пять футов взметнулось над поверхностью грейлстоуна и опало вниз. Назначенные на этот день дежурные поднялись на скалу и начали раздавать чаши.

Сэм прихватил свой цилиндр и отправился домой. На этот раз он размышлял о том, почему бы ему не назначить специального человека, который носил бы его чашу на зарядку. Однако в этом мире человек настолько зависел от своей чаши, что предпочитал не выпускать ее из рук.

Вернувшись домой, Сэм открыл крышку чаши. Внутри, в шести цилиндрических контейнерах, соединенных наподобие судков, находился завтрак и различные пищевые продукты.

В дно чаши был вмонтирован конвертер, преобразующий энергию в материю и запрограммированный на определенное меню. Этим утром Сэм получил яичницу с беконом, тосты с маслом и джемом, стакан молока, ломтик дыни, десять сигарет, палочку марихуаны, кубик Жвачки, си-

гару и чашку некой восхитительной жидкости.

Сэм присел к столу, намереваясь позавтракать, но аппетит его был испорчен. Бросив взгляд через окно, он увидел юношу, стоявшего на коленях перед его домом. Человек молился; его глаза были закрыты, ладони прижаты к груди, висящая на шнурке спиральная кость покачивалась на шее, светлые волосы падали на шею.

Это был Герман Геринг.

Сэм вскочил, свирепо пнул ногой стул и, передвинув еду на другой конец стола, уселся спиной к окну. Если существовало что-либо, выводящее Сэма из терпения, то это — раскаявшиеся грешники. А бывший маршал авиации Герман Геринг много грешил в своей земной жизни. Теперь он предавался постоянному покаянию.

Если бы не Великая Хартия, которую Сэм составил собственноручно (повторяя земную историю, король Джон протестовал против этого документа), он давно бы выгнал Геринга и его последователей из страны. Но Хартия, являвшаяся конституцией Пароландо, наиболее демократической конституцией за всю историю человечества, провозглашала всеобщую религиозную терпимость и полную свободу слова. Почти полную, разумеется — тут существовали

некоторые ограничения. Таким образом, его собственное творение не позволяло Сэму прекратить миссионерскую деятельность приверженцев Церкви Второго Шанса.

Если речи Геринга смогут привлечь многих на сторону его доктрины непротивления злу, Сэм Клеменс никогда не сможет завершить строительство своего Корабля, Геринг сделал из Корабля символ зла; он говорил, что Корабль олицетворяет человеческую суетность, алчность, стремление к насилию и противодействует намерениям Создателя, воскресившего род человеческий на этой планете.

Человек не должен строить корабли. Он должен заниматься совершенствованием своей души. Все, в чем теперь нуждается человек, — это крыша над головой для защиты от дождей. Создатель дал ему пищу и питье, ничего не требуя взамен — не требуя даже благодарности. Человек теперь имеет время для благочестивых размышлений и самосовершенствования. Но он не должен стремиться к власти над другими людьми, не должен совершать насилия над их любовью, привязанностью и прочими чувствами. Он должен уважать других так же, как и себя. Он должен... он должен...

Сэм встряхнул головой, как будто нудная речь миссионера продолжала назойливо лезть в уши. Геринг проповедовал прекрасные идеи, которые Сэм вполне разделял. Но Геринг мог причинить огромный вред. Из его доктрин вытекало, что путем облизывания башмаков неведомых созданий, поместивших их сюда, род человеческий придет к некой Утопии и полному спасению души. В чем Сэм сильно сомневался. Все это — воскрешения, отсутствие болезней и смерти, обильная пища, питье, освобождение от тяжелой работы — все было иллюзией с целью зачаровать людей и завести их... куда? Сэм не знал этого. Но Таинственный Пришелец сказал, что человечество втянуто в жестокий обман — еще более жестокий, чем первая жизнь на Земле. Людей воскресили и поместили на планету Реки как материал для чудовищных научных исследований. И когда эксперимент будет завершен, человека безжалостно выбросят во мрак неизвестности. Снова обман.

Но какую цель преследовал Пришелец, говоря о некоторых избранных людях? Почему он отобрал так немного помощников, способных оказать поддержку в борьбе с его собственной расой? Кем он был на самом деле? Возможно, он лгал Сэму, Сирано, Одиссею — и другим избранным,

которых Сэм пока не встретил?

Сэм Клеменс этого не знал. Здесь он был погружен в такую же Великую Тьму неведения, как и на Земле. Но он знал одно — он хотел построить свой Корабль.

Туман над Рекой рассеялся, завтрак был окончен. Сэм взглянул на водяные часы и ударил в колокол. В ответ раздались трубные звуки деревянных горнов, которыми десятники созывали свои рабочие команды. Эти горны звучали на протяжении всех десяти миль вдоль Реки, входивших в территорию государства Пароландо. Затем гулко ударили барабаны, и рабочий день Пароландо начался.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В Пароландо было около тысячи специалистов и квалифицированных рабочих, не считая прочего населения, но Корабль мог принять на борт только сто двадцать человек. Двадцать из них уже были известны — Джо Миллер, Лотар фон Ритгофен, Ван Бум, де Бержерак, три инженера, король Джон, Сэм Клеменс, а также их ближайшие помощники и охрана. Остальной экипаж предполагалось отобрать за несколько дней до отплытия с помощью жеребьевки.

По словам Пришельца, «Ненаемному» предстоит совершить путешествие в пять миллионов миль. Проходя в сутки около 335 миль, Корабль достигнет верховьев Реки за сорок один год. Это, однако, было наиболее оптимистической оценкой. Для команды необходим регулярный отдых на твердой земле, сбор продовольствия также потребует времени. Возможно, придется ремонтировать Корабль — хотя для этого Сэм предполагал взять с собой много запасных частей. Ничего нельзя было забыть. Корабль не сможет вернуться в Пароландо с половины пути и вряд ли где-нибудь еще тут найдется железо.

Сэму странно было думать о том, что к концу пути ему исполнится около ста сорока лет. Но что это значило, когда впереди его ожидали тысячи лет молодости?

Он выглянул через иллюминатор своей рубки. Равнину заполняли люди, двигающиеся от холмов к фабрикам прибрежной полосы. Сэм знал, что позади его дома не меньшее количество рабочих устремилось к фабрикам, расположенным на холмах. Целая армия трудилась на северо-западе на строительстве большой дамбы у подножия гор, между двумя холмами. Дамба возводилась на пути ручья, текущего с вершины горы. Когда озеро за дамбой заполнится водой, инженеры Пароландо установят электрические генераторы, которые дадут ток для фабрик и заводов.

В настоящее время необходимую электрическую энергию получали от грейлстоуна. Огромный трансформатор брал энергию три раза в день и посылал ее по алюминиевым проводам в аккумулятор-батакайтор. Батакайтор был изобретен в конце двадцатого века. Этот аппарат мог принимать сотни киловатт в сотые доли микросекунды и мог высвобождать ее с любой скоростью — от десятков ватт до ста киловатт. Построенный аппарат являлся прототипом того батакайтора,

который станет приводить в движение машины «Ненаемного». Пока что электрическую энергию потреблял, в основном, сделанный Ван Бумом станок для резки глыб метеоритного железа. Энергия также могла использоваться для плавления металла. Алюминий для проводов и батакайтора был получен в небольшом количестве из алюминиевого силиката, найденного в Пароландо у подножия гор. Но это месторождение быстро иссякло; единственным доступным источником алюминия оставались бокситы Соул Сити.

Сэм сел за свою конторку, выдвинул ящик и достал огромную книгу, переплетенную в кожу; ее страницы были сделаны из толстой бумаги, полученной из стволов бамбука. В этот дневник он заносил все события, день за днем, дополняя их своими размышлениями. Пока что он использовал для записей бумагу и чернила, но со временем, когда электроника в Пароландо станет достаточно развитой, Ван Бум обещал сделать ему диктофон.

Сэм не успел приступить к работе, как частая дробь барабанов прокатилась над долиной. Гулкие удары большого барабана обозначили тире, звонкое сопрано маленького — точки. Для передачи сообщений использовалась азбука Морзе;

общепринятым языком являлся эсперанто.

Сэм прислушался. Через несколько минут фон Ритгофен причалит к берегу.

Он встал и посмотрел на Реку. На расстоянии полумили по Реке скользил небольшой бамбуковый катамаран, на котором Лотар фон Ритгофен отплыл десять дней назад с посольской миссией в Соул Сити. Сэм бросил взгляд на дворец короля Джона. В его воротах появилась плотная квадратная фигура с рыжеватыми волосами, окруженная телохранителями и приживалами. Король Джон хотел быть уверенным, что фон Ритгофен не передаст Клеменсу какого-либо секретного послания от Элвуда Хаскинга.

Экс-монарх Англии облачился в похожую на пончо тунику с красными и черными клетками и башмаки из кожи речного дракона. Его объемистую талию охватывал широкий кожаный пояс с ножнами для кинжалов, короткого меча и петлей для боевого топора. В руке он держал стальной жезл, символ своей королевской власти.

Сопровождаемый свитой, Джон двинулся по тропинке, огибавшей длинное низкое фабричное здание. Спустя несколько минут он подошел к жилищу Сэма. Один из королевских телохранителей, здоровенный детина по имени Шарки,

дернул за веревку; раздалось звяканье колокольчика, висевшего над дверью дома.

Сэм высунулся в окно и крикнул:

— Подымайся на борт, Джон!

Джон посмотрел на него своими бледными голубыми глазами и жестом велел Шарки идти вперед. Джон опасался убийц и имел для этого основательные причины. Кроме того, он считал унижением собственного достоинства необходимость посещать Сэма. Однако он знал, что фон Ритгофен вначале доложит Сэму результаты своей миссии.

Шарки поднялся по лестнице, тщательно осмотрел «капитанскую рубку» и отправился инспектировать остальные комнаты. Сэм услышал низкий рев, подобный рычанию льва, раздавшийся из спальни Джо. Шарки поспешно вернулся обратно, осторожно прикрыв за собой дверь. Сэм иронически усмехнулся и сказал:

— Джо немного нездоровится, но даже сейчас он может справиться с десятком призовых борцов.

Шарки не ответил. Подойдя к окну, он подал Джону сигнал, что в доме все в порядке.

Катамаран подошел к берегу, и фон Ритгофен, держа в одной руке посольской жезл и чашу — в другой, прыгнул на причал. Через южный

иллюминатор Сэм разглядел долговязую фигуру Бержерака, который во главе вооруженного отряда направлялся к южной стене. Ливи не было видно.

Хлопнула дверь, и в комнату вошел Джон. Сэм сказал:

— Бона матено, Джоно!

Джона раздражало, что Сэм наотрез отказался титуловать его как Виа Per Мосто — Ваше Величество. Конституционным обращением к правителям Пароландо являлось Ла Консуло — Консул, но и этот титул не часто срывался с губ Сэма. Сэм настаивал, чтобы граждане называли его Ла Эстро — Босс, Хозяин — что сердило Джона еще больше.

В ответ на приветствие Сэма, экс-король хрюкнул что-то неразборчивое и уселся за стол. Второй телохранитель, Закскромб, поднес огонь к огромной коричневой сигаре, зажатой в зубах

Джона. Этот темнолицый протомонгол с массивными костями и чудовищными мускулами, жил около тридцати тысяч лет до новой эры в Сибири. Зак, как его называли, считался сильнейшим человеком в Пароландо — исключая Джо Миллера. Правда, можно было бы отметить, что Джо не был человеком — или, по крайней мере,

не относился к роду Гомо Сапиенс.

Сэм предпочел, чтобы Джо был рядом с ним. Этот Зак действовал ему на нервы. Но Джо дремал, одурманенный Жвачкой Сновидений. Два дня назад его задела каменная глыба, выскользнувшая из захватов подъемного крана, когда Джо проходил мимо. Машинист клялся, что это была случайность, но подозрения не оставляли Сэма. Его верный Джо мешал кому-то и нетрудно было догадаться — кому.

Сэм выпустил клуб дыма из своей сигары и спросил:

— Слышно что-нибудь новенькое о твоем племяннике?

Джон не шевельнулся, но его глаза слегка расширились. Он

бросил взгляд на Сэма, восседавшего на другом конце стола, и пробурчал:

— Нет, откуда?

— Я только спросил. Думаю, нам следовало бы договориться с Артуром. Не вижу причин, почему вы должны пытаться убить друг друга. Мы не на Земле, ты знаешь это. Почему вы не можете забыть старую вражду? Что с того, что когда-то ты бросил его труп в реку в грязном мешке? Пусть прошлое останется в прошлом. Мы могли бы ис-

пользовать его лес и известняк, месторождение которого находится в Новой Британии. Думаю, он пойдет на это.

Джон снова бросил быстрый взгляд на Сэма, быстро спрятал глаза и улыбнулся. Хитрый Джон, подумал Сэм. Скользкий Джон. Подлый Джон.

— За поставки дерева и известняка нам придется платить стальным оружием, — сказал Джон. — Я не позволю моему дорогому племяннику получить в свои руки большое количество железа.

— И все же мне хотелось бы пригласить Артура на мирную конференцию. Полагаю, что после обсуждения с тобой я мог бы...

Джон замер, его глаза забегали.

— ...Мог бы поставить этот вопрос на голосование в Совете.

Джон оттаял, насмешливая улыбка скользнула по его губам.

«Ты полагаешь, что находишься в безопасности», — подумал

Сэм. — «Ты заполучил Педро Анзареца и Фредерика Рольфа на свою сторону, и теперь соотношение голосов в Совете пять к трем в твою пользу...»

Он снова подумал о необходимости приостановить действие Хартии, чтобы сделать то, что

должно быть сделано. Но это означало гражданскую войну и, вполне возможно, конец его мечты.

Он прохаживался взад и вперед по комнате, почти не слушая Джона, который детально описывал свое последнее рандеву с очередной блондинкой. В Пароландо любая женщина, которая связалась с Джоном, могла винить в этом только себя. Тем не менее, бывший король не испытывал недостатка в любовницах.

Колокольчик над дверью снова звякнул, и Лотар фон Ритгофен вошел в комнату. Длинные белокурые волосы, падавшие на плечи, и мужественные черты красивого лица придавали его облику что-то славянское. Сэм много раз ловил себя на мысли, что фон Ритгофен и Геринг внешне были похожи. Они хорошо знали друг друга, так как во время Первой мировой войны служили под командой барона Манфреда фон Ритгофена, старшего брата Лотара.

— Плохие новости? — спросил Сэм.

Лотар опрокинул стакан бурбона, который протянул ему Сэм, и сказал:

— Синьор Хаскинг только что закончил строительство укреплений. Теперь Соул Сити со всех сторон окружают стены двенадцатифутовой вы-

соты и десять футов толщины. Хаскинг скверно принял меня, очень скверно. Он называл меня офейо и хонки[3] — я не знаю смысла этих слов и не рискнул спросить у него объяснения.

— Офейо, возможно, происходит от английского офел[4], — сказал Сэм, — но я никогда не слышал второго слова. Хонки?

— Вы услышите эти слова много раз в будущем, — сказал Лотар, — если будете иметь дело с Хаскингом. А иметь дело придется. После потока оскорблений, касающихся моих нацистских предков, Хаскинг соизволил перейти к делу. Вы знаете, я ничего не слышал о нацизме на Земле, так как разбился со своим самолетом в 1922 году. Хаскинг казался очень сердитым — может быть, потому, что я спокойно отнесся к его словам. Однако суть его речи была вполне ясной — в любой момент он может отрезать нас от месторождения бокситов.

В глазах у Сэма потемнело, он навалился грудью на край стола. Фон Ритгофен продолжал:

— Кажется, Хаскинг не достиг больших успехов при наведении порядка в своем государстве. Его

---

[3] Примечания: 3
Пренебрежительное: белый (человек); жаргон.

[4] Примечания: 4
Падаль, отбросы.

население состоит на четверть из чернокожих Гарлема, умерших между 1960 и 1980 годами, и на одну восьмую из дагомейских негров восемнадцатого века.

Четверть жителей страны являются арабами четырнадцатого столетия из секты Ваххабитов. Эти фанатики истово верят в Мухаммеда и считают, что их пребывание тут — не более чем некий испытательный срок перед вечным блаженством в мусульманском раю. Еще одну четверть населения составляют дравиды тринадцатого века, чернокожие индийцы. Все прочие — люди из разных времен и разных стран. Около половины из них родились в двадцатом веке.

Сэм кивнул. Хотя воскрешенное человечество включало всех людей, начиная от 2 000 000 года до новой эры и по 2008 год после рождества Христова, не менее одной четверти жителей долины появились на свет в двадцатом столетии.

— Хаскинг хочет, чтобы население Соул Сити было полностью черным. По его словам, во время жизни на Земле он верил в возможность интеграции. Современное ему молодое поколение белых почти освободилось от предрассудков своих предков, и он надеялся на мирное разрешение расовых конфликтов. Но в его стране очень немного

его белых современников. И эти фанатики-арабы сводят его с ума. Известно ли вам, что Хаскинг стал мусульманином еще на Земле? Сначала он примкнул к организации Черных Мусульман — этой доморощенной американской разновидности мусульманства. Затем он стал настоящим мусульманином, совершил паломничество в Мекку и был совершенно уверен, что арабы (даже если считать их белыми) не являются расистами.

— Действительно, эти арабы — ваххабиты — не расисты. Они всего лишь религиозные фанатики и доставляют слишком много хлопот. Хаскинг не говорил мне этого, но я был там десять дней и видел достаточно. Ваххабиты хотят, чтобы Соул Сити исповедовал их ветвь мусульманства. И если они не добьются этого мирным путем, то они устроят кровавую резню. Хаскинг мечтает избавиться от ваххабитов и, заодно, от дравидов, которые считают себя выше людей африканской расы. Таким образом, Хаскинг продолжит поставку бокситов, если мы пошлем ему всех наших чернокожих граждан в обмен на его ваххабитов и дравидов. Плюс увеличение поставок стального оружия.

Сэм застонал. Король Джон демонстративно сплюнул на пол. Это окончательно вывело Сэма

из равновесия.

— Мердо, Джоно! — закричал он. -- Я не позволю плевать на мой пол даже наследнику Плантагенетов! Пользуйся плевательницей или убирайся вон!

Джон побагровел от ярости, и Сэм постарался успокоиться. Время было неподходящим для ссор. Тщеславный экс-монарх мог смертельно обидеться из-за этого конфликта, который был, в сущности, пустяком. Сэм сделал примиряющий жест и сказал:

— Забудь об этом, Джон. Плюй куда захочешь. — Он, однако, не мог удержаться, чтобы не добавить: — Конечно, при условии, что я тоже буду обладать привилегией плевать в твоем доме.

Джон прорычал что-то нечленораздельное и сунул в рот плитку шоколада. Своим тоном он хотел показать, что очень рассердился, но, учитывая важность предстоящего обсуждения, сохраняет полное самообладание.

— Эта тварь, Хаскинг, позволяет себе слишком много. Я говорю — мы слишком долго лизали его черные лапы. Его требования замедлят строительство судна...

— Корабля, Джон, — сказал Сэм. — Это Корабль, а не судно.

— Корабля, пусть будет так. Я говорю — давайте захватим Соул Сити, перебьем людей Хаскинга и заберем себе копи. Тогда мы сможем делать алюминий прямо там, на месте. И мы можем там же строить Корабль. А чтобы иметь уверенность, что нам никто не помешает, мы захватим все владения между Пароландо и Соул Сити.

Пожалуй, Сэм склонялся к мысли, что этот средневековый разбойник прав. В течение месяца страна могла приготовить достаточное количество оружия, чтобы осуществить предложение Джона. Правда, Публия и Тайфана были настроены дружелюбно и регулярно снабжали древесиной фабрики и заводы Сэма. Однако вполне возможно, что оба государства стремились накопить побольше железного оружия, чтобы в неожиданный атаке разгромить Пароландо.

По-видимому, дикари, жившие за Рекой, вынашивали такие же планы.

— Я не думаю, — сказал фон Ритгофен, — что Хаскинг собирается производить обмен людьми из расчета один на один. Но он не прислушается ни к каким разумным аргументам, пока мы не пошлем на переговоры с ним черного. Он сказал, что моя посольская миссия — оскорбление для

него, потому что я — пруссак и, в придачу, барон. Но он простит нам эту обиду, если в ближайшее время мы пошлем к нему достаточно важную персону — желательно, члена Совета. Только черного.

Сигара вывалилась у Сэма изо рта.

— Но у нас нет черного советника!

— Совершенно верно. И Хаскинг сказал, что нам необходимо выбрать в Совет хотя бы одного африканца.

Джон запустил пятерню в свои рыжие волосы, его блеклые голубые глаза сверкнули.

— Этот раб думает, что он может вмешиваться в наши внутренние дела! Я говорю — война!

— Не горячись, Джон -- то есть, я хочу сказать, Ваше Величество. Согласен, тут есть причины для гнева. Однако надо смотреть правде в глаза. Мы можем прекрасно защитить свою страну, но у нас недостаточно людей, чтобы захватить обширную территорию и подчинить ее население.

— Подчинить? — вскричал Джон. — Мы прикончим половину, а остальных закуем в цепи!

— Мир сильно изменился с тех пор, как ты умер, Джон. Как признано, существуют более эффективные способы порабощения ближних, кроме кровавой резни. Я, однако, не хочу глубоко

вдаваться в этот вопрос. Полагаю, мы выберем — или назначим — временного члена Совета. И потом пошлем его к Хаскингу.

— Но в Хартии нет положения, по которому можно было бы избрать временного члена Совета, — сказал Лотар.

— Мы изменим Хартию, — ответил Сэм.

— Для этого необходимо созвать народное собрание.

Джон фыркнул с отвращением. В свое время он и Сэм Клеменс вели длительные споры относительно прав народа.

— Есть еще одно дело, — сказал Лотар, усмехаясь, но со скрытым раздражением в голосе. — Хаскинг просит, чтобы мы разрешили Файбрасу посетить Пароландо. Файбрас особенно интересуется нашим самолетом.

Джон взорвался снова:

— Он хочет послать к нам шпиона!

— Не думаю, — сказал Сэм. — Файбрас возглавляет штаб Хаскинга. Он инженер и, если не ошибаюсь, имеет степень доктора физики. Как вы нашли его, Лотар?

— Он произвел на меня большое впечатление, — ответил фон Ритгофен. — Он родился в 1974, в Сиракузах, штат Нью-Йорк. Его отец был черным,

а мать — наполовину ирландка, наполовину индианка. Он был во второй партии, высадившейся на Марс, и первым достиг орбиты Юпитера...

Холодок пробежал по спине Сэма. Люди сумели это сделать, подумал он. Они высадились на Луне и достигли Марса... Жюль Верн и Уэллс были правы! Фантастично — но не более фантастично, чем этот мир.

— Мы рассмотрим этот вопрос сегодня на Совете, Джон, — сказал Сэм. — Если, конечно ты не возражаешь. Мы проведем выборы еще одного, временного советника. Что касается меня, то я отдаю свой голос Айзи Каберу.

— Был ли Кабер рабом или нет? — спросил Лотар. — Я не знаю этого. Хаскинг сказал, чтобы мы не вздумали прислать к нему кого-нибудь вроде дядюшки Тома.

«Ставший однажды рабом остается рабом навсегда», — подумал Сэм. — «Даже когда раб восстает, убивает или гибнет сам — в знак протеста против рабства — он все равно не думат о себе как о свободном человеке. Он был рожден и воспитан в мире, пропитанном гнилым духом рабства, и каждая его мысль, каждое движение несут неистребимый отпечаток рабства. Кабер родился в 1841 в Монтгомери, Алабама, он научился читать

и писать, он служил секретарем в доме своего хозяина и убил его сына в 1863, он бежал на Запад и стал ковбоем, а потом — шахтером. Он погиб от копья индейца сиу в 1876; бывший раб был убит человеком, который не желал становиться рабом. Кабер в восторге от этого мира, потому что здесь никто не пытается снова обратить его в рабство. Но он раб — раб в собственном сознании, в реакциях своих нервов. Хотя он высоко держит свою голову, при свисте хлыста он покорно склонит ее — раньше, чем он поймет, что делает...»

Зачем, для чего человек снова возвращен к жизни? Души людей, мужчин и женщин, несут неизгладимую печать их прежнего земного бытия, и этот тягостный груз нельзя снять — никогда и ничем. Сторонники Церкви Второго Шанса заявляли, что человек может измениться — измениться полностью. Но они были всего лишь группой мечтателей, одурманенных Жвачкой Сновидений.

— Если Хаскинг назовет Кабера дядюшкой Томом, Кабер убьет его, — сказал Сэм. — Я считаю, что мы должны послать Кабера.

Джон кивнул головой. Хитрая усмешка скользнула по его губам. Сэм бросил взгляд на водяные часы.

— Наступило время инспекционного обхода. Прошу извинить меня, Джон, я буду готов через несколько минут, — Сэм уселся около своей конторки, чтобы закончить записи в дневнике.

Это дало возможность Джону первым выйти из дома, как подобало бывшему королю Англии и доброй части Франции.

Сэм догнал группу, включающую Джона и шестерых членов Совета, около химической фабрики. Они постарались как можно быстрее миновать фабричную территорию. Даже гиена извергла бы свой завтрак, вдохнув сложную смесь запахов от азотной и серной кислот, от продуктов перегонки древесины в спирт, ацетон, креозот, от чанов с формальдегидом и человеческими экскрементами. Затем советники были поджарены и оглушены на железоплавильном заводе и в кузнечных мастерских. Они покрылись белой пылью на фабрике, перерабатывающей известняк. На их волосах осели хлопья сажи от гончарных печей. На алюминиевом заводе они были снова поджарены, оглушены и осыпаны пылью.

Оружейная мастерская, расположенная на вершине холма, в данный момент не работала. Если не считать отдаленных шумов, здесь было спо-

койно. Вид, который открывался отсюда, никто не назвал бы идиллическим. Перекопанная земля, спиленные деревья, черный дым от заводов и фабрик, застилающий горы...

Ван Бум, уроженец конца двадцатого века, наполовину голландец, наполовину зулус, главный инженер Пароландо, встретил их. Это был высокий человек с темно-бронзовой кожей и курчавыми волосами. Его рост достигал шести футов трех дюймов, а вес — двухсот пятидесяти фунтов.

Он радушно приветствовал Сэма и, с холодной вежливостью, Джона, но не улыбнулся,' как обычно.

— Работа выполнена, — заявил он, — но я хотел бы высказать некоторые соображения. Эту штуку можно рассматривать как превосходную игрушку; она выглядит довольно устрашающе, способна наделать много шума и убить человека. Но в целом она излишне расточительна и неэффективна.

— Вы держите речь прямо как конгрессмен в палате представителей, — усмехнулся Сэм.

Ван Бум провел советников в высокие ворота построенного из бамбука здания мастерской. Внутри обширного помещения стояли верстаки;

на одном лежало нечто среднее между старинным ружьем и гранатометом. Ван Бум поднял оружие. Даже в его больших руках ружье казалось чудовищно огромным. Он шагнул обратно к выходу, и остальные потянулись за ним на солнце.

Световые блики заиграли на серебристо-сером металле ствола, Ван Бум провел ладонью по гладкому полированному прикладу и сказал:

— Это — ружье модели «Марк 1». Названо так потому, что сам Босс придумал его.

Сэм расцвел в улыбке.

— Это однозарядное ручное оружие с кремневым ударным механизмом, — продолжал инженер. — Посмотрите, как нужно его заряжать. Вы посылаете рукоятку затвора вперед и нажимаете на ствол вниз, — ружье переломилось в его руках подобно охотничьей двустволке. — При этом взводится ударный механизм. Затем в казенную часть ствола вставляется метательный снаряд шестидесятого калибра, сделанный из бакелита. За ним закладывается заряд черного ружейного пороха, — инженер достал из висевшей на его поясе сумки бакелитовую «пулю» величиной в палец, загнал ее в ствол и заложил завернутый в плотную бумагу пороховой заряд.

— Теперь следует поднять ствол — ружье готово к стрельбе.

Помощник Вам Бума принес большую деревянную мишень и установил ее на расстоянии двадцати ярдов. Инженер поднял ружье.

— Подойдите ближе, джентльмены, — сказал он. — При прохождении снаряда через воздух его поверхность сильно нагревается и частично выгорает; таким образом, появляется дымовой след, который вы сможете увидеть. Эффективный радиус поражения составляет около пятидесяти ярдов, но точность попадания на расстоянии более тридцати ярдов не очень хорошая.

Ван Бум нажал курок. Раздался грохот, сверкнуло пламя, и тонкий след белого дыма, стремительно прорезав воздух, уперся в центр мишени. В сосновой доске дюймовой толщины зияла большая дыра.

Инженер опустил приклад ружья на землю и сказал:

— Пластмассовый снаряд не может пробить насквозь человеческое тело. Однако от его удара образуется огромная рана. И если снаряд попадет в кость, она будет раздроблена.

В течение следующего часа советники и оба консула с удовольствием тренировались в стрель-

бе. Особенно восхищался король Джон, хотя он и испытывал благоговейный страх перед новым оружием. Раньше ему никогда не приходилось видеть ружья. Свой первый опыт в обращении с порохом он получил через несколько лет после воскрешения и ему приходилось иметь дело только с пороховыми бомбами и бамбуковыми ракетами.

Наконец, Ван Бум сказал:

— Если вы будете так усердствовать, джентльмены, вы потратите весь наш запас снарядов. Теперь я хотел бы отметить недостатки этого оружия. Во-первых, ружье эффективно только на близком расстоянии. Во-вторых, чтобы его зарядить, требуется много времени. Хороший лучник успеет поразить трех стрелков с ружьями прежде, чем они приблизятся к нему на сорок-пятьдесят ярдов.

— Не в этом дело, — возразил Сэм. — Подобное оружие необходимо, чтобы продемонстрировать соседям наше технологическое и военное превосходство. Мы напугаем до смерти половину вражеской армии еще до начала сражения. Кроме того, вы не учитываете, что подготовка хорошего лучника занимает очень много времени, тогда как любой может научиться обращаться с ру-

жьем за один-два урока.

— Совершенно верно, — сказал Ван Бум, — но удастся ли такому стрелку попасть в цель? Кроме того, я намереваюсь сделать стальные арбалеты. Обращение с ними требует не большей подготовки, чем стрельба из ружья. И они гораздо более смертоносное оружие, чем эта шумная, смердящая хлопушка.

— Нет, сэр! — воскликнул Сэм. — Нет, сэр, вы не правы! Я полагаю, что мы должны изготовить как минимум две сотни таких ружей. Мы вооружим ими новый отряд — Стрелков Пароландо. Они будут наводить ужас на всю долину Реки! Вы увидите это!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

На этот раз король Джон был на стороне Сэма. Он потребовал, чтобы два первых ружья были переданы Сэму и ему самому, а следующая дюжина — их телохранителям. После этого можно начать организацию и тренировку нового отряда Стрелков.

Сэм был благодарен за поддержку, но решил про себя, что тщательно проверит каждого человека, отбираемого в отряд. Он не хотел, чтобы в него попало слишком много преданных Джону людей.

Ван Бум не скрывал своего отвращения.

— Вот что я скажу вам! — заявил он. — Я возьму добрый лук с двенадцатью стрелами и встану в пятидесяти ярдах от вас. По сигналу вся ваша восьмерка может стрелять в меня из ружей — и гарантирую, что я уложу вас всех прежде, чем кто-нибудь попадет в меня! Согласны? Я готов прозакладывать свою жизнь!

— Не будьте ребенком, — сказал Сэм.

Ван Бум закатил глаза вверх.

— Я — ребенок? — Вы подвергаете Пароландо опасности, потому что хотите играться с этими

ружьями!

— Как только будут изготовлены две сотни ружей, вы можете заниматься любыми арбалетами и луками, какими захотите, — примирительно сказал Сэм. — Подумайте! Ведь мы способны сделать защитные стальные панцири для Стрелков! Как же я не сообразил этого раньше! Вражеские стрелы с каменными наконечниками будут отскакивать от них или ломаться!

— Вы забываете, что мы обмениваем нашу руду и даже металлические изделия на необходимое Пароландо дерево и сырье, — сказал Ван Бум. — Враги могут иметь стрелы со стальными наконечниками, которые пробьют панцирь.

— С вами трудно иметь дело, — вздохнул Сэм. — Должно быть, вы наполовину немец, а не голландец — так вы упрямы.

— Если ваш процесс мышления типичен для белого человека, тогда я рад, что являюсь наполовину зулусом, — отпарировал инженер.

— Не обижайтесь, — сказал Сэм. — И примите мои поздравления относительно ружья. Может быть, назовем его «Ван Бум — Марк 1»? Что вы на это скажете?

— Я не хочу присваивать свое имя этой хлопушке, — заявил инженер. — Так и быть, я сделаю

вам две сотни ружей. Но я хотел бы изготовить улучшенную модель — «Марк 2».

— Дайте нам вначале две сотни ружей, а потом мы займемся и «Марком 2», — сказал Сэм. — В погоне за совершенным оружием мы можем оказаться вообще без него в нужный момент. Кроме того...

Он принялся толковать о новой модели ружья. У него была страсть к механическим приспособлениям. На Земле он постоянно выдумывал подобные вещи, надеясь, что они сделают его богатым. Кроме того, там была еще типографская машина Пайга, в которой он топил — и, наконец, утопил — все свои доходы, полученные от книг.

Сэм вспомнил об этом типографском монстре, который довел его до банкротства. Затем ему в голову пришла мысль, что Пайг и Ван Бум были людьми одного сорта; это повергло его в состояние легкой паники.

Следующим поводом для недовольства Ван Бума стала их воздушная машина, аэроплан АМР-1. Не обращая внимания на раздраженного инженера, Сэм двинулся со своей свитой к ангару, расположенному на равнине в миле от его дома. Машина еще не была закончена; на первый взгляд не верилось, что она когда-нибудь сможет

летать.

— Она похожа на аэропланы, которые строились в 1910 году, — сказал фон Ритгофен. — Боюсь, что мне будет сильно дуть в поясницу, когда я усядусь в пилотское кресло. Но главное — способен ли наш двигатель на древесном спирте поднять ее в воздух?

Фон Ритгофен надеялся, что первый полет состоится через три недели. Он показал Сэму крепления для ракетных снарядов, которые предполагалось подвесить под крыльями.

— Аэроплан сможет нести шесть небольших ракет, но основное его назначение — разведка. Против ветра из этого двигателя не выжать больше сорока миль в час. Но все же, надеюсь, машина сможет летать.

Сэма огорчало, что аэроплан был одноместным. Ему хотелось подняться в воздух — первый раз в его второй жизни. Фон Ритгофен обещал, что следующая модель сможет поднять двух человек и что Сэм станет его первым пассажиром.

Обход завершился на малой верфи, расположенной на полпути между ангаром и жилищем Сэма. Окруженный подпорками из сосновых бревен, экипаж производил внушительное впечатление. «Огненный Дракон» являлся про-

тотипом судна-амфибии, предназначенного для транспортировки на большом корабле. Это была превосходная машина, сделанная из алюминия, тридцати двух футов длиной, с колесами и тремя боевыми башенками на верхней палубе. Двигатель вездехода работал на древесном спирте; он мог оперировать как на суше, так и на воде, нести команду из одиннадцати человек и был, по мнению Сэма, практически неуязвим.

Сэм погладил ладонью холодный серый корпус и сказал:

— Почему должны мы беспокоиться из-за каких-то лучников? Одна эта штука способна сокрушить целое королевство! Что можно противопоставить ее орудиям?

Как всегда, обход поднял его настроение. Правда, разработка чертежей большого корабля еще только началась. Но это — дело времени. Прежде всего необходимо, чтобы страна и его заводы были хорошо защищены. Он довольно потер руки и закурил новую сигару, выпуская клубы густого дыма.

И тут он увидел Ливи.

Его возлюбленную Ливи, тяжко болевшую много лет и, наконец, умершую в Италии в 1904 году.

Восставшую к жизни, в цвете молодости и кра-

соты... но, увы, принадлежавшую не ему.

Она приближалась к Сэму, держа в руке свою чашу, одетая в белую юбку, доходившую до середины бедер; ее грудь охватывал полупрозрачный шарф. У Ливи была прекрасная фигура и длинные стройные ноги. Ее высокий лоб отливал нежной белизной. Ее огромные глаза сияли. Ее губы были пухлыми и красиво очерченными, ее улыбка притягивала, полная тайны. Темные волосы струились по плечам и спине, за ушком алел огромный, похожий на розу цветок.

Сэм почувствовал, что его сердце забилось в груди подобно колоколу.

Плавно покачиваясь, Ливи шла к нему, ее груди подрагивали под прозрачной тканью. И это была его жена, его скромница Ливи, которая носила длинные платья, скрывающие ее тело от шеи до лодыжек! Она никогда не раздевалась перед ним при свете. Теперь же она напоминала Сэму полуобнаженных женщин Полинезии.

Ливи получила пуританское воспитание, но это не изуродовало ее. На Земле она научилась пить (ей очень нравилось пиво), даже курила одно время, и она стала неверующей — или, по крайней мере, сомневающейся. Она даже терпела его постоянную воркотню и ругань, если только

дочерей не было поблизости. Обвинения, что она подвергала строгой проверке его книги и выхолащивала их, не соответствовали действительности. Наиболее суровым цензором новых вещей был он сам.

Да, Ливи хорошо адаптировалась тут.

Даже слишком хорошо. После его двадцатилетнего отсутствия она влюбилась в Сирано де Бержерака. И, к своему смущению, Сэм чувствовал, что этот необузданный француз пробудил в ней что-то такое, что мог бы пробудить он сам, если бы постоянно не сдерживал себя. Но после долгих лет на Реке и частого употребления Жвачки Сновидений от его былой сдержанности осталось немногое.

Однако было слишком поздно.

Если бы Сирано покинул ее...

— Хелло, Сэм, — сказала она на английском. — Прекрасный день, не правда ли?

— Здесь прекрасен каждый день, — с усилием ответил он. — Если ты собираешься говорить только о погоде, то лучше оставь меня в покое!

Она очаровательно засмеялась,

— Пойдем со мной к грейлстоуну, — сказала она. — Наступает время для ленча.

Каждый день он давал себе клятву не прибли-

жаться к ней. И каждый день он искал повода очутиться вблизи нее.

— Как поживает Сирано? — спросил он.

— О, он счастлив! Наконец-то он получил свою шпагу. Билдрон, оружейник, обещал, что первый клинок сделает для него — после тебя, Сэм, и других членов Совета, разумеется. Сирано уже почти примирился с тем, что никогда снова не будет держать в руках стальной меч. Потом он услышал об этом метеорите и пошел сюда. И вот величайший фехтовальщик мира имеет шанс доказать всем, что его репутация не была преувеличенной — как ожидали некоторые неверящие.

— Ну, Ливи, — сказал он, — я не утверждал, что люди лгут относительно его репутации. Я только говорил, что они, возможно, немного перегибают палку. Я до сих пор не верю в эту историю — когда он один разогнал две сотни солдат.

— Сражение в Порт-де-Несл было правдой! И там не было двух сотен! Ты сам сочинил это, Сэм! На него напала толпа головорезов — сотня, или около того. Даже если бы их было только двадцать пять, это правда, что Сирано разогнал мерзавцев, чтобы спасти своего друга, Шевалье дел Лигнера. Он убил двоих, ранил семерых, а остальные убежали. Клянусь богом, что это правда!

— Я не хочу затевать споры о достоверности подвигов твоего мужа, — сказал Сэм. — Или по любому другому поводу. Я предпочел бы поговорить о чем-нибудь веселом; вспомни, как мы шутили и проказничали — раньше, чем ты заболела.

Она внезапно остановилась. Ее лицо стало мрачным.

— Я знаю, что ты возненавидел меня из-за этой болезни, Сэм.

— Нет, это не так, — мягко сказал он. — Полагаю, что чувствовал себя виноватым — ведь ты была больна, а я — здоров. Но я никогда не смог бы возненавидеть тебя. Если я могу кого-либо ненавидеть, то только себя самого.

— Извини, я не хотела сказать, что ты стал ненавидеть меня. Но моя болезнь была тебе в тягость, и ты показывал это многими способами. О, ты можешь сказать, что ты был благородным, и нежным, и любящим — и это действительно правда. Но иногда ты так смотрел на меня... что-то бормотал, жестикулировал — я не могу описать это! Я не могу, но я знаю, что в такие моменты ты испытывал ко мне отвращение, потому, что я была больна!

— Нет, Ливи, нет! — вскричал он так громко, что некоторые шедшие к грейлстоуну люди в

недоумении обернулись к ним.

— Что спорить об этом? Испытывал ли ты подобное чувство или нет — теперь это не имеет никакого значения. Я любила тебя тогда и, в определенном смысле, продолжаю любить и сейчас. Но совсем не так, как раньше.

В угрюмом молчании они продолжали путь. Сэм курил, но вкус сигары был подобен тлеющей гнилой капусте.

Сирано не пришел на ленч. Он был комендантом укреплений, которые охраняли побережье Реки. Сэм был рад. Ему тяжело было видеть Ливи, но его страдания удваивались, когда он видел ее с этим французом.

Они расстались в молчании.

Прекрасная юная женщина с пушистыми волосами цвета меди приблизилась к нему, и его мысли на время отвлеклись от Ливи. Эта женщина называлась Гвиневрой. Она умерла в возрасте семи лет в стране, которая в будущем стала Корнуоллом, в то время, когда финикияне приплыли туда и начали разрабатывать залежи олова. Она воскресла среди людей, которые не понимали ее древнего кельтского языка, и примкнула к группе, говорившей по-английски. Среди них, как явствовало из ее описания, был сэр Ричард

ФренсиЬ Бартон — тот самый, которого Сэм, как ему показалось, видел на берегу перед падением метеорита. Бартон вместе со своими друзьями построил небольшое парусное судно и отправился к верховьям Реки — как можно было ожидать от человека, который провел половину жизни в странствиях по диким уголкам Африки и других континентов. На Земле Бартон искал верховья Нила и, вместо этого, открыл озеро Танганьика. В этом мире он снова пустился на поиски истока Реки — величайшей из всех мыслимых рек — нисколько не устрашенный перспективой, что, возможно, ему придется одолеть десять или двадцать миллионов миль.

Спустя год после начала путешествия корабль Бартона был атакован какими-то злодеями, и один из них ранил маленькую Гвиневру в грудь каменным ножом и бросил ее в Реку, где она утонула. На следующий одень она пробудилась где-то далеко на северном побережье. Климат там был холоднее, солнечные лучи мягче, и обитавший там народ утверждал, что, проделав путь не более чем в двадцать тысяч грейлстоунов, можно было попасть в область, где солнечный диск только наполовину поднимался над гребнями гор. Там жили волосатые, обезьяноподобные

люди десяти футов роста, весившие восемь сотен фунтов. Что было абсолютной правдой, так как Джо Миллер является одним из племени этих гигантопитеков.

Люди, обитавшие в верховьях Реки, к которым попала Гвине-вра, говорили на языке суоми-кильта; на английском этот народ назывался финнами. Немного ниже их на побережье жили шведы, мирный народ двадцатого столетия. Гвиневра росла в относительном покое и довольстве, под покровительством финской четы, ставшей ее приемными родителями. Она выучила финский, шведский, английский языки, китайский диалект четвертого века и эсперанто.

В один день она снова утонула — на этот раз по чистой случайности — и оказалась здесь. Она все еще вспоминала Бартона и лелеяла детскую мечту снова встретиться с ним. Но, будучи практичной женщиной, она была готова любить других мужчин. Однако, как слышал Сэм, она хотела иметь одного преданного и верного мужа, которого было не просто найти в этом мире.

Она привлекала Сэма. Много раз он был готов просить ее поселиться в его доме. Единственное, что удерживало его от подобного шага — боязнь рассердить Ливи. Этот страх был нелепым. Ли-

ви не претендовала на него — пока она жила с Сирано. И она не раз ясно показывала, что не желает вмешиваться в его частную жизнь или общественную деятельность. Несмотря на это, вопреки всякой логике, он боялся взять другую женщину в свой дом. Он не хотел разрывать последнюю связывающую их ниточку.

Немного поболтав с Гвиневрой, он с удовольствием убедился, что девушка все еще не нашла свой идеал.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ленч был неудачным. Колесо дьявольской рулетки, скрытое где-то в днище чаши, выбрало на этот раз столь наперченное блюдо, которое вряд ли выдержал бы даже закаленный желудок индуса. Сэм выбросил пищу, но утешился двумя сигарами, пачкой сигарет и стаканчиком неизвестной, но очень аппетитной жидкости.

Последовавшее затем заседание Совета заняло три часа. После голосования было решено поставить перед народом вопрос о дополнении Хартии законом, позволяющим выбирать временного члена Совета. Джон на час задержал это решение, яростно оспаривая необходимость всенародного обсуждения этого предложения. Почему Совет не может самостоятельно принять закон, не затевая лишней волокиты? Доводы Сэма отскакивали от экс-короля как горох от стены. Это не означало, что Джон глуп или обладает недостаточно развитым интеллектом. Просто он органически не мог воспринять идею демократии.

Совет постановил также принять Файбраса как официального представителя Соул Сити. Однако следовало установить за ним тщательное

наблюдение.

Затем Джон встал и произнес пылкую речь, постоянно сбиваясь с эсперанто на франко-норманский диалект. Он полагает, что Пароландо следует осуществить вторжение в Соул Сити раньше, чем Соул Сити вторгнется в Пароландо. Вторжение необходимо начать сразу же после того, как будут готовы новые ружья и закончена постройка амфибии, «Огненного Дракона». Однако вначале следует проверить мощь их оружия и храбрость войск в Новой Британии. Его шпионы доносят, что нападение Артура на Пароландо надо ожидать со дня на день.

Два члена Совета, явные прихлебатели Джона, поддержали его, но остальные, включая Сэма, проголосовали против. Лицо Джона налилось кровью, он выругался и яростно стиснул кулаки, но никто не изменил своего решения.

После ужина дробь барабанов принесла сообщение от Хаскинга. Файбрас должен прибыть завтра, вскоре после полудня.

Сэм вернулся в свой кабинет. При свете лампы, заправленной рыбьим жиром (вскоре ее должно было заменить электричество),

он обсуждал проект большого корабля с Ван Бумом и его инженерами — Таней Величко и

Джоном Весли О'Брайеном. Они рисовали грубые эскизы на бумаге, стараясь расходовать ее экономно. Бумага все еще оставалась редкостью, и было ясно, что для рабочих чертежей корабля ее потребуется немало. Ван Бум сказал, что с чертежами придется подождать, пока они не наладят производство специального пластика. На нем можно будет рисовать магнитной «ручкой» и легко исправлять чертежи с помощью размагничивающего устройства. Сэм заметил, что это было бы прекрасно. Но он хотел приступить к строительству большого корабля сразу же, как только закончатся работы над вездеходом-амфибией. Ван Бум ответил, что не может с этим согласиться. Множество необходимых устройств и инструментов еще не готовы.

Когда совещание закончилось, Ван Бум достал из большой сумки ружье «Марк 1».

— Мы изготовили уже десять штук, — сказал инженер, протягивая оружие Сэму. — Это ваше. Я оставлю также двенадцать зарядов. Теперь вы можете спать с этой штукой под подушкой.

Сэм поблагодарил его. Инженеры вышли, и он тщательно заложил дверь массивным засовом. Затем он отправился в заднюю комнату ненадолго поболтать с Джо Миллером. Джо еще не

спал; он заявил, что не хочет принимать успокоительного этой ночью. Он чувствовал себя значительно лучше. Сэм пожелал гиганту доброй ночи и прошел к себе в спальню. Он хлебнул пару глотков бурбона и лег в кровать.

Он проснулся от грохота взрыва. Сэм вскочил с постели, обернул покрывало вокруг талии, схватил топор и побежал в кабинет. Внезапно он вспомнил про ружье, но решил, что захватит его потом, когда выяснит, что случилось.

Река еще была скрыта ночным туманом, но сотни темных фигур текли от нее, подобно приливу. Над белесыми клубами тумана торчали высокие корабельные мачты. Факелы пылали на равнине и на холмах. Тревожно грохотали барабаны.

Снова раздался взрыв. Яркое пламя разорвало ночь, высветив тела людей, летящие во всех направлениях.

Он приник к иллюминатору. Ворота в высокой бревенчатой стене, окружавшей дворец Джона, были широко раскрыты, из них потоком текли люди. Среди толпы он различил коренастую фигуру Джона.

Затем из тумана показалось множество людей, наступавших от побережья Реки. В ярком свете звезд можно было отчетливо видеть вражеские

отряды, двигавшиеся в развернутых шеренгах. Первые ряды атакующих были теперь под стенами фабрик; они неудержимо стремились через равнину к подножию холмов. Несколько взрывов раздалось внутри фабричных зданий, когда нападавшие бросили ручные бомбы, чтобы вытеснить защитников. Показались и исчезли красные языки пламени, затем что-то черное метнулось по направлению к Сэму. Он бросился на пол. Под ним раздался грохот, дом покачнулся, и оконные стекла вылетели наружу. Клубы едкого порохового дыма окутали его.

Он хотел вскочить и побежать, но не смог пошевелиться. Его мышцы оцепенели.

Огромная рука стиснула его плечо и потянула вверх. Другая рука обхватила его колени, и он почувствовал, что его несут. Руки и грудь гиганта были волосатыми и мускулистыми, как у гориллы. Гулкий голос произнес над его ухом:

— Не беспокойся, ботс.

— Отпусти меня, Джо, — сказал Сэм. — Со мной все в порядке Я просто испугался, как ни стыдно в этом признаться. Это уже прошло.

Первый шок исчез, и он почувствовал, как вакуум его сознания постепенно заполняет спокойствие и холодная решимость. Появление

гигантопитека привело его в чувство. Добрый старый Джо — он мог быть глупым и наивным, мог быть больным — но в этот момент он стоил целого батальона.

Джо надел на себя кожаный панцирь. В его руке сверкнул огромный стальной топор с двойным лезвием.

— Откуда они? — спросил великан. — Из Тоул Тсити?

— Я не знаю, — сказал Сэм.— Ты можешь сражаться? Как твоя голова?

— Это не важно. Да, я могу сражаться хорошо. Куда мы пойдем?

Сэм повел его вниз, к подножию холма, где люди собирались вокруг Джона. Он услышал, как кто-то назвал его имя и, обернувшись, увидел рослую тощую фигуру де Бержерака. Рядом с ним стояла Ливи. Она несла маленький круглый щит из дуба, обтянутый кожей, и копье со стальным наконечником. Сирано держал длинный сверкающий клинок. Глаза Сэма расширились. Это была шпага.

— Черт побери! — сказал Сирано. — Кузнец сделал эту штуку для меня вчера после ужина. У него было такое чувство, что ждать больше нельзя.

Сирано взмахнул клинком, со свистом разрезав

воздух.

Близкий взрыв заставил их броситься на землю. Сэм осторожно приподнял голову и посмотрел на свой дом. Его капитанская рубка получила прямое попадание; вся передняя стена дома была объята пламенем. Итак, его дневник погиб; свою чашу он сможет найти потом в развалинах. Чаша была несокрушима.

В следующие несколько минут туча снарядов, сверкая огненными хвостами, вылетела из деревянных базук, которые держали на плечах ракетчики Пароландо. Снаряды взорвались среди вражеских шеренг, выбросив языки пламени и густой черный дым, быстро унесенный прочь ветром.

Один за другим примчались трое посыльных. Атака началась одновременно с трех точек на побережье. Главные силы были сконцентрированы здесь — явно, чтобы захватить вождей Пароландо, большие фабрики и амфибию-вездеход. Две другие армии действовали слева и справа на расстоянии мили. В отряды нападавших входили воины Новой Британии, Клеомены, а также обитавшие на другом берегу реки дикие ульмаки. Их племена населяли Сибирь за тридцать тысяч лет до новой эры; когда-то, двигаясь на восток, они

мигрировали через Берингов пролив на Аляску и стали первыми американцами.

«Не так плохо для королевской шпионской службы», — подумал Сэм, вспоминая вчерашнюю речь Джона. — «Если только он сам не спровоцировал это нападение. Но тогда он не остался бы на эту ночь в своем дворце, там его могли прикончить одним ракетным залпом...»

Кроме того, Артур, правитель Новой Британии, никогда бы не вступил в закулисные переговоры со своим дядюшкой.

Теперь ракеты сыпались градом с обеих сторон и взрывы пятифунтовых боеголовок засыпали все вокруг каменной шрапнелью. Обороняющиеся воины Пароландо получили преимущество; они могли лечь на землю, пока их ракеты косили наступавших.

Внезапно вспышки и грохот взрывов прекратились; в наступившей тишине Сэм услышал тяжелое дыхание людей и стоны раненых. Огромная ладонь коснулась его плеча. Он бросил взгляд вокруг и увидел, что люди поспешно поднимаются на ноги. Громко закричали сержанты, равняя ряды воинов, готовящихся к рукопашной схватке. Враги были теперь так близко, что использование ракет могло нанести урон обеим сторонам.

Перед ним была темная масса яростно вопящих дьяволов. Они бежали к вершине холма; вдруг первый, второй и третий рады упали, пронзенные стрелами. Но это не остановило задание шеренги нападающих. Они перепрыгивали через мертвых и раненых соратников и продолжали атаку. Наконец, подобно бушующему валу, они затопили лучников Пароландо.

Сэм держался позади Джо Миллера, который медленно двигался вперед. Вздымалось и падало сверкающее лезвие топора великана. Потом Джо сбили вниз, и враги облепили его подобно стае шакалов, терзающих поверженного льва. Сэм попытался пробиться к нему; его топор, раздробив чей-то щит, рассек голову человека. Потом он почувствовал острую боль в ребрах. Он начал проталкиваться назад, защищаясь своим топором; масса воинов Пароландо выжимала его в задние ряды. Внезапно он споткнулся о бревно, опустил свое оружие и огляделся. Он стоял перед догорающими развалинами своего дома.

На земле перед ним валялось ружье, «Марк-1», и три заряда к нему. Очевидно, оно было выброшено из дома взрывом. Сэм встал на колени, и его руки сомкнулись на теплой стали ствола.

Два человека кружились в бесконечном танце,

их руки сжимали друг друга, налитые кровью глаза буравили противника. На мгновение они остановились, и Сэм узнал короля Джона. Его противник был более рослым, но не такого крепкого сложения. Он потерял свой шлем, и рыжеватые волосы рассыпались по плечам; голубые глаза сверкали в звездном свете.

Сэм оттянул затвор, вложил заряд в ствол и поднялся на ноги. Два человека яростно боролись, пытаясь освободить руки, сжимавшие кинжалы.

Сэм огляделся вокруг. Рядом не было никого, кто мог бы прийти на помощь. Он шагнул вперед, поднял ружье, прицелился и нажал спусковой крючок. Раздался грохот, яркая вспышка пламени вылетела из ствола, и противник Джона упал на землю с разбитым черепом.

Не удержавшись на ногах, Джон рухнул на его тело. Затем он поднялся и взглянул на Сэма, который перезаряжал ружье.

— Благодарю, приятель! Это был мой племянник, Артур!

Сэм не ответил. В его сознании промелькнула холодная мысль, что следовало подождать, пока Артур прикончит Джона, и затем снести его череп. Ирония судьбы! Он, который имел все основания желать смерти Джона, снова посадил на

свою шею эту досадную помеху! В благодарность Джона он не верил; в душе этого человека не было места искреннему дружелюбию.

Держа ружье наготове, Сэм двинулся вперед, пытаясь отыскать Джо Миллера. Внезапно он увидел Ливи, отчаянно защищавшуюся от нападения огромного ульмака. Окровавленная левая рука дикаря висела плетью, но, сжимая правой каменный топор, он наносил яростные удары по щиту Ливи. Ее копье было сломано, щит, в который она вцепилась обеими руками, трещал и распадался. Не желая тратить заряд, Сэм занес свое оружие и нанес дикарю удар прикладом по голове. Тот медленно осел вниз. Ливи, с растрепанными волосами, изнемогая, опустилась рядом на землю. Сэм бросил на нее быстрый взгляд. Она не была ранена, и, казалось, не нуждалась в помощи. Ему надо было отыскать Джо. Он окунулся в темную сражающуюся массу людей и увидел Джо. Гигант снова был на ногах, и его огромный топор крушил головы, шеи и тела врагов.

Мускулистый воин, сжимая обеими руками топор, подкрадывался к Джо сзади, Сэм остановился, поднял ружье и выстрелил. Снаряд, посланный с расстояния нескольких шагов, разворотил грудь нападавшего.

Мгновением позже враги побежали. Небо на востоке начало светлеть. В рассветном полумраке было видно, как воины Пароландо наступают к побережью на севере и на юге. Это означало, что две другие колонны напавших также разгромлены.

Сэм почувствовал огромное облегчение. Они выиграли эту битву! Ему казалось, что сражение длилось несколько часов, но теперь он понял, что рукопашная схватка у холма заняла не больше десяти минут.

Но в следующий момент его удовольствие было испорчено. Нагой Герман Геринг, с окровавленной головой и горящими фанатизмом глазами, вынырнул из человеческого месива. Он воздел руки к небу и закричал:

— О, братья и сестры! Остановитесь! Остановитесь! Вы сражаетесь, вы ненавидите, вы проливаете кровь, вы охвачены жаждой убийства. Почему вы не опускаете свои руки, почему не принимаете ваших врагов с любовью? Почему не даете им делать с вами все, что они хотят? Вы будете убиты, но окончательная победа останется за вами! Враг ощутит вашу любовь — и в следующий раз он поколеблется, прежде чем развязать войну! Пройдет время — и он спросит себя: «Что я

делаю? Зачем я делаю это? Что хорошего в этом?» — и ваша любовь проникнет в его окаменевшее сердце и он...

Внезапно позади Геринга возникла коренастая фигура Джона. Он ударил проповедника рукояткой ножа по голове, тот рухнул навзничь и застыл без движения.

— Так будет с каждым предателем! — вскричал Джон. — Где Тримальдио и Мордуант, мои разведчики, черт бы их побрал!?

— У них хватило ума не появиться здесь, — ответил Сэм. — Теперь вы никогда не поймаете их. Они понимают, что вам известно о том, что они продали вас Артуру.

Он отвернулся от Джона и распростертого на земле тела проповедника. В нескольких шагах от него Ливи, пошатываясь, поднималась на ноги. Сэм последовал за ней туда, где Сирано сидел на груде трупов. Тело француза покрывала дюжина ран, но, по-видимому, несерьезных. Его шпага была в крови от кончика до рукояти.

Ливи упала на колени перед Сирано, обхватив руками его ноги. Сэм отвернулся. Она даже не поблагодарила его за спасение.

Сэм почувствовал упадок сил, но он знал, что сегодня ему не придется отдыхать. Следовало

подсчитать потери и убытки. Мертвые тела нужно было перенести в помещение химической фабрики, где из их жира получат глицерин. Эта практика была жестокой, но необходимой, и владельцы тел при жизни не возражали против нее. Все равно завтра они восстанут от смерти и продолжат существование где-то далеко на берегах Реки.

Кроме того, все население следовало бросить на восстановление укреплений на побережье — и при этом держать оружие под руками. Во все стороны нужно было разослать разведчиков для уточнения военной ситуации. Ульмаки и воины Новой Британии и Клеомены могли вернуться и повторить атаку.

Подошедший капитан доложил, что вождь Клеомены найден мертвым на берегу Реки; осколок каменной шрапнели раздробил его череп. Так нашел свой конец брат великого спартанца, царя Леонида, защищавшего Фермопильский проход. Или, по крайней мере, такой конец он нашел в этом месте речной долины.

Сэм приказал отправить нескольких опытных людей на корабле в Новую Британию к Клеомену. Им следовало, уведомить население, что мщения не последует, если новые вожди обязуются хра-

нить мир и дружбу с Пароландо, Джон выразил недовольство, что это решение было принято без обсуждения с ним, и между консулами возник короткий, но яростный спор. Наконец, Сэм согласился, что Джон, в принципе, прав, но у него не было времени на согласование. Как гласила Хартия, любое решение становилось законным, если утверждалось обоими консулами.

Затем правители вместе двинулись в инспекционный обход фабрик и укреплений. Особых убытков не обнаружилось. Нападавшие не стремились, конечно, к разрушению промышленных зданий и оборудования, так как хотели использовать все это сами. Амфибия, «Огненный Дракон», была невредимой. Сэм содрогнулся, подумав, что могло произойти, если бы машина оказалась в руках врага. С ее помощью нападавшие, безусловно, смяли бы воинов Пароландо в центре, а потом довершили разгром на флангах. Он решил, что отныне машину будут усиленно охранять.

После ленча Сэм прилег в хижине Совета, Однако не успел он сомкнуть глаза, как его разбудили. Над ним стоял Джо; сопение, производимое его огромным носом, напоминало спуск пара через трубу локомотива.

— Высадились послы из Тоул Тсити, — доло-

жил он.

— Файбрас! — воскликнул Сэм, вскакивая на ноги. — Я совсем забыл о нем! Пожалуй, он прибыл несколько некстати!

Он отправился на берег Реки, где причалил катамаран послов. Джон уже был здесь, и они вместе приветствовали делегацию, которая включала шестерых негров, двух арабов и двух индийцев. Файбрас оказался бронзовокожим, коренастым человеком с курчавыми волосами и карими глазами, в которых поблескивали зеленые искорки. Его высокий лоб и могучие плечи и руки резко контрастировали с тонкими худыми ногами. Сначала он заговорил на эсперанто, но потом перешел на английский. Это был очень странный английский язык, полный специальных терминов и слэнговых выражений, которых Сэм не понимал. Но Файбрас казался таким открытым и дружелюбным, что Сэм почувствовал искреннее расположение к нему.

— Пожалуй, нам лучше перейти на эсперанто, — сказал он, улыбаясь и подливая виски в стакан гостя. — Вы говорите на каком-то космическом слэнге или же это наречие Соул Сити?

— Это язык марсианских колонистов, — ответил Файбрас. — В Соул Сити используется

упрощенный английский, но официальным языком является, конечно, эсперанто, хотя Хаскинг готов был рассматривать в этом качестве и арабский. Он, однако, не получает большого удовольствия от контактов со своими арабскими подданными, — добавил Файбрас шепотом, оглядываясь на Али Фазхули и Абд ир-Рахмана, арабских членов посольства.

— Как видите, — сказал Сэм, — мы не имеем возможности сейчас провести длительное, детальное совещание. Мы должны очистить свою территорию от обломков, восстановить защитные сооружения и получить информацию о том, что творится вокруг Пароландо. Но вы, конечно, являетесь для нас желанными гостями, и через несколько дней мы проведем подробные переговоры.

— Я не возражаю, — ответил Файбрас. — Пока что я хотел бы немного осмотреться, если вы не против.

— Я согласен, но мы должны также получить разрешение моего соправителя.

Джон, выдавив болезненную улыбку, заявил, что он рад приветствовать посольство на земле Пароландо. Но каждый раз, когда послы пожелают покинуть отведенное им жилье, их должна

сопровождать почетная охрана. В знак согласия Файбрас вежливо наклонил голову, но один из членов посольства, высокий чернокожий человек, которого его товарищи называли Абдуллой, громко запротестовал. В его речи содержались какие-то невнятные угрозы и оскорбления. Файбрас с минуту молчал, а затем сказал Абдулле, что он должен быть вежливым, так как люди из Соул Сити находятся тут в гостях.

Сэм лично проводил делегацию к трем стоявшим рядом хижинам, обитатели которых погибли прошлой ночью. Пожелав послам приятного отдыха, он удалился.

На побережье загрохотали барабаны, передавая сообщение. Новый вождь ульмаков просил мира. Их прежний глава, Шруб-гран, умер, и его соплеменники были готовы доставить его голову победителям, если это склонит Пароландо к миру. Шрубграна прикончили сами ульмаки; он опозорил свое племя, приведя его к поражению.

В ответ Сэм приказал передать, что Пароландо соглашается вести мирные переговоры с новым вождем, Трилбурном.

Барабаны, расположенные на границе с Землей Чернского, принесли известие о том, что Иэясу, правитель двенадцатимильной полосы побе-

режья между владениями Артура и Клеомена, вторгся в Новую Британию. Хотя эти новости означали, что жители Новой Британии не будут мстить Пароландо, они встревожили Сэма. Иэясу был человеком с большими амбициями. Объединив под своей властью два государства, он мог счесть себя достаточно сильным для нападения на Пароландо.

Снова дробь барабанов. Публий Красс посылал свои поздравления по случаю победы и сообщал, что завтра посетит Пароландо, чтобы увидеть, какую помощь он может оказать соседям.

«А также чтобы увидеть, насколько тяжел нанесенный нам удар и нельзя ли тут чем-нибудь поживиться», — добавил Сэм про себя. До сих пор Красс был добрым соседом, но к человеку, прослужившему долгие годы под командой Юлия Цезаря, не стоило питать безграничного доверия.

Мимо проковылял Геринг с головой, обернутой кровавой полосой ткани; двое его последователей осторожно поддерживали проповедника. Сэм надеялся, что Геринг поймет сделанный ему ночью намек и покинет Пароландо. В душе его, однако, таилось сомнение — насколько твердолобая германская голова миссионера восприимчива к намекам.

Вечером он лег в кровать; перед его мысленным взором простиралась его страна, факелы пылали от побережья до подножия скал, стража вглядывалась в туман, высматривая зыбкие тени. Его сон был беспокойным, несмотря на огромную усталость. Он стонал и метался в постели; ночью он внезаппо очнулся, его сердце билось как молот и кожа похолодела — от уверенности, что в хижине есть кто-то третий. Он ожидал увидеть темную фигуру Таинственного Пришельца, склонившуюся над его кроватью. Но в комнате никого не было — только очертания огромного тела Джо медленно колыхались на чудовищном бамбуковом ложе в такт храпу великана.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Он проснулся утром неотдохнувшим — В чистом и освеженном мире. Ночной дождь смыл кровь, грязь и пороховую копоть. Мертвые тела были убраны, солнце сияло, голубое безоблачное небо раскинулось над речной долиной. Возобновился обычный распорядок дня — но без четырех с половиной сотен мужчин и женщин, павших жертвами ночного сражения. Тела половины из них поступили на глицериновую фабрику для переработки; остальные находились в госпитале.

Раненые, которые хотели положить конец мучениям, могли выполнить свое желание. Давно миновало время, когда лишь удар каменного топора или воды Реки были способны подарить долгожданное забвение. Теперь, благодаря прогрессу цивилизации в Пароландо, для этой цели применялись таблетки цианистого калия. Некоторые, однако, Предпочитали кинжал. Пройдут сутки — и утерянные члены тела восстановятся, исчезнут раны, снова раскроются выбитые глаза. Все, кто не мог терпеть боль, торопливо садились в Экспресс Самоубийства, сбрасывая старые тела в чаны глицериновой фабрики.

Секретарша Сэма погибла, и он предложил Гвиневре занять это место. Девушка с радостью согласилась. Новое положение давало ей высокий статус; она не делала секрета и из того, что ей приятно находиться около Сэма. Лотар фон Ритгофен, однако, казался недовольным.

— Разве она не может стать моей секретаршей, несмотря на чувства, которые вы питаете к ней? — сказал Сэм, изучая хмурую физиономию пилота.

— Конечно, может, — отвечал тот, — но мои шансы резко упадут, если девчонка будет постоянно крутиться около вас.

— Ну, что ж, пусть победит достойнейший! — ухмыльнулся Сэм.

— Не имею ничего против, мне только не нравится, что ее усилия пропадут даром. Вы ведь не станете отрицать, что пока здесь находится Ливи, другая женщина не войдет в вашу хижину.

— Ливи не вмешивается в мою личную жизнь, — сухо сказал Сэм, — и давайте прекратим разговор о ней.

— Я очень сожалею, Сэм, — сказал Лотар со слабой улыбкой, осторожно касаясь его плеча.

Гвиневра хлопотала около него, делая заметки, рассылая сообщения, принимая их, передавая

его приказы. Сэм был слишком занят, чтобы поболтать и пошутить с девушкой, но каждый раз, когда он смотрел на нее, теплота подступала к его сердцу. Гвиневра, казалось, обожала его.

Миновало два дня. Двадцатичетырехчасовые испытания вездехода-амфибии дали отличные результаты. Предполагалось, что через пару дней машина будет полностью укомплектована. Делегация из Соул Сити бродила по территории Пароландо под присмотром двух надежных людей короля Джона. Джо Миллер, который после сражения был вынужден снова лечь в постель, окончательно выздоровел. Теперь Сэма сопровождали оба — и Гвиневра, и гигантопитек; окружающий мир начал казаться ему гораздо более приемлемым, хотя, конечно, до блаженной Утопии ему было далеко. Барабаны передали сообщение, что Одиссей возвращается через месяц с караваном судов, груженных кремнем. Он отправился во главе флота из десяти кораблей для меновой торговли с женщиной-правителем Селинайо. На Земле Селина Хэстингс, родившаяся в 1707 и умершая в 1791 году, была графиней Хантингтон. Теперь она являлась ярой сторонницей Церкви Второго Шанса и торговала кремнем с Пароландо только потому, что Сэм разрешил Ге-

рингу и его миссионерам проповедовать на своей территории. В обмен на кремень она просила построить маленькое металлическое паровое судно, на котором собиралась путешествовать вверх и вниз по Реке, проповедуя свою религию. Сэм считал это глупостью. В первом же месте, где она высадится на берег, ей перережут горло, чтобы завладеть пароходом. Но это было ее дело.

Наконец, подошло время для продолжения переговоров с Фай-брасом. Члены Совета встретились с делегацией Соул Сити за круглым столом в самой большой комнате дворца Джона. Сэм хотел бы отложить переговоры, так как Джон находился в еще более мрачном настроении, чем обычно. Одна из его женщин попыталась прикончить его, как он заявил. Прежде, чем он разбил ей голову об угол стола, она успела ранить его кинжалом в бок. Женщина умерла часом позже не приходя в сознание, и утверждение Джона, что она напала на него первой, пришлось принять без доказательств.

Джон страдал от раны и от стыда, считая позорным получить удар от женской руки. Свои страдания он усиленно заливал крепким бурбоном, используемым в качестве анестезирующего средства. Скорчившись в тяжелом дубовом крес-

ле, обитом красной рыбьей кожей, он сжимал в одной руке объемистую посудину с виски, а в другой — дымящуюся сигару.

Речь держал Файбрас.

— Хаскинг верит в необходимость разделения белых и небелых людей. Постарайтесь понять его взгляды. Он искренне считает, что белые никогда с открытым сердцем и душой не смогут признать равными себе цветные народы — черных, полинезийцев, монголоидов и американских индейцев. Единственный путь, на котором небелые могут достичь мира, покоя и достойной жизни — путь разделения.

— Хаскинг был членом организации Черных Мусульман в период ее кризиса. Малькольм, вождь Черных Мусульман, покинул организацию. Он понял, что был несправедлив к белым. Далеко не все белые являлись дьяволами во плоти, расистскими чудовищами; это было совсем не так. Что касается Хаскинга, то он уехал из Штатов в Алжир, и здесь он обнаружил, что Источником расизма является не цвет кожи, а мировоззрение, внутренняя позиция человека.

«Едва ли это открытие является оригинальным», — подумал про себя Сэм, но не стал прерывать речь Файбраса.

— Затем начались выступления белых в Соединенных Штатах. Многие молодые люди отвергали предрассудки поколения их отцов и поддерживали черных в их борьбе. Они выходили на улицы и устраивали демонстрации в защиту негритянского населения. Они относились к черным с искренней доброжелательностью — не из чувства абстрактного долга, но потому, что черные являлись человеческими существами, а к любому человеческому существу следует питать доброжелательность и любовь.

— Хаскинг, однако, не испытывал теплых чувств к новому поколению белой американской молодежи, даже когда он пытался думать о них, как о человеческих существах. Его душа была разрушена ненавистью — так же, как и души белых американцев старшего поколения. Правда, он старался — искренне старался относиться с уважением к молодым белым, которые послали к дьяволу своих родителей и их расистское общество.

— Потом он умер — как умирают все, черные и белые. Он воскрес среди древних китайцев, которые считали себя избранным народом, главенствующим над другими расами. Жизнь среди них была для Хаскинга нелегкой.

Сэм вспомнил китайцев Невады и Калифорнии, маленьких желтокожих мужчин и женщин, поразительно работящих, тихих и покорных. Они копались в земле с утра до ночи; они таскали грузы, которые добрый хозяин не навалил бы даже на спину мула. Любой преступник, любой мерзавец мог оскорбить их; их мучили, оплевывали, насиловали, побивали камнями. Они не имели права на что-либо, не имели защитников или покровителей. И они никогда не роптали, не возмущались, они только терпели. Какие мысли скрывались за этими бесстрастными лицами? Может быть, они тоже верили в превосходство китайцев над белыми дьяволами? Почему же они никогда не отвечали ударом на удар — ни один из них? Если бы кто-то из них осмелился поступить так, его прикончили, но, по крайней мере, он умер бы как человек.

Но китайцы полагались на ход времени; время являлось их союзником. Если время не принесло удачи отцу, оно могло подарить ее сыну. Или внуку.

Файбрас продолжал:

— Наконец, Хаскинг сделал челнок и поплыл вниз по течению Реки. Преодолев много тысяч миль, он оказался среди африканских негров

семнадцатого века. Эти люди были предками зулусов и до миграции на юг Африки они обитали в центральной части континента. Спустя некоторое время, он покинул их тоже. Обычаи этого племени были слишком отталкивающими, слишком кровавыми и жестокими для человека двадцатого столетия.

— Затем он жил в области, населенной белыми охотниками позднего каменного века. Эти люди хорошо приняли Хаскинга, но он искал свой собственный народ, американских негров. Итак, он двинулся дальше и попал в руки древних арабов, бежал, был обращен в рабство древними евреями, снова бежал, нашел маленькую общину американских негров, рабов времен гражданской войны, и жил с ними счастливо несколько лет. Но их рабская покорность судьбе и обстоятельствам, которую Хаскинг называл «духом дядюшки Тома», раздражали его. Он снова отправился в путь вниз по Реке и жил с разными другими народами. Наконец в один прекрасный день на страну, в которой он нашел себе очередное пристанище, напали светловолосые белолицые люди — древние германцы или викинги. Он сражался с ними — и погиб.

— Он воскрес здесь. К этому времени Хаскинг

был убежден, что самыми счастливыми и благополучными странами в долине Реки являлись те, которые населяли люди с одинаковым цветом кожи, со сходными обычаями, жившие на Земле в один и тот же период времени. Он сделал еще одно заключение. Люди здесь не изменились. На Земле можно было надеяться на прогресс. Старое поколение уходило из жизни, и молодежь постепенно освобождалась от расовых предрассудков. Но здесь отсутствовали перемены. Каждый человек — или группа людей — шли по своему традиционному пути. Только по счастливой случайности Хаскинг мог найти здесь своих современников — черных и тех белых, которые отвергали расизм. Конечно, древние белые народы ничего не имели против черных; но их образ жизни является слишком странным для цивилизованного человека.

— Итак, к чему же вы пришли, мистер Файбрас? — спросил Сэм.

— Мы хотим создать страну с однородным населением. Мы не можем найти всех чернокожих американцев второй половины двадцатого века, но мы хотим, по крайней мере, собрать как можно больше черных. Мы знаем, что в Пароландо около трех тысяч негров. Мы желали бы обме-

нять наших дравидов, арабов и прочих жителей, не относящихся к чернокожей расе, на ваших негритянских граждан. Хаскинг делал подобные предложения всем нашим соседям, но у него нет рычагов воздействия на них.

Король Джон выпрямился в кресле и громко сказал:

— Это означает, что он не имеет чего-либо, что ваши соседи хотели бы получить?

Бросив на Джона холодный взгляд, Файбрас сказал:

— Да, это так. Но наступит день, когда они станут более внимательно прислушиваться к нашим просьбам,

— Вы имеете в виду — когда у вас будет достаточно стального оружия? — бросил Сэм.

Файбрас пожал плечами.

Джон со стуком опустил свою пустую чашу на стол.

— Ну что ж, мы тоже не хотим ваших арабов, или ваших дравидов, или любого другого дерьма из вашего Соул Сити! — вскричал он. — Но я скажу вам, чего мы хотим! За каждую тонну бокситов или за унцию платины мы готовы давать вам одного нашего негра! Вы можете оставить у себя своих сарацинских язычников — или утопить их

в Реке, это ваше дело!

— Подождите минуту, — сказал Сэм. — Мы не имеем права гнать своих граждан прочь. Если найдутся добровольцы — прекрасно. Но применять насилие мы не будем. Здесь демократическое государство.

В ответ на яростную вспышку Джона лицо Файбраса помрачнело.

— Я не имел в виду, что вы станете гнать кого-нибудь из своей страны, — сказал он. — Вам известно, что мы не рабовладельцы. Мы хотим произвести добровольный обмен — одного на одного. Племя ваххабитов, которых представляют в нашей делегации Фаз-хули и Абд ар-Рахман, чувствует себя нежеланными гостями в Соул Сити. Они готовы переселиться туда, где им будет дана возможность организовать собственную автономную общину.

Сэм подумал, что это звучит по меньшей мере странно. Почему бы арабам не создать свою общину в Соул Сити? Или просто не уйти от Хаскинга? Одной из прелестей этого мира была полная независимость от вещей. Все, в чем человек нуждался, он мог унести на своей спине, а построить новый дом было нетрудно в любом месте побережья, где бамбук рос со скоростью двух дюймов в день.

Возможно, Хаскинг хочет внедрить своих людей в Пароландо в качестве пятой колонны, которая в нужный момент окажет ему помощь?

Сэм сказал:

— Мы обсудим ваше предложение об обмене индивидуально с каждым из наших черных граждан. Это все, что мы можем сделать. Теперь, каковы намерения мистера Хаскинга относительно поставок необходимой нам руды и древесины?

— Поставки будут продолжаться — в обмен на железо и стальное оружие, — сказал Файбрас. Но Хаскинг думает повысить цены.

Джон грохнул кулаком по столу.

— Мы не дадим грабить себя! — заорал он. — Мы и так платим слишком много! Не пытайтесь прижать нас, Файбрас, иначе вы можете лишиться всего! Даже собственных жизней!

— Полегче, Ваше Величество, — сказал Сэм спокойно, и, обернувшись к Файбрасу, добавил: — Джон неважно себя чувствует. Пожалуйста, не придавайте значения его словам. Но кое в чем он прав. Эти споры могут завести нас слишком далеко.

Но в этот момент вскочил Абдулла и, ткнув пальцем в сторону Сэма, сказал:

— Вы, хонки, прекратите угрожать нам! Мы не потерпим оскорблений от вас, Мистер Белый! Нет! Особенно от человека, который написал книгу, где черных называют ниггерами! Нам не нравятся белые расисты, и мы не желаем иметь с ними дела!

— Успокойся, Абдулла, — сказал Файбрас, коснувшись ладонью плеча иегра.

Сэм издал звук, похожий на стон, и спросил:

— Вы читали «Гекльберри Финна», мистер Абдулла?

Абдулла, фыркнув, сказал:

— Я не читаю всякий хлам.

— Тогда вы не знаете, о чем вы говорите, не так ли?

Лицо Абдуллы потемнело. Файбрас усмехнулся.

— Я не имел желания читать этот расистский бред! — вскричал Абдулла. — Хаскинг говорил мне о вашей книге — и этого для меня вполне достаточно!

— Тогда сначала прочитайте ее, и мы вернемся к обсуждению этой темы!

— Вы издеваетесь надо мной? — сказал Абдулла. — Вам, что, неизвестно об отсутствии книг в этом мире?

— Ну что ж, значит вы навсегда потеряли возможность прочитать мою книгу, — сказал Сэм, стараясь сохранить спокойствие. Беседы с черными в подобном тоне были для него непривычны. — Во всяком случае, мои книги не относятся к тому сорту литературы, который можно обсуждать за чаем и выпивкой. Давайте обратимся к нашим спорным вопросам.

Но Абдулла продолжал распространяться о расистских книгах, которые написал Сэм. Наконец Джон, потеряв терпение, вскочил и рявкнул:

— Заткнись, неграсо!

Джон произнес эту фразу на эсперанто, добавив к слову негро (черный, негр) уничижительную частицу «ас». Всем было ясно, что он хотел сказать.

На мгновение все замерли, шокированные. Абдулла застыл с открытым ртом, затем захлопнул его и огляделся вокруг. Он выглядел почти триумфатором — похоже, он своего добился. Файбрас сурово сжал губы. Джон, упираясь в стол стиснутыми кулаками, нахмурился. Сэм выпустил клуб дыма из своей сигары. Он знал меру презрения Джона к людям — к каждому из них и всему человечеству в целом — и его способность изобретать оскорбительные слова. Джон не имел

расовых предрассудков; за всю свою жизнь на Земле он видел не более полудюжины черных. Но он прекрасно знал, каким образом лучше всего оскорбить человека; это знание было его второй натурой.

— Я ухожу! — заявил Абдулла. — Я отправляюсь домой — и я готов держать пари на белоснежный цвет вашей кожи, мистер Джонни, что больше вы не увидите ни платины, ни алюминия.

Сэм поднялся на ноги и сказал:

— Подождите минуту. Если вы хотите извинений, я приношу их вам от лица всей страны.

Абдулла бросил взгляд на Файбраса. Тот равнодушно изучал потолок. Тогда Абдулла сказал:

— Я хочу извинений от него — и немедленно!

И он показал на короля Джона.

Сэм наклонился к Джону и тихо сказал:

— Слишком многое сейчас поставлено на карту, чтобы изображать гордого монарха, Ваше Величество. Кроме того, возможно, что вы — с вашими припадками ярости — являетесь просто игрушкой в их руках, деталью хорошо разработанного плана. Они что-то замышляют, готов держать пари. Проявите выдержку и извинитесь!

Джон нахмурился и заявил:

— Я не приношу извинений вульгарным про-

столюдинам — тем более этой языческой собаке!

Сэм хмыкнул и воздел к небу руки:

— Когда же ваша твердолобая ланкастерская голова смирится с мыслью, что тут не существует таких понятий, как королевская кровь и божественное право монарха делать все, что заблагорассудится? Что здесь мы все — простолюдины? Или все — короли?

Джон не ответил. Он встал и вышел из комнаты. Абдулла посмотрел на Файбраса и тоже двинулся к выходу.

— Ну, мистер Файбрас, что же дальше? — спросил Сэм. — Вы и ваши люди отправитесь домой?

Файбрас покачал головой.

— Нет, я не сторонник поспешных решений. Но наши переговоры придется приостановить до тех пор, пока Джон Ланкастер не принесет надлежащих извинений. Я даю вам время до завтрашнего полудня, чтобы вы решили этот вопрос.

Файбрас двинулся к выходу.

— Я поговорю с Джоном,— сказал Сэм, — но он упрям, как миссурийский мул.

Файбрас остановился.

— Меня беспокоит, что наши переговоры могут быть свернуты из-за того, что один человек не может сдержать свой язык, — сказал он. — И я

не стремлюсь к осложнениям в нашей торговле, которые могут помешать строительству вашего Корабля.

— Вы заблуждаетесь, мистер Файбрас, — ответил Сэм. — Я не хотел бы угрожать, но предупреждаю — меня ничто не остановит. Я получу алюминий — даже если для этого мне придется выгнать Джона из этой страны или явиться к вам в Соул Сити с целым войском.

— Я понимаю вас, — кивнул Файбрас. — Но вы не хотите понять, что Хаскинг не собирается применять силу. Оружие нужно ему не для нападения, а для защиты. Он хочет, чтобы граждане нашей страны спокойно наслаждались жизнью в хорошо охраняемом государстве. И они будут получать удовольствие от жизни, потому что все они имеют одинаковые обычаи и одинаковые цели. Словом, все они будут являться черными.

— Ну, что ж... — протянул Сэм. Он помолчал минуту и затем, прежде, чем Файбрас направился к выходу, сказал: — Простите, мистер Файбрас... вы читали «Гекльберри Финна»?

— Конечно. Когда я был ребенком, я считал ее одной из величайших книг в мире. Потом уже обучаясь в колледже, я снова перечитал ее. Тогда я был взрослым и мог видеть ее недостатки,

но, несмотря на это, я получил огромное наслаждение.

— Возмущает ли вас то, что я называю Джима ниггером?

— Вы должны вспомнить, что я родился в 1975 году на ферме вблизи Сиракуз, штат Нью-Йорк. В те времена жизнь сильно изменилась и эта ферма была собственностью еще моего пра-пра-прадеда. Он бежал из Джорджии в Канаду, работал на строительстве железной дороги, после Гражданской войны, вернулся в Штаты и завел ферму. Нет, я не в претензии на вас за то, что вы используете это слово. Негров открыто называли ниггерами в те времена, когда вы писали свою книгу, и белые не видели в этом ничего особенного. Хотя это слово было оскорбительным. Но вы изображали людей и их речь такими, какими они были в действительности. Я понимаю этическую основу вашего романа. Гек колеблется между требованиями гражданского долга и отношением к Джиму как к человеческому существу — и это последнее чувство побеждает. Вся ваша книга была обвинением рабству, обвинением феодальному обществу Юга — это ясно каждому глупцу. Почему же я должен упрекать вас за это?

— Тогда почему...

— Абдулла — его настоящее имя Джордж Роберт Ли — родился в 1925 году, а Хаскинг родился в 1938. Черные были тогда грязными ниггерами для большинства белых — правда, не для всех. Черные считали, что только с помощью насилия можно добиться гражданских прав — это стало основой их мировоззрения в те годы. Вы умерли в 1910, не правда ли? Но, по-видимому, вы встречали много людей, которые могли рассказать вам, что случилось потом?

Сем кивнул.

— В это трудно поверить. Насилие и бунты ничего не дали. Чтобы решить эту проблему должны были произойти изменения в обществе. Мне до сих пор трудно представить жизнь в конце двадцатого века — ее раскрепощенность и свободу.

Файбрас рассмеялся и сказал:

— Сейчас вы живете в обществе, которое, с точки зрения девятнадцатого века, является еще более раскрепощенным и свободным. Тем не менее вы адаптировались.

— Полагаю, что да, — ответил Сэм. — Но две недели полной наготы в первые дни после Воскрешения доказали, что люди никогда уже не станут прежними. В том, что касается наготы, во всяком случае. Кроме этого, сам неоспоримый

факт Воскрешения опрокинул множество застывших концепций и устаревших взглядов. Хотя среди нас все еще хватает твердолобых упрямцев — вроде ваших мусульман — ваххабитов.

— Скажите мне, мистер Клеменс, — произнес Файбрас. — Вы были либералом, человеком, во многом опередившим свое время. Вы протестовали против рабства и были сторонником всеобщего равенства. И когда вы создавали Великую Хартию Пароландо, вы провозгласили политическое равенство для всех наций, рас и обоих полов. Я заметил, что недалеко от вашего дома живет пара — черный мужчина и белая женщина. Скажите честно, вас не возмущает это зрелище?

Сэм выпустил клуб густого дыма и задумчиво погладил подбородок.

— Если быть честным — да, возмущало. Это непривычно для меня. По правде говоря, это почти убивало меня! Мои мысли, логика — и мои чувства — это две совершенно различные вещи! Но я не хватался за ружье, я ничего не говорил, я старался быть вежливым с этой парой и жаждал полюбить их всем сердцем. И теперь, спустя год, это мне почти удалось.

— Различия между вами — представителем бе-

лых либералов — и молодежью времен Хаскинга и моих нас не беспокоит. Они существуют, эти различия, но мы готовы с ними примириться.

— Похоже, однако, что вы с Хаскингом не слишком-то верите в мои благие намерения.

— Держите курс, старина, — сказал Файбрас, переходя на свой невообразимый английский. — Два градуса в сторону лучше, чем разворот на девяносто. Засеките это.

Он вышел. Сэм остался один. Долгое время он сидел в раздумье, затем поднялся и вышел наружу. Первым человеком, которого он встретил, был Герман Геринг. Его голова еще была забинтована, но бледность уже исчезла с лица, и глаза блестели ярче.

Сэм спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Еще неважно. Но я уже могу ходить, не спотыкаясь на каждом шагу.

— Мне не нравится смотреть на человеческие страдания, — сказал Сэм. — И я полагаю, что вы можете избежать еще больших страданий, если не смерти, если покинете Пароландо.

— Вы изгоняете меня?

— Только не по собственной инициативе. Но здесь достаточно раздраженных на вас людей,

которые готовы при случае запустить камнем в вашу голову или утопить в Реке. Вы всем надоели со своими проповедями. Это государство основано для решения одной главной задачи — строительства Корабля. Правда, тут имеются законы, гарантирующие безопасность граждан. Но тут есть также люди, готовые иногда нарушить закон — и, по правде говоря, я не могу винить их за это. Я полагаю, что вы выполните свой христианский долг и избавите их от искушения. Таким образом, вы перестанете побуждать добродетельных мужчин и женщин к насилию.

— Я не христианин, — сказал Геринг.

— Я восхищаюсь человеком, который сам признал это. Думаю, что ни разу в жизни я не встречал проповедника, который говорит откровенно подобные вещи.

— Мистер Клеменс, — сказал Геринг, — я читал ваши книги, когда я был молодым человеком — сначала на родине, в Германии, потом — в Англии. Но шутки и ирония неуместны в тех обстоятельствах и в том месте, где мы все сейчас пребываем. Я не христианин, хотя, согласен, я разделяю лучшие идеи христианства.[0] Я — миссионер Церкви Второго Шанса. Все земные религии дискредитированы, даже если кто-то не желает

признавать очевидных фактов. Наша Церковь является первой религией, возникшей в новом мире, единственной, которая имеет надежду выжить. Это...

— Избавьте меня от лекции, — прервал его Сэм. — Я наслушался их достаточно от вас и ваших помощников. Я хочу только сказать, что, движимый дружелюбием и желанием спасти вас от суровой участи, я советую вам покинуть мою команду. Как можно быстрее. Иначе вы будете убиты.

— Тогда я восстану завтра на рассвете где-нибудь в другом месте и буду проповедовать Правду там, где я окажусь. Человек, который убивает одного из нас, только помогает разнести Правду дальше — как ветер разносит семена одуванчика. Гибель и смерть распространяют нас вверх и вниз по Реке быстрее, чем любое путешествие — пешком или по воде.

— Поздравляю вас с этим, — сказал Сэм, переходя на английский, как всегда он делал в минуты раздражения. — Но скажите, разве вас не беспокоят часто повторяющиеся убийства ваших миссионеров? Не опасаетесь ли вы утратить тело?

— Что вы имеете в виду?

— Ваши догматы, что же еще?

Сэм не заметил реакции собеседника, кроме удивленного взгляда, и перешел снова на эсперанто.

— Один из ваших главных догматов, если не ошибаюсь, заключается в том, что люди не воскресают бесконечно. Человеку дано ограниченное время для возрождения, хотя для многих оно может оказаться очень большим, — особенно, если они окажутся несчастливыми здесь. Вы постулируете нечто подобное душе, что-то, что вы называете психоморфом, не так ли? Или нечто, аналогичное Ка древних египтян. Вы должны были ввести такое понятие, иначе вы не могли объяснить сохранение человеческой личности. А без этого человек, который умер, является мертвым, даже если тело воспроизведено в точности и снова стало живым. Это второе тело — только дубликат, репродукция. Обитающий в нем несчастный имеет мозг и память умершего человека и думает, что он и является этим человеком. Но это не так.

Он только живая копия. Первый человек умер.

— Чтобы решить эту проблему, вы изобрели душу — или

психоморф, называйте ее как хотите. Эта сущность рождается

вместе с телом, сопровождает его, регистрирует и накапливает все знания, жизненные обстоятельства и события, происходящие с телом. Затем, когда плоть умирает, Ка продолжает свое существование. Оно витает в некотором четвертом измерении, недоступном глазам и приборам человека. Я все излагаю правильно?

— Довольно близко к истине, — сказал Геринг. — Грубо, но вполне удовлетворительно.

— Тогда продолжим, — произнес Сэм, выпуская облачко зеленоватого сигарного дыма. — Итак, мы имеем — точнее, вы имеете — в наличии душу, душу христианина, мусульманина и так далее в качестве основного постулата. Однако вы утверждаете, что эта душа не отправляется в ад и не возносится на небеса. Она переселяется в некий четырехмерный континуум. Она пребывала бы там вечно, если бы не вмешательство других существ — гипотетических инопланетян, цивилизация которых гораздо древнее земной. Эти сверхсущества появились на Земле еще тогда, когда на нашей планете не было разума. По-видимому, они наблюдают за каждой планетой во вселенной, на которой может появиться разумная жизнь.

— Вы выражаете эту мысль не так точно, как

мы, — сказал Геринг. — Мы утверждаем, что в каждой галактике имеется одна — или, возможно, несколько древних обитаемых планет. Подобные вещества есть и в нашей галактике; может быть, они зародились тут или переселились из вселенной, погибшей в незапамятные времена. Во всяком случае, они неизмеримо мудры и предвидели, что на Земле возникает разумная жизнь. Они оставили на нашей планете приборы, которые должны были улавливать и накапливать сущности разумных созданий.

— В определенное время Древние, как мы их называем, переслали все сущности в некоторое место. Здесь умершие были вновь облечены плотью с помощью энергоматериальных конверторов и восстали, молодые и здоровые, для новой жизни.

— Психоморфы, или Ка, сохраняются Древними в некоторых протоплазменных образованиях, имеющих связь с каждым человеком. Когда изготовлено новое тело, Ка передается в него и челе век начинает жить. Если тело уничтожено и восстановлено сотни раз, Ка все еще хранит личность человека, его сознание и память о всех воплощениях. Таким образом, дело вовсе не сводится к последовательному созданию копий.

Индивидуальность человека полностью сохраняется путем записи всего, что с ним произошло, в сгустке протоплазмы, сохраняющем его Ка.

— Но! — воскликнул Сэм, делая резкий жест в сторону проповедника. — Но! Вы утверждаете, что человек не может быть убит и воскрешен бесконечное число раз. Вы говорите, что после сотни-другой воскрешений смерть наступит окончательно и необратимо. Повторяющиеся акты гибели ослабляют связь между телом и его Ка, и наконец Ка не может слиться с очередным дубликатом тела. Ка отторгается навсегда и уносится прочь, чтобы вечно блуждать призраком в лабиринте четвертого измерения — или в ином астральном пространстве. Оно становится привидением, затерянной душой.

— Да, действительно, это — важнейший постулат нашей веры, — сказал Геринг.— Или, точнее говоря, нашего знания, как мы знаем, что это — правда.

Сэм иронически поднял брови.

— Действительно? Знаете?

— Да. Наш Основатель удостоился слышать Правду спустя год после Воскрешения, через год после того, как все человечество восстало от смерти. Он молился ночью на высоком горном

уступе, прося Откровения, и к нему пришел человек. Этот человек сказал ему некоторые слова и показал некоторые вещи, которые не мог сказать и показать земной смертный. Этот человек был посланником Древних; он открыл Основателю Правду и велел ему идти к людям и проповедовать доктрины нашей церкви.

— В действительности, название «Второй Шанс» является неудачным, — продолжал проповедник. — На самом деле, это — наш Первый Шанс, потому что мы никогда не имели на Земле возможности для спасения и вечной жизни. Но существование на Земле являлось необходимой прелюдией к этому Речному Миру. Создатель сотворил вселенную, и затем Древние начали миссию предохранения всех мыслящих во вселенной. Они предохраняют! Но спасение — только в руках самих мыслящих!

— Мы признаем истиной, что только человек может сам спасти себя — и теперь он получил для этого возможность!

— Несомненно, связанную с Церковью Второго Шанса, я полагаю, — сказал Сэм. Он не хотел иронизировать, но не мог удержаться.

— Мы верим в это, — серьезно ответил Геринг.

— Предъявил ли этот таинственный пришелец

какие-нибудь верительные грамоты? — спросил Сэм. Он подумал о своем Таинственном Пришельце и сомнение коснулось его сердца. Могли ли эти двое быть одной и той же личностью? Или, возможно, они оба относятся к той расе существ, которую Икс называл этиками? Его Пришелец, человек, который послал сюда железный метеорит и который, по-видимому, проложил тайную дорогу к Туманному Замку, пройденную Джо Миллером, был предателем среди этиков. Если только он говорил правду.

— Верительные грамоты? — сказал Геринг. — Бумаги от Бога?

Он рассмеялся.

— Основатель понял, что посетившее его существо не было простым человеком; это создание знало о нем такие вещи, которые доступны только Богу. И пришелец кое-что показал ему — чтобы укрепить его веру. Он рассказал Основателю, каким образом люди были возвращены к жизни и зачем это было сделано. Но он не сказал всего. Некоторые вещи будут объяснены позже. А кое-что мы должны найти сами.

— Как зовут вашего Основателя? — спросил Сэм. — Или вы не можете сказать? Это одна из ваших тайн?

— Никто не знает этого, — ответил Геринг. — И нет никакой необходимости знать его имя. Какой в нем смысл? Он сам называл себя Вирон — на эсперанто это означает «человек». От латинского слова «вир». Мы зовем его Ла Фондино, Основателем или Ла Виро, Человеком.

— Вы когда-нибудь встречались с ним?

— Нет, но я знал двух человек, которые видели его. Один из них был рядом с Виро, когда он начал свои проповеди — спустя семь дней после того, как его посетил Древний.

— Этот Виро — он мужчина? Не женщина?

— О, да!

Сэм глубоко вздохнул и облегченно сказал:

— Для меня это имеет огромное значение. Если бы ваш Основатель оказался миссис Мери Бейкер Эдди, я немедленно бы покончил с собой.

— Почему?

— Не стоит вашего внимания, усмехнулся Сэм. — Когда-то я написал о ней книгу. Я не хотел бы встретиться с ней; она, несомненно, оскальпировала бы меня живьем. Но некоторые таинственные вещи, о которых вы толкуете, напоминают мне эту леди.

— Кроме понятия о Ка, все наше учение основано на физике. Впрочем, и Ка также является

физической субстанцией. Мы верим, что только наука — великая наука Древних — позволила физически воскресить нас. Тут нет ничего сверхъестественного — кроме нашей веры в Создателя, конечно. Все остальное — наука.

— Вроде науки Мери Бейкер Эдди? — спросил Сэм.

— Я ничего не знаю о ней.

— Итак, как же мы достигнем спасения?

— Став любящими. И не применяя насилия даже для самозащиты. Мы верим, что только через любовь можно достигнуть некоего трансцендентного состояния и полного самосознания. Для чего, в частности, нужно правильно использовать Жвачку Сновидений; огромное большинство людей не знает этого. Человек злоупотребляет наркотиком — так же, как он привык злоупотреблять прочими вещами.

— И вы сами стали любящим — что бы ни означало это выражение?

— Еще нет. Но я добьюсь этого.

— С помощью Жвачки?

— Не только. Она всего лишь является подсобным средством. Однако замечу вам, что вы тоже проповедуете свою религию и свою веру. Но она не учит любви. Она обрекает людей на ненависть

и причиняет им беспокойство.

— Так вот почему вы против строительства Корабля! Вы считаете, что мы зря тратим свое время?

— Ваша цель не принесет добра. Во имя ее вы опустошили землю, заставили людей тяжко трудиться и проливать кровь. Ненависть, ненависть, ненависть! И во имя чего? Чтобы вы могли обладать тем, чего нет еще ни у кого — огромным металлическим кораблем с электрическими двигателями, вершиной технологических достижений этой планеты, кораблем глупцов! Положим, вы отправитесь в путешествие к истоку Реки. Положим, вы достигнете его. И что тогда? Вы должны путешествовать к истоку своей души!

— Существуют вещи, о которых вы не знаете и не можете судить, — сказал Сэм хрипло. Его убежденность была поколеблена внезапным видением. Он представил скорчившегося в темноте дьявола, нашептывающего в его ухо. Но кто-то скорчившийся в темноте, шептал также в ухо Основателя этой нелепой Церкви. Было ли это создание дьяволом? Существо, которое пришло к нему, Сэмюэлю Клеменсу, сказало, что остальные его собратья являлись злобными дьяволами, и

что оно хочет спасти людей.

Дьявол должен был сказать что-то подобное этому, несомненно.

— Могу я надеяться, что мои слова коснулись вашего слуха? — осторожно спросил Геринг.

— Да. И в результате этого касания у меня разболелся живот.

Геринг стиснул кулаки и сурово сжал губы.

— Следите за собой, вы рискуете растерять свою любовь, — сказал Сэм и пошел прочь.

Но он не ощущал себя триумфатором. У него действительно заболел живот. Несокрушимое невежество всегда огорчало его, и все, что он мог сделать — только посмеяться над ним.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Наступил полдень следующего дня. Сэм Клеменс и Джон Ланкастер спорили все утро. Наконец Сэм, потеряв терпение, сказал:

— Мы не можем допустить, чтобы Хаскинг лишил нас бокситов! Мы не можем допустить остановку строительства Корабля! Вы делаете все, чтобы вызвать войну между нами и Соул Сити! Это опасный путь, Ваше Величество!

Сэм шагал взад и вперед по комнате своего восстановленного дома, яростно жестикулируя. Джон сидел, облокотившись о круглый дубовый стол, по-прежнему украшавший «капитанскую рубку». Джо Миллер развалился в углу комнаты в огромном кресле, специально изготовленном для него. Массивная фигура Закскром-ба, гигантского древнего монголоида, возвышалась за спиной Джона.

Внезапно Сэм грохнул обоими кулаками по дубовой крышке стола. Наклонившись вперед, с сигарой, свисавшей из угла рта, он уставился на Джона налитыми кровью глазами и закричал:

— Вы поклялись соблюдать наши законы, когда подписывали Великую Хартию! Вы клялись

на кресте, что будете уважать закон! Ну, ладно, король Джон, Ваше Величество! Если вы не извинитесь перед Абдуллой, я созову экстренное заседание Совета и поставлю вопрос о вашем пребывании на посту консула Пароландо!

Целую минуту Джон сердито разглядывал Сэма. Затем он пожал плечами и сказал:

— Эти угрозы меня не пугают. Но они доказывают, что вы скорее ввергнете нашу страну в пожар гражданской войны, чем допустите военный поход на Соул Сити. Я не понимаю этого безумия, но, как человек здравомыслящий, вынужден считаться с обстоятельствами. Итак, я готов извиниться. Почему бы нет? Король может быть вежливым даже с простолюдином. Ведь это ничего не стоит.

Джон поднялся и вышел, сопровождаемый своим молчаливым телохранителем.

Десятью минутами позже Сэм наблюдал, как Джон принес свои извинения. Абдулла принял их, не сказав, правда, ни слова. Это доказывало, что ему были даны соответствующие распоряжения.

Перед тем, как гудки фабрик подали сигнал об окончании перерыва на ленч, пришел Айзи Кабер. Он сел, не дожидаясь приглашения Сэма.

Сэм удивленно поднял брови — такое случилось впервые за все время его знакомства с Кабером. В поведении негра было что-то неуловимое, с ним явно происходили какие-то изменения. Тщательно наблюдая за собеседником, Сэм понял, что этот бывший раб решил больше не быть рабом.

Кабер знал, что он назначен посланником в Соул Сити. Он сидел наклонившись вперед, огромные черные руки лежали на дубовых подлокотниках кресла. Негр говорил на эсперанто, но, как многие люди, часто путал глагольные времена и вставлял английские слова.

В Пароландо было около трех тысяч чистокровных негров (некоторые затруднения с определением расы возникали в случае представителей доисторических народов). Треть из них согласилась переселиться в Соул Сити — в обмен на граждан, которых Хаскинг рассматривал как нежелательных. Большинство из этой тысячи составляли американские негры конца двадцатого столетия. Остальные, решившие остаться, заявляли, что им нравится работа, позволяющая находиться на равной ноге с белыми, и что они не хотят потерять шанс попасть в команду Корабля.

Сэм подумал, что последняя причина была, очевидно, наиболее весомой. Не только он видел

чудесные сны о гигантском сказочном Корабле. Корабль плыл в мыслях многих идей, подобно прекрасной драгоценности, свято лелеемой мечте.

Файбраса и его людей снова пригласили в комнату переговоров. Файбрас пришел последним — он увлеченно изучал конструкцию аэроплана. Он отпустил несколько добродушных шуток по поводу медлительности и необычного вида летательного аппарата. Но было заметно, что он завидовал фон Ритгофену, который вскоре поднимается на этой машине в воздух.

— Не огорчайтесь, — сказал Сэм, — у вас тоже будет возможность полетать. Конечно, при условии, что вы немного задержитесь у нас.

Файбрас снова стал серьезным.

— Итак, джентльмены, какое вы приняли решение по поводу предложений моего правительства?

Сэм взглянул на Джона; тот согласно кивнул.

— Тут демократическое государство, — начал Сэм, — и мы не можем предложить нашим гражданам убираться прочь — если только их поведение не представляет опасности для общества. Таким образом, мы решили, что любой гражданин Пароландо может переселиться в

Соул Сити только руководствуясь собственным желанием. Вашему правительству предоставляется право вести переговоры по этому поводу с любым жителем Пароландо. Что касается ваших арабов и дравидов, то мы готовы предоставить им возможность проживания в нашей стране. Однако за нами сохраняется право отказать любому из них, — если он не согласен работать и соблюдать законы Пароландо. Куда они пойдут в таком случае — их дело.

— Хорошо, — кивнул Файбрас. — Я полагаю, Хаскингу не нужны люди, какими бы черными они ни были, которые не хотят жить в Соул Сити.

— Теперь поговорим о поставках сырья, — продолжал Сэм. — Будут ли они продолжаться в течение наших переговоров?

— Не могу сказать определенно, — ответил Файбрас. — Полагаю, что да, но я должен посоветоваться с Хаскингом. Но, конечно, вы должны продолжать поставки нам железа и оружия по установленной на настоящий момент цене, пока она не будет поднята.

— Я заметил, что вы сказали «будет поднята», а не «возможно, будет поднята», — сказал Сэм.

— Все, что я говорю, будет еще подтверждено — или опровергнуто — правительством Соул

Сити, — заявил Файбрас, усмехнувшись.

Сэм заметил, что Файбрас не стремится торопить события. По-видимому, он хотел оставаться в Пароландо как можно дольше. У Сэма появилось подозрение, что их гость желает получить максимум информации о положении в стране и ее технических успехах. Это вселяло определенное беспокойство.

Позднее он обсудил этот вопрос с Джоном. Тот заметил, что Файбрас, возможно, является шпионом, но, по мнению экс-короля, причин для беспокойства не было.

— Им выгодно, чтобы Корабль был построен как можно быстрее, — сказал Джон. — Чем скорее это произойдет, тем скорее Хаскинг попытается захватить его. Или вы сомневаетесь, что Хаскинг попробует заполучить Корабль? Артур слишком поторопился с нападением, но он ненавидел меня. Ему следовало подождать, пока Корабль будет полностью готов, а затем навалиться на нас вместе с Клеоменом и ульмаками. Но Артур ошибся. Теперь он и Клеомен мертвы, а Иэясу вторгся в их страны.

— Наши разведчики сообщают, что нападение Иэясу имело успех, — сказал Сэм.

— Если он объединит свое государство с Клео-

меной и Новой Британией, то станет очень опасным врагом.

«Таким же опасным, как и ты, Джон Ланкастер», — подумал Сэм. — «Из всех людей, с которыми я имел дело за последний год, за тобой нужно присматривать наиболее тщательно».

Файбрас заявил, что он, вместе со своей делегацией, готов задержаться в Пароландо для проведения более детальных переговоров.

— Что ж, прекрасно, — сказал Сэм. — Однако у меня есть один вопрос.

— Какой же?

— Нам известно, что Соул Сити имеет собственную промышленность. Вы используете наше железо, чтобы делать оружие и еще кое-какие вещи, согласно донесениям наших шпионов.

Файбрас выглядел удивленным; наконец, он коротко рассмеялся.

— Вы перегибаете палку, приятель! — сказал он на английском. Затем продолжил на эсперанто. — Впрочем, почему бы нам не поговорить откровенно? Это мне нравится. Да, мы знаем, что в Соул Сити есть ваши шпионы — так же, как вам известно, что здесь находятся наши. Кто же не имеет разведчиков в землях своих соседей? Итак, о чем вы захотели меня спросить?

— В техническом отношении вы — наиболее компетентный из всех людей Хаскинга. Вы — доктор физики. В Соул Сити вы отвечаете за промышленное развитие страны. Вы нужны там — и тем не менее Хаскинг послал вас сюда.

— Я так наладил производство, что оно двигается достаточно гладко. Сейчас нет необходимости в моем постоянном присутствии в Соул Сити и мне стало скучно. Я сам захотел отправиться в вашу страну.

— Итак, вы решили увидеть своими глазами наши ружья, наш аэроплан и амфибию с паровой пушкой?

Файбрас усмехнулся и кивнул:

— Да, конечно. Мне интересно взглянуть на все это.

Сэм колебался. Наконец, он сказал:

— Ладно, вы можете смотреть все, что хотите. Вы не увидите ничего такого, что не могли бы сами спроектировать — может быть, только исключая паровое орудие. Это — мое изобретение. Пойдемте со мной, я покажу его вам. Оно уже почти закончено.

«Огненный дракон» еще окружал частокол бревен, поддерживающих корпус амфибии. Вездеход походил на небольшое судно, но с обеих сторон

его корпуса располагалось по семь огромных колес с пластмассовыми шинами. Длина амфибии составляла тридцать футов — при десяти футах ширины и двенадцати — высоты. На верхней палубе возвышались три башенки. Первая предназначалась для водителя, капитана и связиста (хотя пока в Пароландо еще не было радио). Центральная башенка была выше других; из нее торчал короткий и толстый орудийный ствол. В задней предполагалось разместить стрелков, вооруженных ружьями «Марк-1».

— Внутри вездехода установлен паровой котел, топливом для которого служит древесный спирт, — сказал Сэм. — Давайте войдем внутрь через этот люк. Обратите внимание, что котел занимает почти треть помещения.

Как вы сейчас поймете, такой мощный котел является совершенно необходимым.

Они вскарабкались по трапу в центральную башенку, которая освещалась электрической лампочкой. Файбрас издал удивленное восклицание. Это была единственная электрическая лампа в долине Реки — он не сомневался в этом. Сэм объяснил, что источником электроэнергии служит батарея.

— Теперь посмотрите сюда, — сказал он. — Вот

Сверхскорострельное Паровое Орудие моей конструкции.

Файбрас коснулся рукой металлического кожуха, форма и очертания которого напоминали пулемет времен первой мировой войны. Внизу кожуха торчала рукоятка, напоминавшая пистолетную, перед которой находился спусковой крючок. Вся конструкция была закреплена на массивной вертикальной трубе, позволяющей поворачивать ствол орудия. Файбрас положил ладонь на рукоятку и несколько раз поднял и опустил ствол.

— Здесь будет находиться кресло для стрелка, — продолжал Сэм. — Он сможет поворачивать башню в любую сторону с помощью ножных педалей. — По вертикали ствол можно поднять или опустить на двадцать градусов. Пар высокого давления, поступающий из котла, позволяет метать пластмассовые снаряды восьмидесятого калибра, содержащиеся в этой обойме. Пушка буквально поливает огнем противника. Собственно, это единственный способ ее эффективного использования, так как точность попадания легких пластмассовых снарядов, летящих со сравнительно небольшой скоростью, невелика.

Файбрас внимательно изучал конструкцию,

прислушиваясь к техническим пояснениям Сэма. Наконец, он поднял голову и сказал:

— Это впечатляет, старина!

Инженер не казался обеспокоенным демонстрацией военной мощи Пароландо. Вероятно, Файбрас считал, что сможет построить подобную машину для Соул Сити.

Возбуждение, охватившее Сэма при показе его смертоносного изобретения, исчезло. Он подумал, что если Хаскинг начнет интенсивно вооружаться, разгром Соул Сити и прямой захват месторождения бокситов станут неизбежной мерой. Это означало, что стоительство Корабля придется отсрочить. И это означало также нанесение удара еще по двум государствам — Публии и Тайфане, лежавшим между Пароландо и Соул Сити. Если все эти страны объединятся, то они будут представлять значительную угрозу. Каждая из них покупала в Пароландо стальное оружие в обмен на свою древесину или минералы.

Эти мысли мучали Сэма несколько дней, но действительность оказалась еще хуже. Иэясу завершил покорение земель своих соседей и направил посольство в Пароландо. Он не выдвигал требований, которые принципиально не могли быть приняты. Он только сообщил, что его страна

уже потеряла много деревьев и нужно дать им время снова вырасти. Но, если Пароландо увеличит поставки оружия, он готов платить за них древесиной, которую его войско может захватить в соседних областях. Например — за Рекой.

Итак, дело дошло до того, что Сэм мог нанять Иэясу для организованного грабежа древесины в любом ближайшем месте речной долины. Подобный способ был, несомненно, дешевым и совершенно безболезненным для жителей Пароландо, которые избавляли себя от грязной работы.

Король Джон считал предложение Иэясу превосходным.

— Наши фабрики могут легко увеличить выпуск холодного оружия, — сказал он. — Мы будем торговать им по хорошей цене — и, одновременно, построим целый флот «Огненных Драконов». Тогда мечи и копья, которые мы даем соседям, не будут представлять угрозы для нас.

— Но когда же мы начнем строительство Корабля? — с тоской спросил Сэм.

Никто не мог дать ему ответ. Но прошло еще несколько дней и его главные инженеры — Ван Бум, Величко и О'Брайен — принесли ему первые чертежи. Они были выполнены на пластиковых

листах специальными магнитными ручками, что позволяло легко править наброски.

Файбрас сказал, что хотел бы принять участие в строительстве Корабля. Разрешение было дано, хотя Джон вначале сильно упирался. Сэм заявил, что чем большее количество инженеров окажут им помощь, тем быстрее будет построен Корабль. И он не видит, каким образом знания Файбраса — сколь бы обширными они ни были — могут помочь ему похитить огромное судно. Однако Сэм не сказал, что у него появился новый план относительно Файбраса. Он хотел настолько вовлечь инженера в дела строительства, чтобы тому показалось совершенно естественным предложение занять место среди команды Корабля.

Станки, необходимые для изготовления громоздких деталей корпуса, были уже готовы. Неделей позже закончились работы на дамбе и воды Реки заполнили обширный котлован. Завершалась намотка алюминиевой проволоки на роторы генераторов, которые предполагалось установить на дамбе. Действующий макет батакайтора предполагалось запустить через месяц — если хватит сырья и материалов.

С севера пришли новые вести. Пятьсот миссионеров Церкви Второго Шанса попросили

убежища в Пароландо. Иэясу изгнал их из своего нового государства, угрожая страшными пытками, если они осмелятся вернуться назад. Это сообщение пришло к Сэму с опозданием — он целые дни пропадал на дамбе.

Миссионеры, уже вступившие на территорию Пароландо, отказались уйти, получив приказ Джона. Когда Джон Ланкастер услышал это, он угрюмо усмехнулся и пробормотал свое излюбленное проклятье: — В пасть дьявола их!

На дамбе Сэм наблюдал за закладкой в стены нескольких тонн взрывчатки. Это был последний трюк — последняя самоубийственная хитрость, которую он готовил на случай успешного вражеского вторжения.

Фон Ритгофен, запыхавщийся от бега по холмам, сообщил Сэму о приближении миссионеров и их отказе убраться за границы страны. Он ничего не сказал о Джоне.

Сэм велел Лотару передать миссионерам, что он навестит их вечером. Пока же пришельцы должны были ждать его, не удаляясь более чем на двадцать ярдов от грейлстоуна, у которого они расположились. Минуту Сэм боролся с искушением послать солдат с приказом выдворить эту орду за границу Пароландо — и, если понадобится, не

жалеть зуботычин и бамбуковых палок. Он был разгорячен, покрыт потом и цементной пылью, и в этот момент сторонники Церкви Второго Шанса были ему особенно антипатичны.

Грохот камней и железных балок, которыми обкладывали камеры для взрывчатки, крики людей, шум воды, падающей в котлован с бетонных желобов плотины, заглушили звуки стрельбы, начавшейся через полчаса. Сэм не знал ничего, пока фон Ритгофен снова не прибежал к нему, размахивая руками и что-то горомко крича.

Сэм почувствовал, как у него отнялись руки и онемел язык. Джон велел проверить новые ружья, «Марк-1», на толпе миссионеров. Сотня стрелков перебила пятьсот мужчин и женщин за три минуты. Джон сам стрелял раз десять и использовал все свои снаряды, чтобы добить раненых.

Пощадили только около тридцати женщин, наиболее хорошеньких. Их отвели во дворец Джона.

С расстояния мили Сэм увидел большую толпу, собравшуюся вокруг грейлстоуна. Он послал Лотара вперед, чтобы тот расчистил путь. Толпа расступалась перед ним, открывая дорогу к груде нагих мертвых тел. Они были свалены друг на

друга подобно говяжьим тушам, покрытые кровью, с переломанными костями и огромными ранами, которые оставили крупнокалиберные снаряды. За девяносто семь лет, прожитых Сэмом, он так и не смог привыкнуть к ужасающему безмолвию смерти. Казалось, оно нависло над толпой подобно невидимому леденящему облаку. Разинутые рты, из которых больше не вырвется ни слова, выпученные невидящие глаза, изломанные тела...

Он понимал, что завтра эти люди, живые и здоровые, очнутся где-то далеко на берегах Реки. Это, однако, не уменьшало ужаса произошедшего; разум и знание отступали перед чудовищной нелепостью смерти.

Джон отдавал приказы о доставке трупов на перерабатывающие фабрики. Увидев Сэма, он усмехнулся и спрятал глаза, подобно нашкодившему мальчишке.

— Это убийство! — закричал Сэм. — Убийство! Ничем не оправданное! Непростительное! Зачем ты сделал это, кровавая скотина? Ты —зверь, жаждущий человеческой крови! Свинья! Свинья! Свинья!

Улыбка сползла с лица Джона, он сделал шаг назад, сжимая кулаки. Его телохранитель, вели-

кан Закскромб, вооруженный огромной дубовой палицей, двинулся к Сэму.

— Не подходите! — кричал фон Ритгофен. — Оставайтесь на своих местах, или я позову Джо Миллера! А первого человека, который сделает шаг к Сэму, я пристрелю сам!

Сэм оглянулся. Лотар держал в руках ружье, направив ствол в грудь Джона. Лицо Джона залила бледность, его губы дрогнули.

Позднее Сэм сожалел, что Лотар не выстрелил сразу. Хотя сотня вооруженных ружьями головорезов состояла из людей Джона, они могли струсить, если бы их предводитель был убит. Их окружала толпа вооруженных мужчин и женщин, большинство которых не поддерживали Джона; кроме того, эти люди были разгневаны бойней, устроенной экс-королем. Даже если бы приспешники Джона решились стрелять, Сэм мог броситься на землю и почти наверняка остался бы невредимым после первого залпа. И кто знает, что случилось бы потом?

Однако он не отдал приказа Лотару.

Тем не менее, он должен был принять какое-то быстрое и действенное решение. Если Джон спокойно уйдет отсюда, то он, Сэм Клеменс, потеряет уважение людей Пароландо. Это будет концом его

консульства — и концом строительства Корабля.

Он огляделся, слегка повернув голову и стараясь не выпускать Джона из поля зрения. Огромные темные глаза и бледное лицо Ливи мелькнули перед ним; казалось, она сейчас упадет в обморок. Не обращая внимания на нее, Сэм обратился к Сирано де Бержераку, стоявшему рядом с женщиной с обнаженной шпагой в руке.

— Капитан де Бержерак! — позвал Сэм, указав на Джона. — Арестуйте консула!

Джон держал ружье, но его дуло было направлено вверх. Он сказал нерешительно:

— Я протестую. Я говорил им, чтобы они ушли, но они отказались. Только тогда я велел стрелять. Да, они убиты. Но какое это имеет значение? Завтра все эти люди оживут.

Сирано, чеканя шаг, подошел к Джону, остановился перед ним, отдал салют шпагой и сказал:

— Ваше оружие, сэр.

Закскромб поднял свою палицу.

— Не надо, Зак, — сказал Джон Ланкастер, — в соответствии с Хартией, один консул может арестовать другого, если он считает, что тот совершил противозаконное деяние. Я не долго буду под арестом.

По-прежнему держа ружье дулом вверх, он

протянул его Сирано. Затем расстегнул пояс, к которому были подвешены меч и кинжал.

— Я возвращаюсь в свой дворец,— сказал он, обращаясь к Сэму, — и буду там находиться, пока вы станете решать мою судьбу. Согласно Хартии, вы должны созвать Совет не позже часа после ареста и принять решение в течение двух часов — чтобы не вызвать народного волнения и междуусобицы.

Он двинулся прочь, сопровождаемый де Бержераком. Люди Джона мгновение колебались, но, повинулясь команде Закскром-ба, последовали за своим предводителем. Сэм пристально смотрел им вслед. Он ожидал большего сопротивления. Очевидно, Джон хорошо представлял, какие меры предпримет Сэм Клеменс, чтобы не потерять лицо. Он знал Сэма и был уверен, что тот будет избегать решения, которое могло бы привести к гражданской войне и создать опасность для строительства Корабля.

Итак, Джон подчинился. Джон не хотел раздувать вражду. По крайней мере, сейчас. Он удовлетворил свою жажду к кровопусканию. Члены Совета могли считать его действия вполне правомочными с точки зрения закона. Конечно, эти действия не вязались с гуманностью и мо-

ралью. Однако и по этому вопросу сторонники Джона могли спорить. В конце концов, убитые завтра встанут живыми, а урок, полученный приверженцами Церкви Второго Шанса, поистине неоценим. Теперь появляется возможность очистить Пароландо от этих фанатиков. И Клеменс, положа руку на сердце, готов был признать, что такая мера крайне желательна. Если проповедники Церкви будут продолжать свою работу, то Корабль никогда не удастся построить. Более того, другие государства, менее ослабленные философией и духом Церкви, вторгнутся в Пароландо и захватят страну.

Таким образом, сторонники Джона могли заявить, что мучительная смерть людей не является нарушением закона. Отсюда следовало, что лучшим средством избавления раненых от мучительной боли является их убийство — ведь убийство лечило все раны и болезни. Тогда и изнасилование нельзя было считать преступлением. Ведь, в конце концов, женщина оставалась бесплодной, а причиненные ей боль и ранения легко исцелить — достаточно убить ее и все будет в порядке на следующее утро.

Итак, размышлял Сэм, в данном случае состав преступления определяется не столько убий-

ством человека, сколько нарушением его прав. Убийство означало, что человек, без его согласия, будет перенесен куда-то на берега Реки. Возможно, в место настолько отдаленное, что даже за тысячу лет он не сможет вернуться обратно. Убийство отнимало у человека любимую женщину, друзей, дом... Насилие оставалось насилием — в каких бы необычных обстоятельствах оно ни применялось.

— Сэм, о Сэм! — голос Ливи прервал его размышления. Он повернулся. Ливи была смертельно бледной, но, очевидно, полностью владела собой.

— Сэм! Что будет с женщинами, которых он приказал увести к себе?

— Где была моя голова? — громко воскликнул он.—Лотар, идите за ними! — Заметив десятифутовую фигуру Джо Миллера, пересекающего равнину, он замахал руками, приказывая гиганту повернуть и перехватить отряд Джона. Лотар отдал команду — и сотня только что прибывших лучников последовала за ним.

Сэм бежал сзади, но около большого бревенчатого здания дворца он замедлил бег и почти остановился. Джон понимал, что если его соправитель забыл о похищенных женщинах, то

скоро он о них вспомнит. Джон готов был предстать перед Советом по обвинению в убийстве, так как вполне мог выиграть дело. Но если Сэм попытается отнять этих женщин, то терпение Джона может лопнуть. В ярости он прикажет уничтожить их — и тогда гражданская война в Пароландо неизбежна.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сэм увидел около тридцати женщин, выходивших из открытых ворот дворца, и понял, что Джон решил исправить свою ошибку. Задерживая женщин, он рисковал быть обвиненным в похищении — преступлении, гораздо более тяжком, чем убийство в этом поставленном вверх дном мире. Теперь он отпустил женщин невредимыми и предъявить ему подобное обвинение было бы довольно сложно.

Сэм окинул взглядом женщин, остановился — и ему показалось, что его сердце остановилось тоже. Среди женщин была Гвиневра!

Лотар, выкрикивая имя девушки, устремился к ней. Она тоже побежала к нему, широко раскинув руки. Наконец, они встретились и обнялись.

После минуты слез, поцелуев и объятий, девушка оттолкнула Лотара и пошла к Сэму. Наблюдая сцену встречи, он выругался, но винить он мог только себя. Если бы он показал Гвиневре, что хочет ее, девушка никогда не предпочла бы фон Ритгофена. Почему он не взял ее к себе раньше? Почему его мозг замкнулся на идее, что Ливи может когда-нибудь вернуться к нему — и если

он возьмет сейчас другую женщину, это возвращение станет невозможным? Почему он проклят этой любовью?

Гвиневра поцеловала его, и бегущие по ее щекам слезы упали на его грудь. Затем она пошла обратно к Лотару, оставив Сэма Клеменса наедине с его проблемой — что делать с Джоном Ланкастером.

Сэм вошел в ворота, сопровождаемый по пятам Джо Миллером. Минутой позже его нагнал фон Ритгофен. Он ругался сквозь стиснутые зубы и невнятно бормотал по-немецки: «Я убью этого мерзавца!».

Сэм остановился и повернулся к летчику.

— Уходите отсюда! Я тоже взволнован, но могу контролировать себя. Вы находитесь в логове льва, и если попытаетесь сделать что-нибудь, он прикончит вас и заявит, что защищался. Он любит такие вещи.

Лотар колебался; наконец, он сказал:

— Но вы останетесь здесь только с одним Джо!

— Я бы не упоминал Джо как только одного! Кроме того, если бы вы не были так заняты с Гвен, то могли бы слышать мой приказ войскам. Если я не выйду обратно через пятнадцать минут, они должны взять дворец штурмом и уничтожить

тут все живое.

Сэм подтолкнул летчика обратно к воротам и двинулся к большому зданию, возвышавшемуся посередине двора, обнесенного частоколом из сосновых бревен. Шарки, один из телохранителей Джона, попытался заступить ему дорогу, но Сэм даже не замедлил шага. Низкое рычание раздалось за его спиной, и огромная рука, покрытая рыжими волосами, отбросила в сторону стокилограммовое человеческое тело, как перышко.

— Однажды я прикончу тебя! — прошипел Шарки на английском.

Джо медленно повернул голову, как боевую башню военного корабля; его чудовищный нос уставился на противника подобно орудийному стволу.

— Да? Ты не шутишь, парень?

— Очаровательная острота, Джо, — шепнул Сэм. — Мое влияние, не сомневаюсь.

— Я не так туп, как думаете вы, люди.

— Ты, безусловно, прав, дружище.

Его ярость утихла. Он понимал, что даже присутствие Джо не гарантирует его безопасности. Однако он полагал, что Джон не рискнет заходить слишком далеко. Ему тоже хотелось получить Корабль.

Джон сидел за большим круглым дубовым столом, окруженный дюжиной своих приверженцев. Гигант Закскромб стоял за спинкой его кресла. Все держали в руках глиняные кружки, в комнате пахло табаком и виски. Плотные занавеси прикрывали окна; несколько сосновых факелов дымно чадили на стенах.

Сэм остановился, достал сигару из маленькой сумки, висевшей на его поясе, и зажег ее. Его рука дрожала, это сердило его и увеличивало раздражение против Джона.

— Ну что ж, прекрасно, Ваше Величество! — сказал он, выпуская клуб дыма. — То, что вы с гнусной целью захватили чужих женщин, достойно сожаления. Но как посмели вы коснуться Гвиневры? Она — гражданка этого государства! Боюсь, что вы сунули голову в петлю, Джон — причем я выражаюсь отнюдь не фигурально!

Джон плеснул виски в свою кружку и мягко сказал:

— Я приказал увести этих женщин ради их собственной безопасности. Толпа была в ярости, люди хотели растерзать этих миссионеров. А Гвиневра попала в их число по ошибке. Я найду виновного и накажу его.

— Джон, — сказал Сэм, — все это напоминает

мне объяснение бродяги в полицейском участке, как чужой кошелек случайно очутился в его кармане. Я не верю ни единому вашему слову. Вы лгун. Вы обманывали в прошлом и настоящем, и, несомненно, продолжите это занятие в будущем. Но вы — не ординарный обманщик. Вы — наглый лжец, и любой другой представитель этой породы выглядит рядом с вами не опаснее Санта Клауса.

Лицо Джона налилось кровью. Закскромб что-то рявкнул и поднял свою палицу. За спиной Сэма раздалось предостерегающее ворчание Джо.

Джон сделал глубокий вдох и сказал, приятно улыбаясь:

— Та небольшая кровь, которую пришлось пролить, выбила вас из колеи. Но это пройдет. Вы ведь не можете опровергнуть мои слова, не так ли? Перейдем к другим делам. Вы уже приказали собрать Совет? В вашем распоряжении только два часа.

«Похоже, что ему удастся вывернуться», — подумал Сэм. Все, включая приверженцев Джона, знали, что он лгал. И, тем не менее, ничего нельзя было сделать — если только не развязать гражданскую войну в Пароландо. А это означало, что в страну вторгнутся Публий Красс, Тай Фанг, Чернский и дикари из-за Реки — даже если такие

крупные хищники, как Иэясу и Элвуд Хаскинг, сохранят нейтралитет.

Сэм швырнул сигарету и вышел вон. Двумя часами позже его предположения подтвердились. Совет вынес официальное порицание Джону за излишнюю поспешность. Впредь в подобных ситуациях он должен был советоваться со своим соконсулом.

Нет сомнений, что такое решение изрядно развеселило Джона. Итак, он мог по-прежнему попивать виски, курить табак и марихуану, а также выбирать для себя женщин.

Однако его победа была неполной. Все в Пароландо знали, что Сэм Клеменс приструнил Джона, что он вошел в его дворец с одним телохранителем, освободил женщин и оскорбил Джона прямо в лицо. Джон понимал все это; его триумф стоял на глиняных ногах.

Сэм просил согласия Совета на полное изгнание сторонников Церкви из страны — для их же безопасности. Но некоторые советники указали, что это было бы незаконно; подобная мера требует изменения Хартии. Кроме того, маловероятно, чтобы Джон предпринял какие-либо действия против Церкви после полученного им предупреждения.

Члены Совета прекрасно понимали, что Сэм пытается воспользоваться ситуацией и вытеснить миссионеров из Пароландо. Пожалуй, большинство — кроме некоторых упрямцев — разделяло позицию Сэма. Однако они были раздражены тем, что не могли ничего сделать с Джоном, и решили, по крайней мере, отстоять демократические принципы Хартии.

Сэм готов был держать пари, что пережившие побоище убегут из Пароландо как из ада. Но они пожелали остаться. Резня убедила их, что эта страна нуждается в проповеди милосердия. Геринг затеял строительство нескольких больших хижин для прибывшего к нему пополнения. Сэм наложил запрет на строительство. Пароландо итак почти лишилось собственной древесины. Геринг прислал сообщение, что строительство прекращено, женщин разместят в старых домах, а он сам и его единоверцы-мужчины будут ночевать под открытым небом. Сэм выругался и, выпустив клуб сигарного дыма в лицо посланцу Геринга, сказал, что у этого мира есть один больший недостаток — пневмония в нем не смертельна. Потом он испытывал стыд, но сердце его не смягчилось. Он не мог лишить топлива свои печи и горны ради нескольких фанатиков.

Сэм чувствовал себя расстроенным; но к вечеру он получил еще два сообщения, от которых земля разверзлась под его ногами. Первое гласило, что Одиссей ночью исчез со своего корабля, который уже возвращался в Пароландо. Никто не знал, что с ним случилось; поиски не дали результатов. Второе сообщение касалось Уильяма Грейвела — человека, который шпионил за Джоном. Его нашли у подножия горы с разбитым черепом.

Каким-то образом Джон смог найти и уничтожить шпиона. Сэм с ненавистью представил себе ухмылку экс-короля. В официальном порядке Сэм не мог преследовать Джона за убийство своего разведчика; никому не следовало знать, что Грейвел был его человеком.

Сэм вызвал фон Ритгофена, де Бержерака и прочих, считавшихся его сторонниками. Хотя в его отношениях с Бержераком имелась определенная напряженность из-за Ливи, тот все же предпочитал Клеменса Джону, с которым он не раз вступал в перепалку.

— Исчезновение Одиссея можно было бы считать случайным совпадением, — сказал Сэм. — Но это, плюс смерть Грейвела, убеждает меня, что Джон нанес удар и приступил к уничтожению моих друзей. По-видимому, он попытается

прикончить вас одного за другим при таких обстоятельствах, когда никто не сможет предъявить ему обвинения. Сейчас он затихнет на некоторое время. Он хитер. Я думаю, от Одиссея избавились таким образом, что изучение места происшествия ничего не даст. Я не могу также обвинить Джона в гибели Грейвела, не раскрывая, что тот работал на меня. Итак, все, что я могу посоветовать вам — будьте осторожны. Избегайте ситуаций, в которых могут произойти неприятные случайности.

— Черт побери! — вскричал де Бержерак. — Если бы не ваш чудовищный закон, запрещающий дуэли, я вызвал бы этого ублюдка и проткнул его насквозь! Вы, мессир Клеменс, поторопились, принимая этот закон.

— Я был воспитан в стране, где дуэли считались общепринятым явлением, — сказал Сэм. — И сама эта идея отвратительна для меня. Если бы вы видели, к каким трагедиям... но не будем вспоминать. Я полагаю, что вы видели не меньше меня, но это не произвело на вас впечатления. Во всяком случае, можно ли вообразить, что Джон дал бы вам прожить достаточно долго, если бы опасался дуэли с вами? Готов держать пари, что вы быстро исчезли бы отсюда в результате какой-

нибудь случайности.

— Почему бы нам тоже не придумать тслучайность для Джона? — сказал Джо Миллер.

— Как сможем мы проникать сквозь живую стену его телохранителей? — возразил Сэм. — Нет, если с Джоном действительно что-то произойдет, то это будет подлинный, стопроцентный несчастный случай.

Он отпустил всех — кроме де Бержерака и Джо, который никогда его не покидал, если только не был болен.

— Пришелец сказал, что он выбрал двенадцать человек для похода на Туманный Замок, — сказал Сэм. — Вы, Бержерак, Джо, Ричард Бартон, Одиссей и я — это будет пять. Никому из нас неизвестно, где находятся остальные семеро. Теперь Одиссей пропал, и бог знает, увидим ли мы его когда-нибудь. Пришелец полагал, что все двенадцать соберутся на Корабле во время путешествия по Реке. Но, если Одиссей воскрес где-то на юге, в Низовьях, и очень далеко отсюда, он не успеет вернуться до окончания строительства Корабля. Это значит, что мы его окончательно потеряем.

Сирано пожал плечами и потер свой длинный нос.

— К чему беспокоиться? Или таково свойство вашей натуры? Нам известно, что Одиссей не умер. Возможно, он вступит в контакт с этим Таинственным Пришельцем — который, как заявил Одиссей, является женщиной, и, следовательно, его Пришелец может оказаться другим существом, не тем, которого встретили вы и я, — но черт побери! — я, кажется, отклонился в сторону. Итак, возможно, эта таинственная персона перенесет Одиссея в нужное место, где мы его найдем в свое время. Пусть этот призрачный ангел — или дьявол — заботится о подобных обстоятельствах. Наше дело — построить этот фантастический корабль и насадить на вертел любого, кто попытается нам помешать.

— Сэм много беспокоится, — сказал Джо. — Если бы он терял волосок каждый раз, когда он беспокоится, его голова уже была бы как колено.

— Истина глаголет устами младенцев... и бесхвостых обезьян, — ухмыльнулся Сэм. — Во всяком случае, если дела пойдут хорошо, сборка корпуса начнется через тридцать суток. День, когда мы закончим Корабль, будет счастливейшим в моей жизни. Даже когда Ливи наконец скажет мне «да», я не буду счастливее. ..

Он мог бы остановиться, но ему хотелось как-то

задеть Сирано. Француз, однако, не реагировал на его слова. Зачем? Ливи принадлежала ему; она говорила ему «да» в любое время. Бержерак продолжал свою мысль, как будто не слышал Сэма.

— Да, мы должны быть готовы проколоть любого. Такая идея не внушает мне восторга; я — мирный человек. Мне нравится иметь досуг, я люблю радости жизни. Я хотел бы покончить с войнами; единственное кровопролитие, которое я признаю, — поединок между благородными людьми, которые знают, для чего им даны шпаги. Но мы не можем построить это судно только своими силами, нам нужно сырье. И те, кто владеют им, требуют железо, и они не остановятся, пока его не получат. Поэтому я думаю, что Джон Ланкастер прав в одном отношении. Вероятно, мы должны начать войну, как только будем иметь достаточно оружия, и очистить оба берега Реки на протяжении тридцати миль. Тогда мы получим неограниченный доступ к запасам древесины, платины и бокситов...

— Но если вы сделаете это, если вы уничтожите всех обитателей ближайших стран, через день они будут заселены снова, — возразил Сэм. — Вы знаете, как происходит воскрешение. Посмотрите, как быстро появились люди в этой области,

хотя падение метеорита уничтожило все живое.

Сирано назидательно поднял длинный — и очень грязный — палец. Сэм подумал, что Ливи, вероятно, ведет целые сражения, чтобы заставлять француза мыться.

— Но! — сказал Сирано. — Но эти люди не будут организованы, и мы станем бесспорными лидерами. Мы сделаем их гражданами расширившегося Пароландо. Мы включим их в жеребьевку, которая определит экипаж судна. Я уверен, что таким способом мы построим Корабль еще быстрее.

— Не разделяю вашего мнения, — сказал Сэм. — Наши граждане готовы сражаться как дьяволы, потому что они имеют шанс попасть в команду Корабля. Но они не согласятся участвовать в захватнической войне. Любой из них может потерять жизнь; кроме того, наличие новых граждан уменьшит шансы выигрыша при жеребьевке. Это несправедливо.

Де Бержерак встал, его ладонь легла на рукоять рапиры.

— Вероятно, вы правы. Но день, когда вы вступили в соглашение с Джоном Ланкастером и убили Эрика — этот день был днем, когда вы начали создавать Корабль на крови, предательстве и жестокости. Я не порицаю вас, мой друг. Вы

не имели выхода, если вы хотели построить это судно. Но, начав действовать таким образом, вы не в состоянии отказаться затем от подобных же — или еще более жестоких — решений. Не можете, если хотите получить свой Корабль. Доброй ночи, мой друг.

Он поклонился и вышел. Несколько минут Сэм в молчании попыхивал сигарой. Затем он сказал:

— Я ненавижду этого человека! Он всегда говорит правду!

Джо, широко зевая, встал и пол скрипнул под тяжестью его

тела.

— У меня болит голова. И от этих тспоров я чувствую боль даже в животе. По-моему, это просто — или ты делаешь так, или иначе. Я пошел тспать.

— Если бы мои мотсги были в моем животе, я бы делал то же тсамое, — прошепелявил Сэм. — Джо, я люблю тебя! Ты прекрасен! Мир так прост! Проблемы клонят тебя в сон — и ты спишь! Но я...

— Доброй ночи, Тэм, — сказал Джо и вышел из комнаты. Сэм проверил запоры на наружной двери и убедился, что часовые, которых он поставил

вокруг дома, не спят. Затем он лег в кровать.

...Ему снова снился Эрик Кровавый Топор, который гнал его с палубы на палубу в самый трюм Корабля, и он пробудился от собственного крика. Джо склонился над ним, осторожно потряхивая его за плечо. Дождь барабанил по крыше, раскаты грома раздавались в отдалении над вершинами гор.

Джо немного посидел с ним и сделал кофе. Он положил полную ложку сухого порошка в холодную воду, и через три секунды горячий кофе был готов. Непостижимым образом кофейный порошок нагрел воду почти до кипения. Они прихлебывали кофе, Сэм курил сигару, потом они стали вспоминать о днях путешествия по Реке с Эриком и его викингами в поисках железа.

— Это было тсамое хорошее время, Тэм,—сказал Джо.— Тогда мы могли отдыхать и развлекаться. Сейчас не так. Тут тлишком много работы и тлишком много людей, готовых тсодрать с нас шкуру. И твоя женщина спит с этим большеносым Сирано.

Сэм хихикнул и сказал:

— Спасибо, Джо, за первую веселую минуту, что выпала мне за последние годы. Большеносый! Мой бог!

— Мои тшутки иногда тлишком тонкие даже для тебя, Тэм, — сказал Джо. Он поднялся из-за стола и отправился обратно в свою комнату.

Времени для сна оставалось уже немного. Сэм всегда любил понежиться в постели — даже когда он хорошо высыпался. Теперь он спал ночью не более пяти часов, хотя иногда устраивал себе днем сиесту. Всегда находился кто-нибудь, кому надо было решить спорный вопрос или получить указания по неотложному делу. Его инженеры далеко не всегда приходили к согласию по различным проблемам, и это беспокоило Сэма. Он полагал, что инженерия должна быть более определенным занятием. Перед вами стоит задача, и вы решаете ее самым лучшим способом. Но Ван Бум, Величко и О'Брайен, казалось, существовали в различных и плохо состыкованных между собой мирах. Наконец, оберегая себя от приступов раздражения и бесполезной траты времени, он предоставил решающее слово Ван Буму. Теперь они не беспокоили его по пустякам.

Тем временем во внешнем мире происходили важные события. Иэясу захватил не только область готтентотов, которая лежала на другом берегу Реки напротив его страны, но и девятимильную полосу территории ульмаков. Потом

он послал флот вниз по Реке — туда, где за ульмаками жили индийцы семнадцатого века. Этот район, в три мили длиной, также был захвачен и половина жителей уничтожена. Затем Иэясу поднял цену на древесину. Он также пожелал, чтобы ему построили амфибию, подобную «Огненному дракону».

Тем временем в Пароландо кончались работы над вторым экземпляром «Огненного дракона». Пять сотен чернокожих жителей Пароландо переселились в Соул Сити — в обмен на равное число дравидов. Сэм отказался пока принять арабов; он настоял, чтобы первыми прибыли индийцы. Это не понравилось Хаскингу, но в соглашении не указывалось, какая группа должна переселяться первой.

Хаскинг, узнав от своих шпионов о требовании Иэясу, прислал письмо. Он тоже хотел иметь «Огненный дракон» и обещал расплатиться за него большими поставками минералов.

Публий Красс и Тай Фанг заключили союз и вторглись в область, лежащую на противоположном берегу Реки. Она была населена людьми каменного века, собранными из разных мест и времен, и занимала четырнадцать миль побережья. Обладая отличным стальным оружием и

превосходством в численности, захватчики перебили половину населения и обратили в рабство остальных. Они тоже подняли цену на древесину — правда, не так высоко, как Иэясу.

Шпионы докладывали, что Чернский, правивший четырнадцатимильной полосой побережья к северу от Пароландо, посетил Соул Сити. Результаты переговоров остались неизвестными, так как контрразведка Хаскинга действовала со стопроцентной эффективностью. Сэм послал в Соул Сити восемь черных шпионов и он знал, что Джон отправил туда как минимум дюжину. Однажды ночью из тумана вынырнул корабль и головы шпионов, были переброшены через стену, защищавшую Пароландо со стороны речного берега.

Поздно вечером Ван Бум явился к Сэму и сообщил, что Файбрас осторожно прощупывал его.

— Он предложил мне должность главного инженера на Корабле, — заявил Ван Бум.

— Он предложил вам это? — поразился Сэм, уронив из губ сигару.

— Да. Он не конкретизировал свои слова, но сказал достаточно, чтобы внушить мне эту мысль. Корабль будет захвачен людьми из Соул Сити, и я получу пост главного инженера.

— И что же вы ответили на это прекрасное предложение?

— Я посоветовал ему не напрягать бесполезно горло. Я сказал, что не имею причин нарушать верность вам, и что ваши предложения были не менее щедрыми. Я не собираюсь продавать вас, и если Соул Сити нападет на Пароландо, я буду защищать эту страну до самой смерти.

— Превосходно! — воскликнул Сэм. — Возьмите стакан, выпьем по глотку бурбона! И возьмите сигару! Я горд за вас, и горд за себя, поскольку смог внушить такую преданность. Но я хотел бы... я хотел...

— Да? — спросил Ван Бум, прихлебывая виски.

— Я хочу, чтобы вы не отказывали ему окончательно. Вы могли бы доставить нам много полезной информации.

Ван Бум поставил кружку на стол и встал. Его бронзовое лицо стало угрюмым. Он направился к выходу, бросив через плечо:

— Я не стану грязным шпионом!

— Вернитесь! — закричал Сэм, но Ван Бум резко захлопнул дверь. Сэм на минуту спрятал лицо в ладонях, затем поднял кружку Ван Бума и опрокинул ее в рот. Никто и никогда не скажет, что Самюэль Легхорн Клеменс потратил зря добрую

выпивку. Или даже плохую, не в этом дело. Хотя грейлстоуны производили продукцию только высшего качества.

Отсутствие в людях ощущения реальности всегда раздражало его. В то же время его охватывало противоположное чувство глубокого удовлетворения. Существуют неподкупные люди, и было приятно это сознавать.

По крайней мере, Сэм может не ждать неприятностей со стороны Ван Бума.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Посреди ночи смутное беспокойство пробудило го. Что, если Ван Бум солгал ему? Что, если умник Файбрас посоветовал Ван Буму пойти к Клеменсу и рассказать эту историю? Отличный способ лишить Сэма спокойствия и веры в лояльность его напарника! Но тогда Ван Буму следовало бы притвориться, что он согласен на предложение Файбраса.

— Я начинаю думать о людях так же, как король Джон, — сказал Сэм громко.

Наконец, он решил, что может вполне доверять Ван Буму. Инженер был упрям и отличался некоторыми странностями, вполне естественными у человека, полностью погруженного в научные и технические проблемы. Однако его моральные устои возвышались подобно Гималаям и были несгибаемы, как спинной хребет динозавра.

Работы на верфи шли днем и ночью. После установки бимсов началась сборка корпуса судна. Были изготовлены огромные электрические моторы и батакайтор, завершились работы по сборке кранов и прочих транспортных механизмов. Постройка кранов сама по себе являлась

очень сложной задачей; эти огромные подъемники двигались по рельсам чудовищной величины, их питала электроэнергия от прототипа батакайтора. Люди приходили за тысячи миль, приплывали в челноках, каноэ, на катамаранах и больших галерах, чтобы посмотреть на все эти чудеса.

Посовещавшись, Сэм и король Джон решили, что излишнее скопление пришлых представляет опасность для Пароландо. Среди такой массы народа разведчики соседних государств могли действовать особенно успешно.

— Кроме того, у наших соседей растет искушение украсть Корабль. Нам не следует вводить их в соблазн; у них и без того хватает грехов, — сказал Сэм.

Джон не улыбнулся. Вслед за Сэмом он поставил свою подпись на приказе, согласно которому из страны удалялось все пришлые — разумеется, кроме официальных послов. Однако это не предохранило от нашествия множества судов, курсировавших около побережья Пароландо в нейтральных водах. Тогда вдоль всего берега были возведены высокие земляные валы и каменные стены.

Конечно, оставалось немало возможностей

бросить любопытный взгляд на территорию Пароландо. Береговые оборонительные сооружения имели бреши для прохода кораблей, груженных лесом, рудой и кремнем. Кроме того, поскольку равнина повышалась к холмам, любознательные туристы могли лицезреть с середины Реки огромное скопление фабрик, гигантские конструкции кранов и верхнюю часть корпуса Корабля.

Спустя некоторое время поток любопытствующих стал иссякать. Слишком реальной была возможность попасть в жестокое рабство во время длинного пути. Прошло шесть месяцев. Запасы древесины в окрестностях подошли к концу. За три-шесть недель бамбук достигал порядочной высоты, но, чтобы дерево стало годным в дело, требовалось не менее шести месяцев. Все государства, на расстоянии пятидесяти миль от Пароландо вверх и вниз по Реке, едва могли наскрести древесину для покрытия собственных нужд.

Представители Пароландо устанавливали связи со все более удаленными странами и продавали им железную руду и оружие в обмен на древесину. Метеорит обладал огромной массой и уменьшение запасов руды не беспокоило Сэма. Однако работы в шахтах требовали множества

людей и материалов; из-за них центральная часть страны превратилась в бесплодную, заваленную щебнем, изрытую ямами местность. И чем больше дерева доставляли соседи, тем больше специалистов, машин и сырья приходилось бросать на производство оружия для торговли, отвлекая эти ресурсы от строительства Корабля. Все больше мужчин использовались в качестве матросов и охранников на кораблях флота, перевозящего древесину и руду. Часть судов арендовалась у соседей; оплата этих услуг также осуществлялась оружием и железной рудой.

Сэм мечтал о том, чтобы от рассвета до заката находиться на верфи; установка каждого нового элемента конструкции огромного Корабля доставляла ему удовольствие. Но у него было так много дел по управлению страной, что он мог забегать на верфь только на два-три часа за целый день. Он попытался переложить на Джона некоторые административные обязанности, но экс-ко-роль занимался только теми делами, которые были связаны с армией и способствовали усилению его власти.

Попытки уничтожения близких к Сэму людей больше не повторялись. Стража по-прежнему охраняла по ночам его дом, но все было тихо. Сэм

понял, что Джон, по-видимому, решил дождаться момента, когда Корабль будет почти готов.

Однажды Джо Миллер сказал:

— Тэм, может быть, ты ошибся натечет Джона? Может быть, он доволен, что тстанет вторым на Корабле — потсле тебя?

— Джо, может ли саблезубый поделиться добычей с волками?

-Что?

— Джон привык бить в точку. Короли старой Англии никогда не колебались при достижении своих целей. Единственное отличие между ними и нашим Джеком Потрошителем заключается в том, что эти достойные люди действовали открыто и с благословения святой церкви. Но Джон был столь плохим монархом, что после него в Англии возникла традиция не называть этим именем мальчиков королевского дома. И даже церковь, которая так терпимо относится к злу — если, конечно, его чинят высшие, — не смогла терпеть Джона. Папа наложил интердикт на весь народ и заставил Джона лизать свои башмаки подобно нашкодившему щенку. Но я уверен, что даже когда Джон целовал ногу папы, он ухитрился выпустить немного крови из его большого пальца. И после того, как папа в знак примирения

обнял Джона, ему не мешало бы проверить свои карманы.

Консувшись ладонью огромного волосатого плеча Джо, Сэм продолжал:

— Я пытаюсь растолковать тебе, что Джон не смог бы измениться, даже если бы пожелал этого. Он хорек в человеческом облике, вонючий скунс, кровожадная гиена...

Прикурив большую сигару, длиннее его носа, Джо задумчиво произнес:

— Ну, я не тснаю... Человек может итсмениться. Потмотри, что творит Терковь Второго Шанта... Потмотри на Геринга. Потмотри на себя... Ты рат-сказывал мне, что в твое время женщины носили одежду, покрывавшую их от шеи до лодыжек... и ты приходил в вотсторг, етсли мог увидеть крелетстную лодыжку... А теперь ты не очень втсволнован, если видишь...

— Я знаю, знаю! — вскричал Сэм. — Старые привычки и то, что психологи называют условными рефлексами, — все это может измениться. Поэтому я и утверждаю, что люди, до сих пор не избавившиеся от земных сексуальных и расовых предрассудков, не способны воспользоваться теми преимуществами, которые предлагает им Река... и этот мир. Человек может измениться,

но...

— Может? — сказал Джо, морща низкий лоб. — Но ты втсегда говорил мне, что втся жизнь человека, даже его вопросы и мытсли, определены задолго до его рождения. Как ты это натсывал? Да, филотсофия детерминитсма, вот как! Но, етсли ты тсчитаешь, что втсе движется определенным путем, что люди являются, так тказать, машинами, как можешь ты верить, что человек тспособен итсменить тсебя?

Сэм нахмурил густые брови, его голубовато-зеленые глаза сверкнули. Он чувствовал раздражение, но заставлял себя сдерживаться.

— Ну, что ж... — сказал он, — даже если моя теория приводит к противоречиям, значит, они были заранее предопределены. И тут ничего нельзя поделать.

— Тогда объятсни мне, во имя неба, какой тмысл говорить обо втсем этом? — воскликнул Джо, протягивая свою ладонь размером с добрую лопату. — Зачем вообще делать что-нибудь? Почему ты не бротсаешь тсвои дела?

— Потому что я ничего не могу поделать, — ответил Сэм. — Потому что в данный момент, когда столкнулись первые два атома этой вселенной, моя судьба была предопределена, все мои мысли

и действия были жестко детерминированы.

— Тогда ты не можешь отвечать за то, что ты делаешь, правильно?

— Правильно, — подтвердил Сэм. Но чувствовал себя несколько неуютно.

— Тогда Джон не может ничего поделать с тем, что он — подлый убийца и тскотина в облике человека?

— Да, ты прав. Но также и я ничего не могу поделать с тем, что презираю этого мерзавца.

— И я полагаю, что етсли бы некто, гораздо умнее меня, пришел и логичетски доказал тебе, что ты ошибаешься в тсвоей филотсофии, ты тказал бы: он ничего не может поделать с тем, что думает, что я ошибаюсь? Но на тсамом деле он ошибается. Просто ему предопределено думать так, как он думает?

— Я знаю, что я прав, — сказал Сэм, раскуривая сигару. — Этот гипотетический человек не мог бы переубедить меня, потому что его собственное мировоззрение не является следствием свободной воли. Свобода воли есть нечто несуществующее, подобно тигру - вегетарианцу.

— Но твое тсобственное мировоззрение тоже не является тледствием твободной воли.

— Правда. Мы все запрограммированы. Мы

только верим, что обладаем свободой воли.

— Тэм, ты тмеешься над людьми, которые, как ты говоришь, обладают нетсокрушимым невежеством. Ты тсам полон им, тсам!

— Великий создатель, избавь нас от бесхвостых обезьян, которые думают, что они стали философами!

— Потсмотри! Ты прибегаешь к откорблениям, когда не знаешь, что тказать! Откорбления, откорбления! Что толку от них?

— Вот именно, — сказал Сэм.

Джо ушел спать, не пожелав, как обычно, доброй ночи, и Сэм не остановил его. Он попался. Джо выглядел сущим кретином с его низким лбом, выступающими надбровными дугами, гигантским носом и гориллообразной челюстью. Но позади этих маленьких голубых глазок был человеческий мозг, одаренный несомненным интеллектом.

Джо намекнул ему, что его вера в предопределение является только попыткой оправдать его вину. Это задело Сэма более всего. Вину в чем? Вину за все плохое, что случилось с теми, кого он любил?

Но этот философский лабиринт вел в трясину. Или он верит в детерминизм потому, что не

хочет чувствовать себя виноватым, или же его ощущение вины предопределено механической сутью вселенной.

Джо был прав. Это — неразрешимый парадокс и нечего ломать над ним голову. Но если подобное направление мыслей некой человеческой особы было предопределено уже в момент столкновения двух первых атомов, то что он мог с этим поделать — он, Сэм Легхорн Клеменс, сиречь Марк Твен?

Он долго не ложился спать в эту ночь, но он не занимался делами. Он сидел в кресле, курил и пил смесь спирта с фруктовым соком.

Месяца два назад Файбрас как-то выразил удивление по поводу отсутствия в Пароландо спиртового производства. Сэм был огорчен. Он не знал, что можно делать спирт. Ему казалось, что единственным — и очень ограниченным — источником алкоголя являются только чаши.

Нет, сказал Файбрас. Разве инженеры не говорили ему? При наличии подходящих материалов — кислот, углекислого газа, уксусного альдегида — получаемую из древесины целлюлозу можно легко преобразовать в этиловый спирт. Это было общеизвестно.

Сэм потребовал объяснений от Ван Бума. Инже-

нер заявил, что у него достаточно хлопот кроме производства пойла для любителей прикладываться к бутылке.

Сэм, однако, велел выделить людей и материалы. В результате, впервые в истории Реки, было создано промышленное производство спирта. Этот новый вид индустрии в Пароландо не только осчастливил некоторых его граждан; спирт шел на -экспорт в обмен на древесину и бокситы.

Сэм поздно лег в постель и на следующее утро в первый раз проспал рассвет. Но днем же позже все пошло как обычно.

Сэм и Джон направили Иэясу послание, сообщая, что они будут рассматривать попытку вторжения в Землю Чернского или на территорию ульмаков как недружелюбный акт относительно Пароландо. Ответ Иэясу гласил, что он не собирается воевать с этими странами. Затем он вторгся в Землю Шешуба, расположенную севернее захваченных им территорий.

Шешуб, ассирийский князь, уроженец семнадцатого века до новой эры, был в свое время военачальником Саргона П. Подобно большинству людей, обладавших властью на Земле, он и в этом мире стал предводителем. Он упорно сражался с войсками Иэясу, но нападавшие имели

численный перевес.

Иэясу был только одной заботой. Существовало достаточно других, которые держали Сэма в постоянном напряжении днем и ночью. Хаскинг потребовал через Файбраса, чтобы Пароландо прекратило сидеть между двух стульев. Пора принять решение. Он, Хаскинг, желает получить, наконец, обещанную амфибию. Сэм попытался сослаться на технические трудности, но Файбрас заявил, что эта причина более не будет считаться уважительной. Итак, «Огненный Дракон» номер три был отправлен в Соул Сити.

Сэм нанес визит Чернскому, подтвердив, что его земли находятся под защитой Пароландо. На обратном пути, в полумиле от скопища фабрик, Сэм почувствовал, что задыхается. Он так привык жить в атмосфере, пропитанной смогом, что почти не замечал этого. За время пребывания в стране Чернского его легкие очистились, и, переступив границу Пароландо, он с отвращением вдохнул смесь дыма и пыли, приправленную газообразными отходами химических производств. Воздух был плотный и тяжелый; довольно сильный северный ветер не успевал развеивать облако смога. Нечего удивляться, подумал Сэм, жалобам обитателей Публии.

Но Корабль продолжал расти. Встав перед окном в своем кабинете, Сэм каждое утро смотрел на него, получая утешение за свой тяжкий труд и за вид расстилавшейся вокруг истерзанной, запакощенной земли. В ближайшие полгода будут завершены все три палубы и установлены огромные гребные колеса. Затем на нижнюю часть корпуса, соприкасающуюся с водой, наложат пластиковое покрытие. Оно не только предохранит дюралюминий от окисления, но и снизит сопротивление воды, добавив миль десять к скорости судна.

В течение этого времени Сэм получил добрые вести. В Селинайо, стране, расположенной к югу от Соул Сити, были найдены залежи вольфрама и иридия. Эту новость принес сам геолог-разведчик, никому не доверив ее передачу. Но он также принес и плохое известие. Селина Хэстингс отказалась предоставить Пароландо право разработки месторождения. Более того, если бы она знала, что изыскатель из Пароландо копается в ее горах, она немедленно вышвырнула бы его прочь. Она не хочет показаться недружелюбной; она любит Сэма Клеменса, как и всякое создание божие. Но она не одобряет Корабль и не желает, чтобы ресурсы ее земли облегчили строитель-

ство судна.

Сэм выругался. Вольфрам нужен для выплавки прочной стали, которая пошла бы на инструменты. Еще в большей степени в этом металле нуждалась развивающаяся радиопромышленность Пароландо. Иридий мог заменить платину при производстве научных приборов, хирургических инструментов, перьев и других необходимых орудий.

Таинственный Пришелец говорил Сэму, что он разместил в этой области запасы различных минералов (о чем его приятели этики не догадывались). Вместе с бокситами и платиной тут вполне могли быть вольфрам и иридий.

Но Икс допустил ошибку, и залежи этих двух металлов оказались на несколько миль южнее основного месторождения.

Сэм ничего не сообщил Джону. Ему было нужно время, чтобы обдумать ситуацию. Джон, конечно, потребует, чтобы металлы продавались Пароландо — под угрозой военного вторжения в Селинайо,

Пока Сэм расхаживал взад и вперед по своему кабинету, окутанный клубами сигарного дыма, он услышал грохот барабанов. Они использовали неизвестный ему код, но, спустя минуту, он

понял, что передается какое-то сообщение из Соул Сити. Еще через десять минут Файбрас уже поднимался по лестнице его дома.

— Правитель Хаскинг узнал об открытии залежей вольфрама и иридия в Селинайо. Он говорит: если вы достигнете соглашения с Селиной, — прекрасно. Но не вторгайтесь в ее земли. Он будет рассматривать это как объявление войны Соул Сити.

Сэм бросил взгляд в окно.

— Сюда идет Джон — Быстрая Нога, — сказал он Файбрасу. — Конечно, он тоже слышал новости. Его разведывательная система почти не уступает вашей, мой друг. Я не знаю, где дыры в моей системе, но они столь широки, что я давно бы потонул, если бы находился в лодке.

Джон ворвался подобно огнедышащему дракону. Его глаза пылали, лицо налилось кровью, от сигары валил дым. С тех пор, как в стране началось производство спирта, он еще больше разжирел и постоянно был наполовину пьян — кроме тех моментов, когда он был пьян в стельку.

— Что происходит? — прорычал он, вперив в Сэма мутный взгляд.

— Поведайте мне об этом, — сказал Сэм. — Ка-

жется, вам известно о подоплеке событий больше, чем мне.

— Избавьте меня от своих острот, — проворчал Джон. Не дожидаясь приглашения, он потянулся к бутылке и плеснул в кружку добрую кварту спиртного. — Я знаю, что барабаны передали сообщение, даже если я не знаю код!

— Мне известно не больше, чем вам, — ответил Сэм. Затем он сообщил Джону требование Хаскинга.

— Эти черные окончательно обнаглели, — проворчал Джон. — Но мы получим эти металлы, тем путем или этим! Селинайо в них не нуждается, а нам они необходимы! И мы готовы хорошо заплатить!

— Чем? — сказал Файбрас. — Селинайо не возьмет ни оружия, ни алкоголя. Чем же вы собираетесь платить?

— Миром — возможностью жить без войны!

Файбрас пожал плечами и усмехнулся, что еще больше рассердило Джона.

— Я полагаю, мы обсудим этот вопрос с Хаскингом и попытаемся решить его, — миролюбиво сказал Сэм. — Было бы так хорошо иметь, наконец, радио и телевидение...

Но Джон не был склонен к компромиссу. Уста-

вившись в лицо Файбраса тяжелым взглядом, он проревел:

— Дело с Селинайо — наше дело, и никто не должен в него соваться!

— Я передам это Хаскингу, — сказал Файбрас. — Но Хаскинг — сильная личность. Он не допустит, чтобы ему угрожали белые капиталисты и империалисты.

Сэм задохнулся, а Джон выпучил глаза.

— Да, да, так он вас называет, — продолжал Файбрас. — И он прав — если, конечно, исходить из его определения этих терминов.

— Он называет меня так, потому что я строю Корабль! — вскричал Сэм. — Но известно ли вам, для чего предназначается это судно, какова его задача...?

Он резко оборвал фразу, пытаясь взять себя в руки. Он едва не проговорился о Таинственном Пришельце!

— Задача? — с интересом спросил Файбрас. — Какая задача? Что вы хотите сказать?

— Ничего, — быстро ответил Сэм. — Абсолютно ничего. Я только хочу добраться до верховьев Реки, вот и все. Возможно, там кроется секрет этого безумия, кто знает? Одним словом, я использую метеоритное железо для строительства мирного

судна, предназначенного только для путешествия. Кто-либо другой мог бы использовать этот металл для агрессии и завоеваний, вместо моих туристских целей!

Он постепенно успокаивался, и его речь становилась все более плавной.

— Теперь перейдем к Хаскингу. Он постоянно повышает цены на сырье, и мы безропотно платим, хотя могли бы взять его силой. Был случай, когда Джон принес вам свои извинения. Если вы думаете, что Плантагенету легко это сделать, значит, вы плохо знаете историю. Хаскинг слишком нетерпим. Конечно, он ненавидит белых и мне трудно порицать его за это. Но здесь не Земля! Мы живем тут в совершенно других условиях!

— Но каждый человек принес сюда свой внутренний мир, — сказал Файбрас. — Свою ненависть и любовь, антипатии и привязанности, предрассудки, побуждения — все, все.

— Но люди могут измениться!

Файбрас усмехнулся.

— В соответствии с вашей собственной философией, никаких изменений быть не может, если они не запрограммированы изначально.

— Я не собираюсь сейчас спорить об этом, — сказал Сэм. — Я хочу сделать вам одно предложение.

Почему бы Хаскингу не нанести нам небольшой визит? Он мог бы все осмотреть, увидеть, чем мы заняты. Понять наши проблемы. Возможно, он проявит к ним больше сочувствия, когда убедится, что мы — не голубоглазые дьяволы, желающие поработить его.

— Я передам ему ваше предложение, — сказал Файбрас. — Может быть, он согласится.

— Мы приняли бы его с подобающим почетом, — продолжал Сэм. — Салют из двадцати одного залпа, парадный прием, вино, еда, дары и все такое. Он увидит, что мы не такие плохие парни, как он думает.

Джон выдохнул — пффф...— но ничего не сказал. Он знал, что предложение Сэма было разумным.

Спустя три дня Файбрас принес ответ Хаскинга. Он согласен нанести визит, если Пароландо и Селинайо договорятся относительно использования металлов.

Сэм почувствовал себя чем-то вроде старого ржавого котла на миссисипском пароходе. Если поднять давление еще на пару фунтов, он взлетит к небесам,

— Иногда я думаю, что вы правы, — сказал он Джону. — Возможно, нам следовало бы просто захватить эти земли — и покончить все споры!

— Конечно, — вкрадчиво произнес Джон.— Теперь ясно, что эта бывшая графиня Хантингтон — она, наверно, ведет род от эрла Хантингтона, моего старого врага — не даст нам ничего. Она фанатичка, твердый орешек, как вы любите говорить. И Соул Сити пойдет на нас, если мы вторгнемся в Селинайо. Хаскинг не откажется от своего слова. Теперь он сильнее, чем раньше — ведь мы дали ему «Огненного Дракона». Я не хочу вспоминать об этом; я не собираюсь вас упрекать... но я много раз размышлял по поводу этой неприятности.

Сэм прекратил шагать по комнате и внимательно посмотрел на Джона. Джон размышлял. Тени зашевелились в полумраке; кинжалы покинули ножны; в воздухе пахнуло ледяным дыханием интриги; ударила струей кровь.

— Я не искал контактов с Иэясу, нашим самым могучим соседом на севере, — продолжал Джон, откинувшись на обитую красной кожей спинку кресла и пристально изучая опрокинутую винную кружку. — Но я располагаю кое-какой информацией. Я уверен, что Иэясу, чувствуя себя достаточно сильным, мечтает захватить еще большую территорию. И он может сделать нам одолжение. За некоторую плату, конечно. Ска-

жем, амфибия и летающая машина?

— Если он нападет на Селинайо, Хаскинг не сможет иметь к нам претензий. Если Хаскинг и Иэясу сцепятся и Соул Сити будет разгромлен, а Иэясу потеряет много сил, разве это не пойдет нам на пользу? Кроме того, мне удалось узнать, что Чернский заключил секретное соглашение с Соул Сити и Тай-фаной на случай вторжения Иэясу в любую из этих стран. В результате всеобщей резни они ослабеют, а мы усилимся. Мы сможем взять их земли —либо, по крайней мере, делать все, что нам заблагорассудится, не опасаясь никакого вмешательства. Во всяком случае, бокситы и вольфрам попадут в наши руки.

Этот череп под шапкой рыжевато-каштановых волос населяли черви. Черви, которые питались предательством, интригами и обманом. Он был плутом и пройдохой, неподражаемым, восхитительным!

— Вам когда-нибудь удавалось загнать самого себя в угол? — спросил Сэм.

— Что? — с недоумением воскликнул Джон. — Еще одно из ваших заумных оскорблений?

— Поверьте мне, оно гораздо ближе к комплименту — если я способен делать вам комплименты. Конечно, все, что вы сказали, — только

предположения. Но, представим себе, что Иэясу нападет на Селинайо; чем он сможет это объяснить? Селина Хэстингс никогда не задевала его; их страны разделяет шестьдесят миль.

— Нужно ли искать причины для нападения? Сильный всегда прав, — произнес Джон. — Но если вам угодно... например, Селина продолжает посылать миссионеров в земли Иэясу, хотя он гонит их прочь... Должно же когда-то лопнуть его терпение.

— Ну, — сказал Сэм, — я не могу допустить, чтобы Пароландо вмешивалось в подобные авантюры. Но если Иэясу примет решение по своей воле, то что же тут поделаешь?

— И вы еще называете бесчестным меня!

— Тут ничего нелязя поделать! — повторил Сэм, стиснув в кулаке сигару. — Ничего! И если события станут развиваться таким образом, мы воспользуемся нашим преимуществом!

— Грузы из Соул Сити могут задержаться, пока идет война, — сказал Джон.

— У нас достаточно запасов, чтобы продержаться неделю. Труднее всего будет с древесиной. Возможно, Иэясу обеспечит непрерывные поставки даже во время войны — ведь сражение произойдет на юге, далеко от нас. Мы могли бы

рубить деревья и перевозить их сами. Если у нас есть еще недели две до начала вторжения, мы успеем накопить большие запасы руды из Соул Сити, предложив им повышенную плату. Можно пообещать Хаскингу аэроплан, первую модель. Это только игрушка — тем более сейчас, когда почти готов наш первый самолет-амфибия. Впрочем, о чем я говорю? Это все — не более, чем предположения, вы понимаете?

— Я понимаю, — коротко ответил Джон. Он не пытался скрыть своего презрения.

Сэм ощутил бешеное желание заорать на него. Какое право имел этот выродок демонстрировать свое презрение? В конце концов, идея принадлежала ему.

На следующий день погибли лучшие инженеры Пароландо — все трое.

Сэм был там, когда это случилось. Он стоял на строительных лесах, что тянулись вдоль правого борта судна, и глядел вниз, в огромное и пустое чрево трюма. Мощный кран поднимал чудовищный электромотор, который должен был приводить в движение левое гребное колесо. В течение ночи мотор доставили из мастерской, где он был собран. С помощью лебедки и канатов, которые тянули сотни людей, мотор погрузили

на большую платформу, которая двигалась по рельсам, и перевезли на верфь. Эта операция заняла больше восьми часов.

Сэм поднялся с рассветом, чтобы наблюдать завершающие работы — подъем мотора с помощью крана, его спуск в трюм и присоединение к оси, вращающей колеса. Три инженера стояли внизу, в трюме; огромный механизм раскачивался над их головами. Сэм крикнул им, приказывая отойти прочь; ситуация была крайне опасной. Инженеры расположились так, чтобы подавать команды человеку на лесах у левого борта; тот, в свою очередь, передавал их машинисту крана.

Ван Бум обернулся и с улыбкой посмотрел на Сэма; белые зубы сверкнули на темном лице. Его кожа отливала медью в свете огромных электрических ламп.

И тогда это случилось. Со звоном лопнул один трос, затем — другой, и мотор качнулся вправо. Инженеры замерли на мгновение — и бросились бежать, но было слишком поздно. Мотор рухнул вниз и раздавил их.

Страшный удар сотряс корпус судна, леса, на которых стоял Сэм, затряслись и заскрипели.

Из-под упавшего мотора хлынула кровь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Потребовалось пять часов, чтобы заменить тросы на кране, подцепить мотор и поднять его. Мертвые тела убрали, кровь вытерли; затем мотор был установлен на место. Проверка показала, что удар о корпус судна не повредил двигатель.

Сэм был так подавлен, что с удовольствием отправился бы в постель и не вылезал из нее неделю. Но он не мог себе это позволить. Работы должны продолжаться; множество людей смотрели на него и верили ему — нельзя показывать, насколько он угнетен.

Сэм располагал достаточным числом инженеров, но только Ван Бум и Величко были из второй половины двадцатого века. Он хотел бы найти еще специалистов из этого времени; но хотя он сделал устное объявление и передал его также с помощью барабанов, больше никого не удалось обнаружить.

На третий день Сэм попросил Файбраса зайти к нему домой. Предложив ему сигару и стакан виски, Сэм спросил, не желает ли он занять пост главного инженера Пароландо.

Сигара вывалилась изо рта Файбраса.

— Хотите сманить меня, старина? Я вижу, вы уже вошли в форму. Пытаетесь поставить на мой номер?

Сэм вздохнул и сказал:

— Может быть, перейдем на эсперанто?

— О, кей. Я готов спуститься на грунт. Так что же вы хотите?

— Я предлагаю вам работать на меня — предположим, временно.

— Временно?

— Если вы желаете, эта должность станет для вас постоянной. В тот день, когда корабль отправится в свой долгий путь, вы станете его главным инженером.

Длительное время Файбрас сидел молча. Сэм шагал взад и вперед по комнате. Иногда он бросал взгляд в иллюминатор. Мотор правого гребного колеса был уже установлен; теперь кран загружал в глубину корпуса громоздкие части батакайтора. Когда его смонтируют, гигантский аккумулятор будет возвышаться на тридцать шесть футов над трюмной палубой. Затем оба мотора подключат к батакайтору и проведут испытание. Двойной кабель

шестидюймовой толщины протянут на две сотни футов к ближайшему грейлстоуну. К его

концу присоединят большую полую полусферу, которая накроет вершину камня. Когда грейлстоун начнет генерировать свой чудовищный электрический разряд, энергия будет передана по кабелю в батакайтор и зарядит его. Затем энергию от аккумулятора подадут на моторы.

Сэм отвернулся от иллюминатора.

— Я не требую, чтобы вы предали свою страну, — сказал он. — Все, что вы сейчас должны сделать — испросить у Хаскинга разрешение работать на меня и строить корабль. Позднее вы можете обдумать возможность путешествия с нами. Что вы предпочтете? Останетесь в Соул Сити, чтобы предаваться приятному и бесцельному безделью? Или примете участие в величайшем приключении, которое может выпасть обитателю речной долины?

Файбрас медленно произнес:

— Если я приму ваше предложение — повторяю, если я его приму — то я не хотел бы занять должность главного инженера. Я бы претендовал на место главы ваших воздушных сил.

— Но это не такой важный пост, как главный инженер!

— Он очень ответственный и потребует напряженной работы. Кроме того, мне нравится мысль

о том, чтобы снова подняться в воздух и...

— Вы можете летать! Можете! Но вам придется служить под командованием фон Ритгофена. Понимаете, я обещал ему, что он станет начальником наших воздушных сил, которые будут состоять только из двух аэропланов. Что вам за дело, кто будет главным, если вы сможете летать?

— Это вопрос профессиональной чести. Я налетал на тысячи часов больше, чем Ритгофен. Я имел дело с самолетами гораздо более сложными и скоростными. Наконец, я был астронавтом. Я высаживался на Луне, на Марсе, на Ганимеде и достиг орбиты Юпитера.

— Это ничего не значит, — сказал Сэм. — Самолеты, на которых вы будете летать, очень примитивны. Они больше похожи на аэропланы времен первой мировой войны, которые пилотировал Лотар.

— Итак, ниггер должен знать свое место?

— Это нечестно! — вскричал Сэм. — Вы можете стать главным инженером! Под вашей командой будет тридцать пять человек! Вы получите звание капитана, обещаю вам! Только не заставляйте меня нарушать обещание Лотару!

Файбрас встал.

— Вот что я скажу вам. Я помогу строить ко-

рабль и обучу ваших инженеров. Но все это время я хочу еще и летать. Когда же придет срок отправляться в путь, мы вернемся к этому разговору.

— Я не нарушу своего обещания Лотару, — произнес Сэм.

— Пусть будет так. Но многое может случиться за это время.

Итак, одна проблема была решена, но зато в будущем маячила

другая. Барабаны донесли разрешение из Соул Сити использовать Файбраса. По-видимому, Хаскинг хотел, чтобы Файбрас как следует познакомился с судном; тогда, в некий день, он мог бы выполнить функции главного инженера Корабля для самого Хаскинга. Кроме того, в планы Файбраса, возможно, входило устранение фон Ритгофена — до того, как Корабль будет спущен на воду. Файбрас не выглядел подобно хладнокровному убийце, но внешний вид ничего не значил — как обнаружило бы любое разумное существо, прожив несколько лет с человеческой расой.

Тремя днями позже Хаскинг сообщил, что он согласен значительно увеличить поставки бокситов Пароландо в обмен на аэроплан. Файбрас перегнал его на тридцать одну милю, к северной границе Соул Сити, где другой летчик — негр,

который был генералом военно-воздушных сил США, принял самолет. Через несколько дней Файбрас вернулся обратно на парусном судне.

Батакайтор и электрические моторы работали превосходно. Вначале их опробовали на малой мощности, и гребные колеса начали медленно вращаться. Затем вращение ускорили так, что лопасти гигантских колес стали со свистом рассекать воздух.

Настанет время — и от верфи до речного берега будет вырыт канал; тогда огромный Корабль легко пройдет в Реку своим ходом.

У фон Ритгофена и Гвиневры возникли некоторые осложнения. Лотар имел репутацию «смертельного» мужчины, и он не мог вынести длительную связь. Как правило, это ему не удавалось и дело ограничивалось кратковременным флиртом. У Гвиневры было определенное мнение о взаимной верности, которое Лотар, в принципе, разделял — но только теоретически. Практика — вот где он спотыкался.

От Хаскинга пришло новое сообщение. Он намеревался нанести визит в Пароландо в течение двух ближайших дней. Он хотел провести ряд совещаний по поводу их торговых отношений, проинспектировать уровень жизни черных граж-

дан Пароландо и взглянуть на Корабль.

Сэм ответил, что будет счастлив принять Хаскинга. На самом деле, он не испытывал этого чувства, но суть дипломатии — притворство. Приготовление обиталища для Хаскинга и его многочисленной свиты, подготовка к совещанию так заняли Сэма, что он не имел возможности наблюдать за работами на Корабле.

Пришлось также заниматься приемом многочисленных судов с рудой из Соул Сити. Хаскинг прислал в три раза больше груза, чем обычно — по-видимому, чтобы продемонстрировать свою искренность, миролюбие и стремление к взаимопониманию. Сэм предпочел бы равномерное поступление грузов, но сейчас было необходимо сделать значительный запас руды на небольшой период времени. Шпионы сообщали, что Иэясу уже подготовил несколько крупных флотилий и собрал огромное количество воинов с обоих берегов Реки. И он отправил несколько посланий в Селинайо, требуя, чтобы экс-графиня перестала засылать миссионеров на его территорию.

Судно Хаскинга прибыло за четыре часа до полудня. Это был большой двухмачтовый корабль в сотню футов длиной с продольным парусным вооружением. Телохранители Хаскинга, рос-

лые черные молодцы со стальными боевыми топорами и ружьями модели «Марк-1», промаршировали по трапу. На них были черные юбки-кильты; шлемы, кирасы и башмаки из кожи речного дракона тоже имели черный цвет. Охранники выстроились в шесть рядов с каждой стороны трапа и тогда на сходнях показался сам Хаскинг.

Это был высокий, хорошо сложенный человек с темно-коричневой кожей, глазами с узким косоватым разрезом, широким сплющенным носом, толстыми губами и упрямым подбородком. Его прическа представляла образец «естественного» стиля. Сэм не привык лицезреть подобную шапку курчавых волос на голове негра. В этом таилось нечто бунтарское, непристойное; волосы негра должны быть коротко острижены. Это чувство не покидало его, хотя Файбрас объяснил, что для черных американцев второй половины двадцатого века подобный «естественный» стиль являлся символом борьбы за свободу. Для них коротко остриженные волосы ассоциировались с угнетением, которому подвергались черные со стороны белых.

Хаскинг носил черный плащ, черный китель и кожаные сандалии. Его единственное оружие —

стальная рапира в ножнах — висело на широком кожаном ремне.

Сэм подал сигнал — и орудие произвело двадцать один выстрел. Оно находилось на вершине холма на краю равнины. Салют был дан не только для того, чтобы оказать почести Хаскингу; предполагалось, что орудие произведет на него определенное впечатление. В долине Реки только Пароландо располагало артиллерией — включавшей, впрочем, единственную 75-миллиметровую пушку.

Последовали официальные представления. Хаскинг нё предложил руки ни Сэму, ни Джону, ограничившись легким наклоном головы. Оба вождя Пароландо были предупреждены Файбрасом, что Хаскинг обменивается рукопожатиями только с теми людьми, которых считает старыми испытанными друзьями.

Они беседовали о разных пустяках, пока чаши Хаскинга и его людей выставлялись на вершину ближайшего грейлстоуна.

После полудня, когда наполненные едой чаши были сняты с камня, главы государств, сопровождаемые их телохранителями и почетной стражей, направились во дворец Джона. Джон настоял, чтобы первая встреча происходила на его терри-

тории — несомненно, чтобы показать Хаскингу, кто первенствует в дуумвирате Пароландо. На этот раз Сэм не возражал. Файбрас, несомненно, проинформировал Хаскинга, как обстоят дела между Клеменсом и Джоном Ланкастером.

Итак, в ближайшие часы Сэм с угрюмым изумлением наблюдал, как экс-короля Англии поносили в его собственном доме. Хаскинг перехватил инициативу и завел скучнейшую язвительную речь о всех несчастьях, которые белые причинили черным. Было мучительно признавать, что обвинения Хаскинга во многом являлись справедливыми. Он говорил правду — Сэм был готов согласиться с этим. Дьявол, он сам видел что такое рабство, и он видел последствия Гражданской войны. Он родился и вырос в обществе рабов и рабовладельцев — намного раньше, чем Хаскинг появился на свет. Дьявол, ведь это он написал «Гекльберри Финна», «Простофилю Вильсона» и «Янки из Коннектикута».

Не имело смысла говорить Хаскингу о подобных материях. Хаскинг просто не обращал на него внимания.

Его голос зудел и зудел, мешая в кучу непристойные вымыслы и факты, преувеличенные фантазии и реальность, излагая мрачную исто-

рию нищеты, угнетения, убийств, унижений, издевательств и так далее, и так далее.

Сэм чувствовал вину, стыд — и, в то же время, гнев. Почему счет предъявлен именно ему? Что означает этот бессмысленный обвинительный акт?

— Вы все виновны, все! — кричал Хаскинг. — Виновен каждый белый человек!

— До самой своей смерти я видел не больше дюжины черных, — сказал Джон. — Какое отношение могу я иметь к вашей истории о несправедливости?

— Если бы вы родились на пятьсот лет позже, вы стали бы величайшим хонки из всех белых! — произнес Хаскинг. — Я все о вас знаю, Ваше Величество!

Внезапно Сэм вскочил на ноги и крикнул:

— Вы пришли сюда рассказать нам о том, что случилось на Земле? Мы все это знаем! И все это — в прошлом! Земля мертва для нас! Надо считаться только с тем, что происходит здесь!

— Да, — сказал Хаскинг. — Но то, что происходит здесь, происходило раньше на нашей старой доброй Земле. Вещи не изменились — даже на крошечную долю дюйма! Я смотрю вокруг — и что же я вижу? Кто правит в этой стране? Пара

хонки! Здесь есть черные люди — почти одна десятая вашего населения.

Вы должны были включить как минимум одного чернокожего в ваш Совет из десяти человек. Могу я его увидеть? Хотя бы одного?

— В Совет входит Кабер, — ответил Сэм.

— Да! В качестве временного члена — и только из-за моего требования, чтобы Пароландо представлял в моей стране черный посол!

— Арабы составляют у вас шестую часть населения, — произнес Сэм, — и я не припоминаю, чтобы в вашем Совете был кто-нибудь из них. Почему?

— Они белые, вот почему! И я собираюсь избавиться от них! Не пытайтесь меня уязвить! Многие арабы — хорошие люди, люди без предубеждений! Я встречал таких, когда скрывался в странах Северной Африки. Но эти арабы, здесь, — религиозные фанатики и они не прекращают доставлять мне неприятности! Следовательно — пусть они убираются прочь! Мы, черные, хотим, чтобы наша страна стала полностью черной; мы будем в ней духовными братьями. Мы будем жить в покое! Мы создадим свой собственный мир, а вы, хонки, можете создавать ваш! Мир Сегрегации — с заглавного «С»!

Тут большое «С» тоже может работать, и поэтому мы не должны зависеть от белых ни в чем — ни в нашем труде, ни в пище, ни в одежде, ни в нашей безопасности! И мы добьемся этого, белые! Все, что мы должны сделать — только сказать вам: убирайтесь к дьяволу! Держитесь подальше от нас!

Файбрас сидел за столом, склонив голову в завитках темнокаштановых волос, опустив глаза вниз и прикрывая бронзовыми ладонями лицо. Сэму казалось, что он пытается сдержать смех. Над кем он хохотал про себя — над Хаскингом или над теми, кого тот столь яростно обличал? Сэм не мог догадаться. Вполне возможно, что Файбрас смеялся над всеми участниками этой нелепой полемики.

Джон пил виски, лицо его краснело и наливалось кровью. Похоже, он мог взорваться в любое время. Нелегко молча проглотить оскорбления, связанные с твоей виной перед черными, с которыми ты в своей земной жизни не имел никаких дел. Однако Джон был повинен в стольких чудовищных преступлениях, что мог принять на совесть еще несколько без большого ущерба для себя. И, как верно заметил Хаскинг, в другом месте и в другое время Джон не пренебрег бы

возможностью пустить кровь черным.

Но какую цель преследовал Хаскинг? Если он хотел добиться сближения с Пароландо, то выбрал для этого странный путь.

Вероятно, глава Соул Сити ощущал непреодолимую потребность ставить на место любого белого — кем бы тот не был. Он хотел ясно показать, что он, Элвуд Хаскинг, черный, был не хуже любого белого.

Душу Хаскинга разрушила та же система, что в той или иной степени разрушила души почти всех американцев — черных, белых, красных или желтых.

Неужели этот путь — единственный? Вечная ненависть, свирепая борьба на протяжении бог знает скольких тысячелетий жизни в долине Реки.

В этот момент, только на одно мгновение, Сэм готов был уверовать в справедливость доктрины Второго Шанса. Если им известен путь из этой тюремной клетки ненависти, нужно слушать только их. Ни Хаскинга, или Джона Ланкастера, ни Сэма Клеменса и никого другого, кто потерял мир и любовь. Пусть миссионеры Второго Шанса будут вести...

Но он не верит им, напомнил он себе. Они по-

добны всем другим религиозным исцелителям Земли. Нет сомнения, что некоторые из них стремились к добру. Но истина была недостижимой для них, поэтому не имеет значения, что они провозглашали на словах.

Внезапно Хаскинг прервал свою речь. Сэм сказал:

— Ну, хотя мы и не планировали послеобеденный обмен речами, я благодарю вас, синьор Хаскинг, за то, что вы вызвались добровольцем. Мы все также благодарны вам за отсутствие явного намерения получить с нас плату по всем пунктам счета. Наша казна в данный момент пуста.

— Вы любите делать шутки из всего, не так ли? — заметил Хаскинг. — Ну, ладно. Как насчет небольшой прогулки? Мне любопытно взглянуть на ваш большой корабль.

Сэм забыл свой гнев и обиды, пока вел Хаскинга через фабрики и мастерские к Кораблю. Даже законченный только наполовину, он был великолепен. Наиболее прекрасное творение, которое он когда-либо видел. Даже, подумал он, даже... да, даже прекраснее лица Ливи, когда она первый раз сказала, что любит его.

Хаскинг не впал в экстаз, но, очевидно, Корабль

произвел на него впечатление. Однако он не смог удержаться от язвительных комментариев по поводу царившего вокруг опустошения.

Незадолго перед ужином Сэму пришлось отлучиться. Неизвестный, который причалил к берегу на небольшом судне, попросил встречи с правителем этой земли. Так как принимавший его охранник был человеком Клеменса, он вызвал Сэма. Тот прибыл немедленно на одном из двух джипов, законченных только неделю назад; двигатели этих машин работали на спирту.

Стройный молодой блондин с приятной внешностью поднялся навстречу Сэму, когда он вошел в помещение береговой охраны. Юноша представился на эсперанто как Вольфганг Амадей Моцарт. Сэм обратился к нему на немецком, заметив, что молодой человек говорит на мягко звучащем верхнегерманском диалекте. Его речь содержала слова, которых Сэм не понимал; очевидно, это были австрийские выражения восемнадцатого века.

Человек, называвший себя Моцартом, сказал, что он жил в двадцати тысячах миль вверх по Реке. Он слышал о Корабле, но причиной его длительного путешествия были известия о том, что на судне предполагается создать оркестр и

проводить музыкальные занятия для удовольствия пассажиров. В течение двадцати трех лет, проведенных в этом мире, лишенном необходимых материалов, Моцарт испытывал настоящие страдания. Здесь единственными музыкальными инструментами были барабаны, деревянные флейты, свирели и грубое подобие арф, сделанных из костей и кишок речных рыб. Моцарт услышал о разработке метеоритного железа, о гигантском Корабле и его оркестре с настоящим роялем, скрипками, флейтами, трубами и прочими чудесными инструментами, которые он знал на Земле, а также другими, изобретенными после его смерти в 1791 году. И вот он здесь. Найдется ли для него место среди пассажиров Корабля, любителей музыки?

Сэм питал уважение к классической музыке, хотя и не являлся ее пылким поклонником. Однако он затрепетал, встретившись лицом к лицу с великим Моцартом. Если этот человек был Моцартом. На Реке встречалось так много самозванцев, объявлявших себя то единственным и истинным Иисусом Христом, то чародеем Барнумом, что он не мог верить человеку на слово. Ему уже встретились три Марка Твена.

— Случилось так, что прежний архиепископ

Зальцбурга является гражданином Пароландо, — сказал Сэм. — Хотя когда-то вы были в плохих отношениях, насколько я припоминаю, уверен, что сейчас он будет рад видеть вас.

На лице Моцарта не выступили ни бледность, ни румянец. Он кивнул головой и сказал:

— Наконец я встречусь с кем-то, кого знал во время своей жизни! Поверите ли, я...

Сэм мог поверить, что Моцарт еще не встречал никого из своих земных знакомых. Он сам нашел только трех человек, которых он знал, а его круг знакомых был очень обширен; Сэм долго жил и совершил несколько путешествий. То, что его жена Ливи являлась одной из этой троицы, было совпадением, превосходящим пределы вероятного. Он подозревал, что тут не обошлось без Таинственного Пришельца. Однако готовность Моцарта встретиться с архиепископом еще не доказывала, что он действительно тот самый Моцарт. Самозванцы, с которыми Сэм имел дело, вначале обычно заявляли, что лица, известные как их старинные знакомые, либо ошибаются, либо сами являются обманщиками.

Кроме того, архиепископ Зальцбургский не жил в Пароландо. Сэм не имел представления, где обитает его преподобие. Он выдумал все это,

чтобы проверить реакцию Моцарта.

Сэм заявил, что синьор Моцарт может стать гражданином Пароландо. Конечно, он займется музыкальными инструментами; пока они еще не сделаны. Однако инструменты не предполагается изготавливать из дерева и меди. Это будут электронные приборы, воспроизводящие такие же звуки, как знакомые Моцарту инструменты. Если синьор Моцарт действительно тот человек, которым он себя объявил, есть хорошая возможность стать дирижером оркестра. И он может тратить все свое время на создание новых композиций.

Сэм не обещал определенно, что Моцарт станет руководителем оркестра; он уже получил урок в части своих обещаний.

Во дворце Джона был дан большой прием в честь Хаскинга, который, казалось, выпустил свой яд в первый день встречи. Сэм беседовал с ним в течение часа и нашел, что Хаскинг был очень интеллигентным человеком, посвятившим много времени самообразованию; он обладал воображением и литературным чутьем. Однако это еще более опечалило Сэма; он представил себе трагедию таланта, растраченного впустую.

Около полуночи Сэм проводил Хаскинга в большой дом с тридцатью комнатами, предо-

ставленный гостям государства. Это двухэтажное здание, построение из камня и бамбука, стояло на полпути между дворцом Джона и его обиталищем. Затем он повел джип к своему дому. Джо, сидевший сзади, немного дулся — ему хотелось управлять машиной, однако огромные ноги гигантопите-ка были плохо для этого приспособлены. Пошатываясь, они поднялись по лестнице и открыли дверь. Джо сразу же пошел в свою комнату и с грохотом рухнул на кровать; дом вздрогнул до основания. Сэм выглянул в окно-иллюминатор — как раз вовремя, чтобы увидеть Сирано и Ливи, входящих рука об руку в свою хижину. Левее и выше ее темнела хижина фон Ритгофена; он уже спал — вместе с Гвиневрой.

Сэм прошептал «Доброй ночи!» — не зная даже, кому он адресует эти слова, — и тоже лег в постель. День был долгий и тяжелый, закончившийся большим приемом, на котором было выпито изрядное количество виски и спирта, выкурено множество сигарет с табаком и марихуаной. Сэм устало закрыл глаза.

Он пробудился от сна, задыхаясь от ужаса; ему привиделось, что его захватило страшное калифорнийское землетрясение Четвертого Июля.

Он вскочил с кровати и бросился к дребезжа-

щей двери капитанской рубки. Еще до того, как он попал к иллюминаторам, он знал, что причиной взрывов и сотрясения почвы является новое нападение. Ему не удалось пробраться к окнам; свистящая ракета с огненным хвостом ударила в один из столбов, подпирающих дом. Рев оглушил его; дым, вращаясь и закручиваясь, полз в выбитые иллюминаторы. Сэма качнуло вперед; дом содрогнулся, и передняя стена рухнула наружу. История повторялась снова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Ошеломленный, он барахтался среди деревянных обломков, осколков битого стекла и комьев земли, пытаясь выбраться из-под разбитой стены. Огромная рука подняла его и поставила на ноги. В ярком свете ближайшего взрыва он увидел носатое лицо Джо. Очевидно, Джо выбрался из дома и, разбросав обломки, нашел Сэма. В левой руке гигантопитека были зажаты две чаши — его и Сэма.

— Не знаю каким чудом, но меня даже не ранило, — прохрипел Сэм, ощупывая себя руками. — Только синяки и порезы от стекла.

— У меня не было времени втсять панцирь, — сказал Джо. — Но я прихватил мой топор. Тут еще меч и пистолет для тебя и вот мешок с зарядами.

— Дьявол, кто напал на нас, Джо? — спросил Сэм.

— Я не тснаю. Тмотри! Они идут через проходы в стенах — там, где причалы!

Звезды светили ярко. Облака, что посылали дождь каждой ночью, еще не сгустились, но Река уже окуталась густым, тяжелым туманом. Из этого зыбкого марева продолжали литься толпы

людей, наполняя равнину. Позади стен, закрывавших побережье, очевидно, находился флот.

Только флот рудовозов из Соул Сити мог подойти так близко, не вызвав тревоги. Любые другие суда, плывущие по Реке в этот час, не ускользнули бы от внимания шпионов, которых Сэм и Джон Ланкастер расставили по всему побережью, даже на вражеских территориях. Это не мог быть флот Иэясу; по донесениям разведчиков, доставленным около полуночи, он все еще стоял у причалов.

Джо протянул руку над кучей бревен и сказал:

— Там идет тсертовская драка — у дворца Джона. И дом для гостей, где был Хаткинг и его парни, весь в огне.

Пламя освещало тела, валявшиеся на земле, и крохотные фигурки, сражавшиеся у бревенчатых стен дворца Джона. Затем к воротам, на освещенное место, вытащили пушку и зарядные ящики.

— Это ведь джип Джона! — крикнул Сэм, указывая на машину, стоявшую позади орудия.

— Да, и это наша путка! — сказал Джо. — И тсейчас люди Хаткинга вышибут с ее помощью Джона из его у юте но го маленького гнестышка!

— Дьявол их побери! — произнес Сэм и начал проворно карабкаться вверх по склону холма. Он

не мог понять, почему нападавшие не послали людей, чтобы захватить его дом. Разбившая переднюю стену ракета была выпущена с равнины. Если Хаскинг со своим отрядом подкрадывался со стороны дома для гостей, чтобы броситься внезапно в атаку и поддержать нападение со стороны Реки, то Сэм должен быть целью первого удара так же, как и Джон Ланкастер.

Он разберется с этим потом — если это «потом» наступит.

Захват орудия людьми Хаскинга был болезненным ударом для Пароландо. Сэм подумал об этом, услышав грохот пушечных выстрелов — один, другой, третий. Он оглянулся — обломки бревен летели вверх, под ними расплывалось облако дыма. В стенах, окружавших дворец, зияли проломы; еще несколько выстрелов — и здание превратится в руины.

К счастью, вспомнил Сэм, запас снарядов был невелик — не более пятидесяти штук. Хотя метеорит содержал огромное количество железа, он не хотел расточать его для производства орудийных снарядов.

Впереди маячила хижина Сирано и Ливи. Дверь была распахнута, внутри — пусто. Сэм посмотрел на вершину холма. Лотар фон Ритгофен, со шпа-

гой в одной руке и пистолетом в другой, бежал к нему. За Лотаром спешила Гвиневра, тоже с пистолетом; тяжелая сумка с зарядами висела у нее на боку.

Затем появились другие мужчины и женщины; люди направлялись к нему, среди них было несколько арбалетчиков.

Он приказал Лотару привести отряд в боевую готовность и повернулся к равнине. Причалы все еще кишели людьми. Если бы орудие осталось в их руках, они могли бы расстрелять эти толпы, которым сейчас некуда скрыться. Но пушка стояла около пылавшего дворца Джона и посылала снаряд за снарядом в защитников Пароландо, торопившихся под прикрытие холмов.

Затем большая темная машина прошла сквозь широкий пролом в стене. Сэм закричал от ужаса. Это был «Огненный дракон», проданный Хаскингу. Но где же три амфибии Пароландо?

Наконец, он увидел две машины, двигавшиеся к холмам. Внезапно паровые орудия амфибий открыли огонь, и его люди — его люди! — начали падать.

Нападавшие захватили самое эффективное оружие Пароландо!

Всюду, куда он бросал взгляд, кипело яростное

сражение. Битва шла около Корабля. Он закричал снова — мысль, что его создание повредят или разрушат, была невыносимой. Но там не рвались пушечные снаряды; очевидно, враги так же опасались задеть Корабль, как и он сам.

Позади него, с вершины холмов, ударил ракетный залп. Ракеты пронеслись над его головой и разорвались внизу, среди затопивших равнину отрядов. В ответ взлетели вражеские ракеты; полосы красного пламени изогнулись над ним. Одна пронеслась так низко, что он мог видеть блики света на гладком бамбуковом корпусе и длинный шест, торчавший сзади. Он почувствовал удары воздуха и услышал резкий звук, как будто кто-то огромный выстрелил из пистолета в десяти футах над его головой. Снаряд перелетел вершину холма и с яростной вспышкой разорвался на другом склоне. С ближайшего железного дерева посыпались вниз листья.

В следующие полчаса — или два часа, кто знает? — вокруг ярился кровавый хаос, наполненный дикими криками, запахом пороха и пота, лязгом металла. Время от времени войска Соул Сити атаковали холм и каждый раз откатывались назад, поливаемые потоком стрел, ракет и пластиковых пуль. Наконец, очередная атака перешла в руко-

пашный бой; на этот раз нападавшие были сбиты вниз шпагами, мечами, топорами, палицами, копьями и кинжалами защитников. Джо Миллер, восемьсот фунтов яростной мощи, ринулся вперед. Волосы его огромного десятифутового тела слиплись от крови — собственной и чужой; он наносил чудовищные удары стальным топором весом восемьдесят фунтов с дубовой рукоятью шести футов длиной. Топор сокрушал кожаные панцири и щиты, отбрасывал и ломал копья, шпаги и мечи, дробил ребра, рассекал руки и шеи, пробивал черепа. Когда враги бежали от гиганта, он сам атаковал их. Снова и снова он заставлял нападающих отступать.

Многие стреляли в него из ружей «Марк-1», но стрелки не рисковали приближаться к Джо; пластиковые пули, посланные с дальней дистанции, пролетали мимо. Но вот стрела пронзила его левую руку и какой-то человек, более храбрый — или более безрассудный, чем остальные — проскользнул под топором и вонзил шпагу в бедро гиганта. Рукояткой топора Джо раздробил его челюсть, затем разрубил голову лезвием. Джо еще мог держаться на ногах, но он быстро терял кровь. Сэм приказал ему отступить на задний склон холма, где женщины обработают его рану.

— Нет! Я не пойду! — сказал Джо. Он попытался шагнуть вперед, но со стоном упал на колени.

— Убирайся назад! Приказываю тебе! — закричал Сэм, низко наклонив голову; пуля свистнула около его уха и разбилась о ствол железного дерева. Должно быть, осколки пластика рикошетировали, так как Сэм ощутил резкие уколы в обнаженные предплечья и икры ног.

Джо ухитрился подняться на ноги и, подобно раненому слону, заковылял прочь. Из темноты вынырнул Сирано де Бержерак, покрытый пороховой гарью и запекшейся кровью. В почерневшем кулаке он сжимал рукоятку длинной рапиры, в другой руке держал пистолет. Позади него, такая же грязная и окровавленная, шла Ливи. Она несла ружье и сумку с патронами; ее задачей было заряжать оружие. Увидев Сэма, она улыбнулась, зубы сверкнули белым на закопченном лице.

— О боже, Сэм! Я думала, ты погиб! Эта ракета, что ударила в твой дом...

— Я бы хотел: чтобы ты была со мной в этот момент... — произнес он.

Это было все, что он успел сказать — и вряд ли он мог сказать больше. Враги снова пошли в атаку, просачиваясь между грудами павших или

перепрыгивая через мертвые тела. У лучников Сэма почти не осталось стрел, на каждое ружье приходилось только несколько зарядов. Но враги тоже исчерпали запас пороха, хотя стрелы у них еще были.

Джо Миллер ушел, но де Бержерак постарался заменить его — и не без успеха. Этот человек был дьяволом; он казался таким же гибким, стремительным и смертоносным, как его рапира. Время от времени он разряжал пистолет, зажатый в левой руке, в лицо проливника, затем он делал выпад рапирой, прокалывая следующиего врага. Он бросал пистолет назад, и Ливи ловила и заряжала его. У Сэма мелькнула мысль о том, как изменилась Ливи. Он никогда не подозревал, что его бывшая жена могла действовать так смело и энергично в подобных обстоятельствах. Эта женщина, хрупкая, болезненная, чувствующая отвращение к насилию, сейчас спокойно выполняла свой долг — хотя у многих мужчин могли от страха опуститься руки.

«И у меня тоже», — мелькнуло у него в голове, — «если бы я имел время подумать об этом».

Особенно сейчас — когда Джо Миллер не мог защитить его и морально поддержать, в чем он нуждался не меньше.

Сирано нанес удар, нацелив его в грудь дико вопившего араба-ваххабита — в боевом задоре тот слишком высок поднял свой щит. Ливи подняла обеими руками пистолет и прицелилась. Удар брошенного кем-то молота отклонил ствол; Ливи снова выровняла свое оружие и нажала на спуск. Дым и струя пламени вырвались из ствола, и араб упал с развороченным пулей плечом.

Негр могучего сложения перепрыгнул через его тело, высоко подняв топор. Сирано, вырвав шпагу из тела араба прежде, чем оно успело коснуться земли, проткнул лезвием горло нападавшего Затем враги снова откатились вниз, к подошве холма. Они не собирались атаковать снова, пока вперед не выдвинулась большая темно-серая машина. «Огненный дракон»! Лотар оттолкнул Сэма; тот отступил в сторону, увидев в руках летчика алюминиевую трубку и ракету с десятифунтовой боеголовкой. Помощник фон Ритгофена встал на колени; Лотар быстро зарядил ракету в базуку, и, положив ее на плечо коленопреклоненного человека, тщательно прицелился. Он был отличным стрелком. Ракета пошла круто вниз; ее светящаяся траектория закончилась на лобовой броне амфибии. Сноп огня вырвался из ракетного заряда, машину заволокло дымом, ветер медлен-

но относил его прочь. Амфибия остановилась, но она подошла уже довольно близко; ее боевые башенки повернулись и стволы паровых орудий приподнялись.

— Ну, только этого нам не хватало, — хмуро сказал фон Ритгофен. — Нас вполне могли отправить в ад В без боевых машин; с ними мы не в силах сражаться. И вам, и мне это отлично известно, не так ли?

Враги накапливались позади амфибии. Многие из них издавали улюлюкающий вопль — боевой крик ульмаков, доисторических американцев, обитавших на противоположном берегу Реки. Очевидно, Хаскинг завербовал тех ульмаков, которые решили не присоединяться к Иэясу.

Внезапно резко стемнело. Только пламя горящих домов, огни очагов и продолжавших работать плавильных печей позволяли различить что-либо на равнине. Дождевые тучи надвинулись как всегда стремительно, преследуя и поглощая звезды, подобно стае волков, и через несколько минут хлынул сильнейший дождь, Сэм огляделся вокруг. После каждой атаки шеренга защитников редела. Смогут ли они выдержать еще одну атаку — даже если амфибия не тронется с места?

Он видел еще несколько сражающихся групп — на севере и юге равнины, около подножия холмов. Но шум, крики и выстрелы постепенно стихали.

Участвуют ли Тайфана и Публия в нападении? Что происходит на южном рубеже?

Он бросил взгляд на гигантский корпус Корабля с его большими гребными колесами, наполовину скрытый лесами и вытянутыми к небу шеями кранов. Затем он отвернулся. Он не мог плакать; он был застывший, как кусок льда. Время слез придет после.

Казалось, вся кровь вытекла из него и мертвое холодное тело не способно породить слезы.

Ориентируясь на огни дюжины горящих хижин, он заковылял вниз по заднему склону холма. Дождь продолжал лить как из ведра. От вражеских отрядов отделились группы, которые, подобно щупальцам осьминога, пытались охватить его людей слева и справа. Сэм повернулся и нажал курок своего пистолета, но дождь, конечно, загасил слабую искру ударного кремня. Ружья их противников были сейчас тоже бесполезны, однако они имели и дубины.

Они снова набросились на последних защитников Пароландо с мечами, копьями и топорами.

Джо Миллер ринулся вперед, рыча подобно пещерному медведю. Несмотря на свои раны, он все еще оставался сильнейшим и самым опасным бойцом. Под раскаты грома и вспышки молний его топор повергал врагов на землю. Другие бросились на помощь ему — и через несколько мгновений те из нападавших, которые еще оставались в живых, решили, что с них довольно. Они откатились назад, ожидая подкреплений. Зачем рисковать гибелью, когда победа была на их стороне?

Сэм карабкался на следующий холм. Враги атаковали справа. Они рассыпались цепью и мчались вперед, горя желанием перерезать мужчин и захватить в плен женщин. Джо Миллер и Сирано встретили их, и нападавшие снова побежали, скользя и спотыкаясь на мокрой траве.

Сэм пересчитал спасшихся. Он был потрясен — их осталось только пятнадцать! Куда же подевались остальные? Он мог поклясться, что по крайней мере сотня людей двинулась за ним, когда он велел отступать.

Ливи все еще была рядом с Сирано. Ее ружье стало теперь ненужным, поэтому она старалась держаться за спиной де Бержерака, помогая ему точными ударами копья.

Сэм промок и дрожал от холода. Он чувствовал себя жалким, как Наполеон во время бегства из России. Все, все пропало! Его гордый маленький народ, его шахты и фабрики, его неуязвимые амфибии и сказочный, небывалый Корабль! Все пропало! Технические достижения и чудеса, и Великая Хартия — наиболее демократическая конституция из всех известных в мире, и цель его величайшего путешествия! Все, все пропало!

И как? Из-за предательства, подлого предательства!

По крайней мере, король Джон не участвовал в этом. Его дворец был уничтожен, и он, по всей вероятности, погиб под развалинами. Великий Изменник сам стал жертвой измены.

Сэм не мог дать выхода своему горю. Он был еще весь застывшим от ужаса битвы, и все его мысли сосредоточились только на спасении. Когда они достигли подножья гор, он повел свой отряд на север. Вскоре они оказались напротив дамбы; между ними и огромной бетонной плотиной простиралось озеро шириной в полмили и вдвое большей длины. Отряд двинулся по берегу озера; люди шли, пока не уперлись в бетонную стену, на которую вела широкая лестница. Через несколько минут они поднялись на вершину

дамбы.

Внимательно глядя под ноги, Сэм сделал несколько шагов; вскоре он нашел метку — косой крест, высеченный в бетоне и почти погруженный в воду. Он позвал остальных.

— Это здесь! Скоро мы будем в безопасности — если только кто-нибудь из вражеских шпионов не выследил нас.

Он шагнул в холодную воду; молнии сверкали над ним, гром рокотал подобно гигантскому барабану. Он дрожал от холода, но продолжал идти, пока вода не коснулась его груди; ногой он нащупал первую ступеньку.

Сделав глубокий вдох и закрыв глаза, Сэм погрузился в воду. Его ладонь скользнула по бетонной стене и легла на ступеньку. Он двинулся вниз, отсчитывая ступени, пока не оказался на шестой; теперь вход был в нескольких дюймах под ним. Он рванулся в отверстие туннеля и через несколько мгновений его голова поднялась над водой. Жадно глотая воздух, он щурился от резкого света.

Сэм находился в помещении с куполообразным сводом десятифутовой высоты; с потолка свешивались шесть больших электрических ламп. Перед ним простиралась каменная платформа,

приподнятая на несколько дюймов над уровнем воды; в ее дальнем конце был вход в следующее помещение. Дрожа и задыхаясь, Сэм вскарабкался на платформу и двинулся к выходу. Над водой появилась голова Джо. Он слабо вскрякнул, и Сэм повернул назад, чтобы помочь гиганту залезть на платформу. Он был ранен в дюжине мест, кровь струилась по густым рыжим волосам.

Остальные показались из воды. Они помогли Сэму втащить гигантопитека в просторную комнату и уложить его на пол. Тут имелось все необходимое — постели, чистые покрывала, пища, питье, оружие и лекарства. Сэм подготовил это убежище на случай крайней необходимости; только руководители страны и рабочие, строившие укрытие, знали о нем.

Второй вход в убежище, расположенный у основания дамбы, был скрыт под водяным потоком, вращавшим лопасти электрогенераторов. Он вел в проход с лестницей, поднявшись по которой любой посторонний оказывался перед гладкой бетонной стеной. Только посвященный в секрет мог открыть люк в стене.

Весь этот проект, как считал Сэм, был данью романтике детства, от которой он никогда не мог избавиться полностью. Его прельщала мысль о

тайном убежище с дверями, скрытыми под водопадом и под поверхностью озера — убежище, где он мог укрыться и обдумать планы мести, пока враги тщетно охотятся за ним в просторах прибрежных равнин. Не раз он смеялся над собой, пока велось строительство; теперь он был рад. Оказалось, что романтика способна принести практическую пользу.

Здесь же находился детонатор. Чтобы взорвать тонны динамита, заложенного в основание плотины, достаточно было соединить два провода. Дамба взлетит на воздух, и вода из озера с ревом и грохотом обрушится на центральную часть Пароландо, смывая в Реку все труды человеческих рук.

В таком случае Сэм Клеменс и его сказочный Корабль тоже погибнут; но это было делом чести.

Люди Сэма обработали свои раны и теперь пытались снять боль с помощью виски и Жвачки Сновидений. Иногда Жвачка позволяла забываться; в других случаях она, казалось, усиливала страдания. Оставался один гарантированный способ успокоить боль — накачать раненых спиртом.

Они поели и выспались, пока Сирано сторожил поочередно у обоих дверей. Джо Миллер

находился в полубессознательном состоянии большую часть времени, и Сэм нянчился с ним, как с младенцем. Сирано поднялся в очередной раз от нижнего входа и сообщил, что снаружи наступила ночь. Больше он ничего не мог увидеть или услышать из-под завесы падающей воды.

Лотар и Сэм были легко ранены. Сэм решил, что они вполне способны проскользнуть под водопадом и провести разведку. Сирано хотел идти с ними, но Сэм велел ему остаться в убежище. Ливи ничего не сказала, но посмотрела на Сэма с такой теплотой, что у него защемило сердце. Он резко отвернулся; ему не нужна была благодарность Ливи за то, что он оберегает ее мужа от опасности.

Он хотел бы знать, что случилось с Гвиневрой — мертва ли она или захвачена в плен. Лотар сказал, что она исчезла во время последней атаки; его попытки разыскать ее во время бегства оказались безуспешными. Теперь фон Ритгофен корил себя, что не смог уберечь девушку, хотя вряд ли это было возможно.

В убежище имелась черная краска, которую Сэм и Лотар растерли по телу и лицу. Затем они спустились вниз по стальным ступеням лестницы. Со стен прохода сочилась вода, ступени были

скользкими от влаги. Слабое сияние электрической лампы освещало проход.

Они прошли под водопадом, изогнувшимся над ними ревущей аркой, и спустились к основанию плотины. Дальше они осторожно двигались вдоль канала, рассекавшего равнину. Из его земляных берегов все еще торчали корни травы. Эта трава казалась неистребимой; никто и ничто не могло справиться с ней.

Небо было еще чистым; огромные звезды и яркие газовые облака светились в вышине. Они старались выбирать места, где царил полумрак. Через полмили они достигли точки, где канал сворачивал направо, к развалинам дворца Джона. Укрывшись в тени развесистого железного дерева, Сэм и Лотар рассматривали лежащую перед ними равнину. Они видели мужчин и видели женщин, которых те тащили в хижины. Мужчины были победителями, женщины — жертвами. Сэм задрожал от ярости, когда услышал стоны и крики о помощи, но он постарался избавиться от опасных мыслей. Ворваться в хижину и попытаться спасти одну женщину — чтобы потерять все шансы спасения страны? Если он поддастся эмоциям, их, несомненно, захватят или просто убьют.

Но если там Гвиневра? Он знал, что не сможет сдержаться и бросится ей на помощь. Бросится? Или нет?

Огни в горнах и плавильных печах уже пылали, и около них мелькали люди. Очевидно, Хаскинг уже приставил своих новых рабов к делу. Около сохранившихся зданий стояло множество охранников, но почти все они предавались обильным возлияниям.

Так далеко, как он мог видеть, равнину освещали огромные костры. Вокруг них толпились люди, мужчины и женщины, они пили и смеялись. Кое-где в тени кустов можно было заметить возню; оттуда доносились вскрикивания женщин. Иногда их даже не уводили в кусты.

С уверенным видом Сэм и Лотар спустились с холма, однако они старались не приближаться к зданиям и большим кострам. Никто не обращал на них внимания, хотя несколько раз они проходили в десятке ярдов от вооруженных патрулей. Казалось, большинство их врагов увлечено поглощением любых спиртных напитков, которые удалось разыскать в запасах побежденных. Исключение составляли только ваххабиты, религия которых запрещала употребление алкоголя, и немногие чернокожие. Эти последние, очевидно,

являлись «духовными братьями» Хаскинга и составляли наиболее надежную часть его армии. Хотя в этот ночной час вокруг царило повальное пьянство, днем, по-видимому, поддерживалась какая-то видимость дисциплины. Трупы были убраны, обломки и завалы расчищены. На краю равнины, у холмов, высилась большая загородка из бревен, по углам которой торчали сторожевые вышки. Сэм не мог заглянуть внутрь, но он предположил, что там содержатся пленные.

Они плелись вперед, пошатываясь и опираясь друг на друга, довольно удачно изображая пьяных. Однажды в двадцати футах от них прошли трое невысоких чернокожих, говоривших на каком-то странном языке. Сэм не мог его узнать, но решил, что в нем есть нечто «африканское». Очевидно, это были дагомейские негры восемнадцатого века.

Они смело миновали фабрику азотной кислоты и здание, в котором производили взрывчатку из человеческих экскрементов, и оказались на равнине. И тут они остановились как вкопанные. В тридцати ярдах от них в крохотной бамбуковой клетке стоял Файбрас со скрученными за спину руками. Клетка была такой узкой, что он не мог сесть.

Радом, на Х-образном деревянном кресте висел вниз головой Геринг. Его ноги были привязаны к верхним перекладиным, руки — к нижним.

Сэм огляделся вокруг. Несколько человек пили и болтали у ворот пороховой фабрики. Сэм решил, что не стоит пытаться подойти ближе, чтобы поговорить с Файбрасом. Конечно, он хотел знать, как тот попал в клетку, но риск был слишком велик. Они должны высмотреть все, что удастся и благополучно вернуться в укрытие под дамбой. Ситуация казалась безвыходной. Лучшее, что они способны сделать — прокрасться мимо часовых на границе и покинуть страну. Конечно, он мог взорвать плотину и смыть в Реку все — включая армию Хаскинга, но он не хотел потерять судно. Пока имеется хотя бы один шанс заполучить Корабль обратно, он сохранит дамбу в целости.

Они обогнули клетку Файбраса, надеясь, что тот не заметит их или не узнает под слем краски. Но он стоял согнувшись, опустив голову и опершись лбом о бамбуковые брусья. Геринг застонал. Они ускорили шаги и скрылись в тени ближайшего здания.

Медленно, по-прежнему изображая пьяных, они приблизились к большому дому, который раньше занимал советник Фред Рольф, один из

сторонников короля Джона. Судя по количеству вооруженных людей, охранявших здание, его выбрал для своей резиденции Хаскинг.

Это был обширный одноэтажный дом из сосновых бревен и бамбука. Свет, лившийся из раскрытых окон, позволял различить фигуры людей внутри. Внезапно Лотар схватил Сэма за руку и прошептал:

— Гвиневра! Там Гвиневра!

Пламя факела высветило ее золотистые волосы и нежную белую кожу. Она стояла у окна и говорила с кем-то. Спустя мгновение она отодвинулась, и в освещенном прямоугольнике появилось черное лицо Элвуда Хаскинга с нависшей шапкой волос. У Сэма замерло сердце. Этой ночью Хаскинг возьмет ее в свою постель!

Гвиневра не выглядела испуганной, скорее — уставшей и вялой.

Однако Гвиневра, обычно отличавшаяся резкой и свободной манерой поведения, могла обуздать свой характер, когда того требовали обстоятельства.

Сэм потянул Лотара прочь.

— Сейчас мы ничего не сможем сделать; любое вмешательство будет пагубным — для нее и для всех нас.

Они сделали большой круг по равнине, осматривая другие фабрики и здания. Пылающие костры тянулись вдоль стен на побережье так далеко, как мог видеть глаз. Тут были люди из Соул Сити, ульмаки и представители восточных народов. Сэму казалось, что он различает бирманцев, таиландцев и обитателей Цейлона каменного века, живших на другом берегу Реки напротив Селинайо.

Сэм подумал, что им придется преодолеть стену, чтобы покинуть Пароландо. И они должны похитить несколько небольших суденышек, если отправятся вниз по Реке в сторону Селинайо. Он не имел понятия, что случилось в Публии и Тайфане, но подозревал, что эти страны могли быть следующими в списке Хаскинга. Побег на север, в Землю Чернского, казался бессмыслицей. Иэясу скоро двинет свои войска вниз по Реке — если он уже не сделал этого.

Ирония судьбы — им придется бежать в ту страну, гражданам которой был запрещен въезд в Пароландо.

Посоветовавшись, Сэм и Лотар решили, что они должны вернуться к дамбе, рассказать остальным об увиденном и обсудить план побега. Уходить лучше во время дождя.

Они направились к озеру, огибая хижины, в которых расположились враги вместе с захваченными в плен женщинами.

Их путь лежал мимо большого железного дерева, тень которого казалась надежным укрытием. Внезапно Сэм почувствовал, как что-то с неимоверной силой стиснуло сзади его шею. Он попытался крикнуть, повернуться, бороться — но пальцы гигантской руки сжались, и он потерял сознание.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Когда Сэм очнулся, он лежал под железным деревом. Задыхаясь и кашляя, он попытался приподняться, но вдруг мощный бас прогудел в темноте:

— Не двигайся, парень! Сиди тихо, не то получишь по черепу этим топором!

Сэм посмотрел вокруг. Футах в шестидесяти от него скорчился Лотар, привалившись к стволу молодой ели; его руки были стянуты за спиной веревкой, во рту торчал кляп. Бас принадлежал огромному человеку с неимоверно широкими плечами, могучей грудной клеткой и мускулистыми руками. Его бедра стягивал черный кильт, на поясе висели стальной томагавк и нож, пистолет системы «Марк 1» был заткнут сзади. С плеч великана свисал черный плащ, рукоятка внушительного топора покачивалась в руках.

— Похоже, парень, ты — Сэм Клеменс? — снова негромко прогудел бас.

— Верно, — так же тихо ответил Сэм. — Но что все это значит? Кто вы?

Великан кивнул головой, увенчанной гривой густых волос, в сторону Лотара.

— Я уложил его подальше — так, чтобы он не слышал нас. Меня прислал сюда... кое-кто, кого мы оба знаем.

Сэм помолчал минуту, затем сказал внезапно охрипшим голосом:

— Таинственный Пришелец?

— Да, — буркнул великан. — Он говорил, что ты так его зовешь. Подходящее имя. В общем... ты знаешь, о чем речь, так что не стоит тратить время на пустую болтовню. Ты веришь, что я говорил с ним?

— Верю, — сказал Сэм. — Совершенно очевидно, что вы встречали его. Вы — один из Двенадцати, которых он выбрал. Итак, это был он, да?

Гигант кивнул головой.

— Он. И я не имею желания видеть его снова. Скажу тебе, этот паренек не выдюжит против тех людей, краснокожих, черных или белых, что могли бы внушить мне страх. Но... но один взгляд на него вызывает дрожь. Понимаешь... не то, чтобы я боялся его... но он внушает мне какое-то странное чувство... Словно я — ощипанная курица в кастрюле.

Его голос дрогнул; потом, махнув рукой, он продолжал:

— Ну, хватит об этом. Я — Джонстон. Расскажу

тебе немного о себе, чтобы потом не тратить время на пустые расспросы. Джон Джонстон — так меня зовут. Родился в Нью-Джерси, году так в 1827, я полагаю, а умер в 1900 в Лос-Анжелесском госпитале для ветеранов. Между этими датами я был траппером в Скалистых горах и прикончил не одну сотню краснокожих. Но пока я не попал на Реку, мне не доводилось убивать белых — даже фран-цузишек. Теперь, пожалуй, я могу похвастать парой-тройкой скальпов бледнолицых.

Человек встал, выпрямился в ярком свете звезд во весь свой гигантский рост. В нем было не меньше шести с половиной футов. Его волосы казались темными, но Сэм подумал, что днем они, наверное, будут иметь ярко-рыжий цвет.

— Дьявольщина, я начал слишком много болтать, — сказал он. — Некуда деваться от людей, что кишат в этой проклятой долине. Поневоле перенимаешь их плохие привычки.

Они двинулись к Лотару. По дороге Сэм спросил:

— Как вы оказались здесь? Да еще в это время?

— Твой Пришелец велел мне найти тебя. Он говорил о большом корабле, что ты строишь, о Туманном Замке и прочем. О всей этой каше — ну, ты понимаешь... Я согласился разыскать тебя

и плыть на твоем корабле. Почему бы и нет? Мне тут не нравится. Нет простора, не можешь повернуться, чтобы не задеть кого-нибудь по носу. Я жил на тридцать тысяч миль к северу по Реке; однажды ночью проснулся и увидел... этого... он сидел в тени. Мы с ним долго толковали... о всех здешних делах. Потом я поднялся и отправился в путь. Еще тогда я кое-что слышал о том, что у вас творится. Ну вот — я оказался здесь, когда еще шло сражение, и с тех пор разыскиваю тебя. Я подслушал, о чем болтали черные; они говорили, что твое тело не найдено. Вот я и шатаюсь вокруг, высматриваю и вынюхиваю. Однажды пришлось прикончить какого-то араба... он споткнулся об меня. К тому же, я проголодался.

Они уже были почти рядом с Лотаром, но при последних словах Сэм замер.

— Проголодался? — спросил он. — Вы хотите сказать, что...

Великан не ответил. Сэм заговорил снова:

— Скажите, вы... вы тот самый Джонстон — Пожиратель Печени? Которого еще называли Убийцей Кроу?

Голос над ним пророкотал:

— Я помирился с кроу и стал их братом. И после этого я прекратил есть человеческую печень.

Но должен же человек чем-то питаться в этой вонючей долине?

По телу Сэма пробежали мурашки. Он наклонился, развязал Лотара и вынул кляп. Лотар был очень зол, но его разбирало любопытство. И, подобно Сэму, он, казалось, испытывал некоторое почтение к Джонстону. Действительно, этот человек являлся воплощением какой-то дикой силы. Сэм подумал, что не хотел бы попасть в его лапы.

Они направились обратно к дамбе. Джонстон молчал. Однажды он исчез словно ночной призрак, оставив у Сэма странное чувство холодной дрожи. Несмотря на гигантский рост, его тело, триста фунтов костей и мышц, двигалось бесшумно, подобно тигриной тени в лесу.

Сэм вздрогнул. Джонстон возник из темноты.

— Что случилось? — спросил Сэм траппера.

— Да так, ничего. Ты говорил, что не очень хорошо знаешь, что творится вокруг. Но я болтаюсь тут довольно долго и кое-что высмотрел. Большинство твоих людей на севере и на юге ушли под защиту стен. Если они выстоят, то, пожалуй, смогут разбить черномазых. В любом случае, черномазым не победить; Иэясу готов двинуться против них. Не удивлюсь, если он нападет этой ночью. Я пошастал около его лагеря

— еще до того, как попал сюда. Он не позволит черномазым завладеть железом и судном. Он все у них отнимет.

Сэм застонал. Какая разница, кто первый — Иэясу или Хаскинг — доберется до Корабля, если судно будет для него потеряно. Но, возможно, вражеские армии уничтожат друг друга, а спасшиеся бегством жители Пароландо вернуться и вновь овладеют страной? Может быть, еще не все потеряно?

К тому же, появление Джонстона подкрепило его силы. Таинственный Икс не забыл о нем. Пришелец продолжал проводить в жизнь свой план, и он прислал Сэму чертовски хорошего бойца — если верить этим земным историям о нем. Джонстон являлся шестым человеком из Двенадцати, которых выбрал Икс. Остальные шесть могли появиться в свое время. Однако один из первой шестерки уже был потерян. Одиссей исчез.

Но он мог объявиться снова. Река — очень подходящее место для такой отпетой команды, как дюжина набранных Пришельцем головорезов.

Кое-кто счел бы их весьма непривлекательной и опасной компанией. Например, этики, народ Таинственного Пришельца.

В убежище под дамбой Джонстона представили остальным беглецам. Джо Миллер, закутанный в покрывала, сел и осторожно пожал трапперу руку. Тот с почтением произнес:

— Клянусь собственным скальпом, этот паренк — очень странное существо. Я таких еще не видел. Не надо так сильно жать мне руку, приятель!

— Я и не пытаюсь, — ответил Джо. — Ты выглялишь тслишком большим и тсильным для меня. Кроме того, мне нездоровится.

За полчаса до начала дождя они вышли наружу. Вокруг все было спокойно. Большинство людей, праздновавших победу, скрылось в хижинах; многие костры были погашены. Однако на сторожевых вышках и стенах, окружавших фабрики, толпились вооруженные люди. Пьянство прекратилось; очевидно, Хаскинг сумел положить этому конец.

Джонстон, подобно гигантскому призраку, скользнул вперед, пока они пробирались вдоль ограды фабрики по производству серной килоты. Он появился через десять минут.

— Я глянул, как там у черных идут дела. Этот Хаскинг — сообразительный негритос. Кое-где гулянье продолжается — пьянка, вопли, причем в самых заметных местах. Наверное, чтобы шпи-

оны Иэясу не заскучали. Хаскинг догадывается, что япошка атакует в эту ночь. И он делает вид, что взять его совсем просто. Но люди его начеку. Правда, у них маловато пороха.

Новости встревожили Сэма. Он спросил Джонстона, удалось ли ему узнать еще что-нибудь,

— Да,—ответил великан.—Я слышал, как парочка черных толковали о том, почему Хаскинг напал на вас. Он знал, что Иэясу тоже точит на вас зубы и решил его опередить. Если бы япошка захватил железо, ваши машины и прочее, он в два счета свернул бы шею Хаскингу — и кому угодно еще. Эти черные болваны прямо-таки корчились от смеха. Они болтали, что король Джон, твой приятель, заранее сторговался с Хаскингом, а потом Хаскинг спалил его в собственном дворце. Он не доверял этому парню. Черномазые толковали, что Джон наверняка был предателем — а если даже и нет, то он был белым и все равно ему не стоило верить.

— Но какого черта Джон сделал это? — сказал Сэм. — Разве он получил бы какую-то выгоду?

— Хаскинг и Джон хотели захватить все земли на сотню миль вдоль Реки и потом разделить их. Джон правил бы белыми, а Хаскинг — черными. Половина и половина — все делилось бы поровну.

Они собирались построить два корабля; и всего прочего — тоже по два, как минимум

— А что случилось с Файбрасом? Почему он в клетке?

— Черт его знает, но кто-то называл его предателем. И еще этого фрица, как его, Херринга...

— Геринга.

— Ага. Но Хаскинг тут не причем. Он не приказывал пытать его. Это сделали арабы-ваххабиты. Они, знаешь ли, недолюбливают сторонников Второго Шанса. И когда они заполучили Геринга, то начали его пытать — с помощью этих африканских негритосов, дагомейцев, которые, как я слышал, не садятся завтракать, пока не прирежут дюжину людей. Когда Хаскинг узнал, что там творится, он велел прекратить пытки, Геринг был уже почти мертв. Но он успел поговорить с Хаскингом, назвал его своим духовным братом и сказал, что прощает его. Сказал, что они еще встретятся в долине Реки. Хаскинг был потрясен этим — так говорили его люди.

Потребовалось некоторое время, чтобы Сэм переварил новости, которые заставили его нервничать еще сильнее. Его огорчение было так велико, что он даже не получил удовольствия от известия, что Хаскингу удалось провести

великого мастера обмана — короля Джона. Однако предусмотрительность и дальновидность Хаскинга вызвала у Сэма восхищение. Хаскинг понял, что существует только один метод вести дела с Джоном — и он этим методом воспользовался. Очевидно, совести у него было гораздо меньше, чем у Сэма Клеменса.

Принесенные Джонстоном новости меняли ситуацию. Если Иэясу готовит нападение в эту ночь, вряд ли им удастся выбраться за стены во время дождя. Завоеватели из Соул Сити будут настороже. Сэм опустил голову. Его планы снова потерпели крах.

— Что случилось, Сэм? — спросила Ливи. Она сидела рядом и печально смотрела на него.

— Я думаю, с нами все кончено.

— О, Сэм! — воскликнула она. — Где же твое мужество? Как можешь ты говорить это? Ты так легко впадаешь в уныние, когда обстоятельства поворачиваются против тебя! Ведь мы получаем реальную возможность вернуть Корабль! Пусть Хаскинг и Иэясу уничтожают друг друга — и потом мы вышвырнем их прочь. Надо спокойно отсидеться в холмах, пока они рвут друг другу глотки; и когда они будут при последнем издыхании, мы ударим на них!

— О чем ты говоришь? — сердито сказал Сэм. — Ударить на них с отрядом в пятнадцать человек?

— Нет, глупый! У нас есть как минимум пять сотен заключенных в этой загородке на холме — и бог знает сколько еще в других лагерях для пленных. И к нам придут тысячи, которые бежали в Публию и в Землю Чериского!

— Как я до них доберусь? — сказал Сэм. — Слишком поздно! Держу пари, что Иэясу атакует через два-три часа. Может быть, лагеря полны нашими пленными людьми, ну и что с того? Что касается Чернского и Публия Красса, то они, скорее всего, в сговоре с Хаскингом.

— Ты остался таким же вечным пессимистом, каким был на Земле, — недовольно произнесла Ливи. — Но, Сэм, я все еще люблю тебя — иначе, чем раньше, но люблю. Я люблю тебя как друга и ...

— Друга! — повторил он с сарказмом и так громко, что остальные обернулись. Сирано воскрикнул «Morbleu!»[5], а Джонстон прошептал, чтобы он вел себя потише.

— Мы любили друг друга долгие годы, — продолжал Сэм тоном ниже.

---

[5] Примечания: 5
Morbleu — черт побери (франц.).

— Ну, не всегда, — ответила Ливи. — Но сейчас не время обсуждать наши отношения. Я не намерена рыться в нашем грязном белье; все равно, уже слишком поздно. Вопрос в другом — желаешь ты или нет вернуть свой Корабль?

— Конечно хочу, — сказал он со злостью. — И ты думаешь, что...

— Тогда оторви, наконец, свою задницу от земли!

Сэм не был бы удивлен, услышав такое от кого-нибудь другого. Но от нее... от хрупкой, нежной и деликатной Ливи... немыслимо! Но она сказала это; и теперь, когда Сэм снова и снова вспоминал свою жизнь, он должен был признать, что на Земле тоже иногда случалось такое, о чем ему очень хотелось бы позабыть.

— Леди говорит дело! — прогрохотал Джонстон за его спиной.

Но Сэм хотел обдумать более важную проблему. Самые важные и новые идеи вначале формируются в подсознании, и, наверно, оно прислало сейчас Сэму эту мысль. Он внезапно понял, ощутил всеми клетками своего тела — от макушки до пяток, — что Ливи изменилась. Она больше не была его Ливи. Она не принадлежала ему уже долгое время — возможно, даже последние

несколько лет на Земле перед ее смертью.

— Так что же вы ответите, мистер Клеменс? — снова прогрохотал великан.

Сэм шумно выдохнул воздух, как бы прогоняя последние мысли об Оливии Лэнгдон Клеменс де Бержерак и произнес:

— Пожалуй, кое-что мы сможем сделать.

Дождь лил потоками; на полчаса вода, молнии и гром превратили землю и небеса в чудовищное месиво. Джонстон возник из завесы дождя; на его широкой спине покоились две базуки и четыре ракеты, связанные вместе. Потом снова исчез и вернулся минут через тридцать с несколькими стальными метательными ножами и томагавками; его руки и грудь покрывали пятна свежей крови. Кровь, конечно, была не его.

Грозовые тучи рассеялись. Земля отливала серебром в сиянии великолепных звезд, больших, как яблоки, и многочисленных, как вишни в период плодоношения; они сверкали подобно драгоценным камням в луче мощного прожектора. Вскоре похолодало, и люди Сэма скорчились под железным деревом, прижимаясь друг к другу. Полупрозрачная дымка тумана над Рекой стала густой и плотной, полностью скрыв поверхность воды, грибообразные камни-грейлстоуны и высо-

кие береговые стены.

Иэясу ударил через полчаса. Часть больших и малых кораблей, набитых людьми и оружием, пришла с противоположного берега Реки, с территории, принадлежащей саксам и расположенной к северу от бывшей страны ульмаков, и из земель, где еще недавно проживали в мире бушмены и готтентоты. Но главные силы ударили с правого берега Реки, с трех территорий за Землей Чернского, где теперь властвовал Иэясу.

Он атаковал прибрежные стены по крайней мере в десяти точках. Его воины ринулись в широкие проломы в стенах, проделанные взрывами мин. В первые десять минут атакующие выпустили невероятное количество ракет. По-видимому, Иэясу готовил и накапливал их долгое время. Прогромыхали три боевые амфибии обороняющихся; их паровые орудия поливали, словно из шланга, пластиковыми пулями наступающие колонны. Машины произвели огромное опустошение, но Иэясу приготовил для них сюрприз. Ракеты с деревянными боеголовками, содержащими желеобразный спирт (изготовленный из мыла и обычного спирта) засыпали пространство вокруг амфибий; в каждую пришлось по крайней мере два прямых попадания. Броня машин была

залита этим примитивным пылающим напалмом, и хотя огненная смесь не проникла внутрь, люди задохнулись от дыма и жары.

Увиденное потрясло Сэма. Он, однако, велел Лотару напомнить ему об этом случае, когда все закончится.

— Амфибии нужно сделать герметичными, — отметил он, — с замкнутой системой циркуляции воздуха, как описывал нам Файбрас.

Джонстон появился так неожиданно, словно выскочил из какой-то потайной двери. Рядом с ним стоял Файбрас. Он выглядел совершенно изнуренным, но все же нашел силы, чтобы улыбнуться Сэму. Его била дрожь.

— Хаскингу донесли, что я предал его, — с усилием сказал Файбрас. — И он поверил своему осведомителю, которым был наш глубокоуважаемый и благородный король Джон. Его королевское высочество заявил, что я продал Хаскинга и раскрыл все его планы, чтобы стать командиром ваших воздушных сил. Хаскинг не поверил бы, что я торгуюсь с вами из-за пустяков. Так что я не могу его винить. Мне следовало вовремя предупредить шефа о своих действиях. Он — подозрительный человек, и мне не удалось убедить его в том, что я не работаю на обе стороны.

— А на самом деле? — спросил Сэм.

Файбрас ухмыльнулся.

— Нет, я не предал бы его, хотя искушение было немалым. К чему мне это, когда пост главного авиатора все равно предназначался мне — после захвата Хаскингом судна? Просто синьор Хаскинг хотел поверить Джону. Я не нравился ему, потому что не соответствовал его представлениям о том, каким должен быть настоящий брат по духу. Он считал, что я — счастливчик, которому повезло в жизни, незнакомый с ужасами существования в гетто. И его задевало то, что я многого достиг — чего он достичь не сумел.

— Должность главного инженера Корабля по-прежнему может стать вашей, — сказал Сэм. — Кстати, должен заметить, что я испытываю большое облегчение, что не обещал вам пост командира воздушных сил. Но вы можете летать, если хотите.

— Это лучшее предложение, которое я получат когда-либо после своей смерти, — снова усмехнулся Файбрас. — Я его принимаю.

Он придвинулся ближе к Сэму и прошептал ему на ухо:

— Вам пришлось бы в любом случае взять меня с собой. — Я — один из Двенадцати!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Сэм почувствовал, как волна холода прокатилась по его телу.

— Этик? Пришелец?

— Да. Он сказал, что вы называете его Таинственным Пришельцем.

— Значит, вы все-таки предали Хаскинга?

— Эта маленькая речь, которую я сейчас произнес, предназначалась для слуха общественности, — шепнул Файбрас. — Да, я предал Хаскинга, если вы настаиваете на подобной формулировке. Но если я и сделал это, то во имя более высокой цели, чем духовное братство черной расы. У меня нет желания копаться в проблемах черных и белых государств в долине Реки, когда я имею возможность выяснить, как и почему мы, все человечество, очутились здесь. Я хочу, наконец, получить ответы на свои вопросы, как некогда сказал Карамазов — помните, у Достоевского? Ведь здесь вся эта черно-белая суета просто смешна — какой бы важной она ни казалась на Земле. Хаскинг, должно быть, догадывался о моих мыслях, хотя я и не старался их пропагандировать.

Сэму пришлось сделать усилие, чтобы опра-

виться от потрясения. Тем временем на равнине бушевала ожесточенная битва, причем положение армии Соул Сити ухудшалось с каждой минутой. За полчаса нападающие значительно ее потеснили, заплатив, правда, за этот успех троекратными потерями в людях. Сэм решил, что пришло время действовать, и его отряд быстрым шагом двинулся к лагерю, в котором содержались взятые в плен жители Пароландо. Лотар выпустил в ворота загона две ракеты, и не успел дым рассеяться, как пятнадцать человек ворвались внутрь. Сирано и Джонстон выполнили почти всю работу по устранению дюжины охранников. В схватке де Бержерак был подобен дьяволу: его шпага сверкала, как молния. Джонстон уложил четверых томагавками и троих — метательными ножами, сломал две ноги и раздавил кому-то грудную клетку своими железными лапами. После этого сопротивление прекратилось. Бывших пленных срочно направили в арсенал, где еще осталось немало оружия — мечей и луков со стрелами.

Сэм послал людей на юг и на север. Гонцам надлежало проникнуть за стены и связаться с уцелевшими защитниками Пароландо.

Затем он повел свой увеличившийся отряд к

дамбе. Сэм полагал, что им следует разбить лагерь на вершине какого-нибудь холма около плотины и выжидать, наблюдая за ходом сражения. Честно говоря, он понятия не имел, что делать потом. Повернувшись к Сирано, он заметил, что, поскольку партитура отсутствует, дальше придется играть на слух. И с трудом подавил желание добавить, что эта партия будет нелегкой для них обоих, так как Сирано тоже не блистал музыкальными талантами.

Позже Сэм возблагодарил небеса за то, что он не разбил лагерь на самой плотине. Он находился на холме чуть выше и левее дамбы. Отсюда лучше была видна холмистая местность и равнины, где еще рвались ракеты, хотя и не так часто, как в начале атаки. Свет бесчисленных звезд серебрил поверхность большого озера за плотиной, и при взгляде на эти тихие воды казалось, что вокруг царят мир и покой.

Внезапно Джонстон вскочил на ноги и воскликнул:

— Смотрите туда! Вот туда! На вершину дамбы!

Три темных фигуры возникли из воды, четко вырисовываясь на фоне неба. Они стремительно побежали к холмам. Сэм приказал своим лю-

дям скрыться за огромным стволом железного дерева. Джо Миллер и Джонстон навалились на подозрительную троицу, когда неизвестные поравнялись с деревом. Один из них попытался пырнуть ножом Джо, но гигант сломал ему шею; из лопнувших сосудов брызнула на землю кровь. Двое других потеряли сознание во время борьбы. Когда они пришли в себя, им уже не надо было рассказывать, что они сотворили. И, как догадался Сэм, это было сделано по приказу Джона.

Почва дрогнула под их ногами, и листья железного дерева задребезжали как посуда на кухне во время землетрясения. Белая стена плотины взлетела на воздух в облаке дыми и пыли. От грохота заложило уши. Огромные бетонные глыбы взмыли вверх подобно птицам над фабричной трубой. Затем каменный град посыпался на землю и воду. Теперь озеро уже не казалось сверкающим спокойным зеркалом, отражающим великолепие небес. Его воды хлынули вперед, к Реке. Они с ревом неслись по каналу, над строительством которого рабочие Сэма пролили столько пота. Грохот потока снова оглушил людей.

Сотни тысяч тонн воды, бушевавшей в канале, ударили в его земляные стены, выламывая из них огромные куски. Берег озера также не выдержал

напора; вода стремительно хлынула на землю, размывая и заливая ее. Людям Сэма пришлось спасаться от наводнения, карабкаясь все выше и выше по склону холма. Через мгновение гигантское железное дерево, чьи корни уходили в почву на двести футов, опрокинулось, потеряв опору. Его падение казалось бесконечным; затем раздался треск лопающихся корней, ветер забушевал и зашумел среди лиан и листьев, покрывавших огромные ветви. Это зрелище ужаснуло людей, хотя дерево падало в противоположную сторону от них. Они полагали, что находятся достаточно далеко от рухнувшего гиганта, однако бичевавшие воздух корни представляли серьезную опасность.

Вершина тысячефутового дерева ударила в противоположный берег озера и, проминая превратившуюся в жидкую грязь почву, оно начало погружаться в быстро мелевший водоем. Его корни-якоря цеплялись за землю подобно скрюченным от отчаяния пальцам, но вода, как спичку, сдвинула с места огромный ствол и потащила его вниз. Через полмили дерево прочно застряло между земляными стенами канала.

Ревущий водяной вал в сто футов обрушился на равнину. На его гребне крутились стволы

деревьев и бамбука, обломки домов, гибнущие люди. Вал прокатился по полуторамильной равнине, лишь на считанные минуты задерживаясь перед циклопическими внутренними стенами, которые Сэм возвел для защиты своих фабрик и Корабля — стенами, оказавшимися столь бесполезными во время двух нападений.

Все, что оказалось на пути потока, было смыто в Реку. Здания фабрик рухнули, как куличики из песка. Огромный Корабль, подхваченный волнами, выглядел как игрушечная лодочка в водовороте океанского прибоя. Покачиваясь и кренясь, он ринулся в Реку и вскоре исчез во тьме и хаосе. Сэм упал на землю; его сведенные судорогой пальцы вцепились в траву. Его Корабль потерян! Погибло все — фабрики, шахты, вездеходы, аэропланы, кузницы, оружейные мастерские, работники! Но, что хуже всего, погиб Корабль. Его мечта рухнула, его великая сверкающая Мечта разбилась!

Влажная трава охладила его лицо. Казалось, что его пальцы срослись с земной плотью подобно корням и никогда уже не смогут от нее освободиться. Но сильная рука Джо подняла его на ноги, словно куклу. Джо прижал его к своему огромному волосатому телу, пытаясь согреть.

Гротескное лицо с выступающими надбровиями и невероятно длинным носом склонилось над Сэмом.

— Втсе итчезло! — сказал Джо. — Все! Как пусто! Здесь ничего не осталось, Тэм!

Поток бушевал и ярился на равнине, но через пятнадцать минут вода схлынула и Река приняла обычный вид. Обломки, древесные стволы и прочие свидетельства катастрофы были унесены вниз по течению.

Сэм поднял голову. Большие здания фабрик и Корабль вместе с окружавшими его лесами исчезли. Там, где стволы шахт выходили на поверхность, плескались небольшие озера. Гигантские стены на побережье были снесены на протяжении мили. Часть равнины, по которой прокатился поток, казалась выглаженной чудовищным утюгом. Однако огромная масса стремительно промчавшейся воды не смогла сорвать верхний слой почвы — настолько прочной была трава и так глубоко уходили в землю ее корни.

Небо побледнело и звезды, сияющие в вышине, стали постепенно гаснуть. Великая армада Иэясу исчезла; теперь, наверное, суда завоевателей, изломанные и разбитые, неслись где-то дале-

ко вниз по течению Реки. Воины обеих армий, сражавшихся на равнине, и моряки с кораблей, атаковавших побережье, были уже мертвы — раздавленные весом воды, задохнувшиеся, убитые обломками.

Но Пароландо простиралось на десять миль вдоль берега Реки, а водяной поток прокатился только по двухмильной полосе. Основной ущерб был нанесен центральной части страны, причем все строения на участке шириной в полмили подверглись полному разрушению. Люди, оказавшиеся на его границах, утонули, а здания рухнули или только накренились.

С рассветом появились люди — почти тысяча человек в лодках и на северной стене, ограждавшей Пароландо со стороны Земли Чернского. Их вел король Джон.

Сэм построил своих воинов в боевой порядок с Джо Миллером в центре, но Джон, прихрамывая, бросился вперед, подняв руку в знак мира. Сэм двинулся к нему. Но даже после того, как Джон объяснил все, что он сделал, Сэм продолжал опасаться, что его убьют. Позднее он понял, что Джон нуждался в нем, в Файбрасе и в других специалистах, если хотел достроить Корабль. Кроме того, Джон испытывал извращенное удоволь-

ствие, оставляя Сэма в живых и догадываясь, что тот будет постоянно страшиться удара кинжала из-за угла.

Как вскоре выяснилось, не все надо было начинать сначала. Корабль, почти совсем неповрежденный, сел на мель милей ниже по течению. Конечно, предстояла нелегкая работа по транспортировке громадного корпуса судна — но это было много легче сделать, чем построить его заново.

Джон снова и снова втолковывал своему соправителю, что он совершил, но коварные хитроплетения его интриг оказывались такими сложными и запутанными, что Сэму так и не удалось охватить всю картину целиком. Оказывается, Джон снюхался с Хаскингом, предав тем самым Сэма и зная, что Хаскинг предаст его при первом удобном случае. Джон испытал бы искреннее разочарование, если бы Хаскинг не сделал этого. Он потерял бы тогда всякую веру в человеческую природу.

Джон также заключил тайный договор с Иэясу, обещая ему помощь, когда он нападет на Пароландо вслед за Хаскингом. Иэясу понравился этот замысел; он понимал, что Хаскинг будет значительно ослаблен после сражения с отря-

дами Пароландо. Наконец, Джон договорился с Публием Крассом, Тай Фангом и Чернским, что они помогут ему добить Иэясу — после того, как его армия будет рассеяна и частично уничтожена наводнением, вызванным взрывом плотины.

Джон послал трех человек, велев им произвести взрыв в тот момент, когда наибольшее количество нападающих и защитников сконцентрируется на равнине под бетонной стеной плотины. Задолго до этого он сам скрылся в речном тумане на небольшом судне.

— Значит, вас не было во дворце, когда люди Хаскинга обстреливали его из пушки? — спросил Сэм.

— Конечно, — ответил Джон, расплываясь в хитрой улыбке. — Я находился на несколько миль севернее и спешил навстречу Иэясу. Вы никогда не были доброго мнения обо мне, Сэмюэль. Но теперь вам следовало бы упасть передо мной на колени и с благодарностью поцеловать мою руку. Без меня вы бы потеряли все.

— Я бы все сохранил, если б Ваше Величество сочло возможным предупредить меня о нападении Хаскинга, — язвительно сказал Сэм. — Мы могли устроить ему ловушку.

Лучи восходящего солнца упали на рыжеватую

шевелюру Джона, осветили его лицо и хитрые серо-голубые глаза.

— О, да! Но проблема Иэясу осталась бы нерешенной. Теперь ее не существует и никто не может помешать нам захватить все земли, в которых мы нуждаемся — включая бокситы и платину Соул Сити, а также иридий и вольфрам Селинайо. Я полагаю, теперь у вас нет возражений против присоединения этих территорий?

Дальнейшие события напоминали сказочный сон. Хаскинг был взят в плен, а Гвиневру нашли живой и невредимой. Во время нападения Иэясу они оба находились на западных холмах, откуда Хаскинг собирался нанести внезапный удар по армии захватчиков. Но его планы нарушило наводнение; край потока залил окружающую местность. Гвиневре удалось вовремя подняться на холм, хотя она чуть не захлебнулась. Хаскинга подхватило потоком и швырнуло на дерево. У него были сломаны обе ноги и рука; очевидно, он получил и сильное внутреннее повреждение.

Сэм и Джон поспешили туда, где под железным деревом лежал умирающий Хаскинг. Навстречу им бросилась Гвиневра; она с плачем обняла Сэма и Лотара. Пожалуй, Сэма она обнимала гораздо дольше, чем фон Ритгофена, что не было

удивительным — последние несколько месяцев они с Лотаром почти непрерывно ссорились.

Джон собирался прикончить Хаскинга с помощью изощренных пыток и хотел предаться этому приятному занятию сразу же после завтрака. Сэм яростно возражал. Он понимал, конечно, что Джон мог поставить на своем — его люди в пять раз превосходили по численности сторонников Сэма. Но в этот момент он потерял всякую осторожность. И Джон уступил. Он еще нуждался в Сэме и верных ему специалистах.

Лицо Хаскинга было серым.

— У тебя была своя мечта, Белый Сэм, — произнес он слабым голосом, — а у меня — своя. О земле, где братья и сестры могли бы жить в мире и открывать друг другу свои души. Где были бы одни черные. Тебе не понять, что это значило для меня. Ни белых дьяволов, ни глаз их, следящих за моим народом. Только черные братья по духу. Это было бы так близко к раю, насколько возможно в этом адском мире. Конечно, мы не избежали бы трудностей — невозможно прожить без проблем, парень. Но они не имели бы отношения к белым. То были бы наши проблемы... Но моей мечте не суждено было сбыться.

— Вы могли осуществить все это, — сказал

Сэм, — если бы немного подождали. Завершив строительство Корабля, мы оставили бы железо любому желающему. И тогда...

Лицо Хаскинга исказилось. Его черная кожа покрылась предсмертной испариной, мышцы напряглись от боли.

— Парень, ты, наверное, сошел с ума! Ты и в самом деле думаешь, что я поверил сказке о твоем предполагаемом плавании в поисках Великой Чаши? Я знаю, как ты собирался использовать это судно! Ты покорил бы нас, чернокожих, и снова заковал бы в цепи! Старый белый южанин вроде тебя...

Хаскинг закрыл глаза. Сэм воскликнул в отчаянии:

— Вы ошибаетесь! Если бы вы знали меня, если бы вы взяли на себя труд прочитать и понять мои книги, вы не отождествляли бы меня с...

Хаскинг открыл глаза и прошептал:

— Ты способен лгать нигтеру даже когда он умирает, не так ли? Послушай! Этот нацист, Геринг — вот кто действительно потряс меня! Я не велел мучить его, только прикончить побыстрее, но эти арабы-фанатики... ты их знаешь... Одним словом, Геринг передал мне послание... «Здравствуй и прощай, духовный брат мой»... — или

что-то в этом роде. «Я прощаю тебя, потому что ты не ведаешь, что творишь»... Каково, а? Послание, полное любви и прощения — от проклятого нациста! Но ты знаешь, он изменился. И, может быть, он прав. Возможно, все эти приверженцы Второго Шанса правы: кто ведает? Глупо воскрешать нас молодыми и здоровыми, чтобы мы снова терзали друг друга — глупо, не правда ли?

Он пристально уставился на Сэма и прохрипел:

— Пристрели меня! Избавь от мучений! Больно... Так больно...

Лотар шагнул вперед и встал рядом с Сэмом.

— После того, что ты сделал с Гвиневрой, я буду рад выполнить твою просьбу.

Он направил ствол кремневого ружья в голову Хаскинга. Тот криво усмехнулся и прошептал:

— Насилие в ответ на насилие? На Земле я поклялся никогда не прибегать к нему, но эта женщина пробудила во мне дьявола... Ну, и что с того? Разве мало черных женщин-рабынь изнасиловали вы, белые собаки?

Сэм повернулся и пошел прочь. За его спиной раздался выстрел. Его передернуло, но он продолжал свой путь. Это было самое лучшее, что Лотар мог сделать для Хаскинга. Завтра он снова

будет прогуливаться по берегу Реки живой и невредимый, где-то в тысячах миль от Пароландо. Когда-нибудь они с Сэмом могли еще увидеться, хотя Сэм не испытал бы радости от этой встречи.

Его нагнал Лотар, пропахший ружейным порохом.

— Я должен был дать ему умереть в муках. Но от старых привычек трудно избавиться. Я хотел его убить — и убил. Этот черный дьявол еще улыбался мне. Я разнес его улыбку на клочки — вместе с его головой.

— Не надо больше об этом, — ответил Сэм. — Мне и так плохо. Я готов все бросить и переключиться на деятельность миссионера. — Он слабо улыбнулся и продолжал: — Пожалуй, в настоящее время только мученики доктрины Второго Шанса знают, за что они принимают страдания.

— Это пройдет, — сказал Лотар. Он оказался прав — но для забвения понадобилось три года.

Жизнь продолжалась. Ландшафт снова стал похож на поле битвы, зловонное, черное от копоти и дыма. Но великий Корабль был достроен. Осталось только испытать его. Завершен последний штрих — белый корпус Корабля украсился большими черными буквами названия. На обоих бортах, десятью футами выше ватерлинии, было

написано: «НЕНАЕМНЫЙ».

— Что это означает? — спрашивали Сэма многие.

— Именно то, что написано, — улыбался в ответ Сэм, — в отличие от большинства слов, написанных или сказанных когда-либо. Ни один человек не сможет нанять этот Корабль. Это — свободное судно и его команда — свободные люди. Они никому не служат.

— А почему корабельный катер называется «НЕ ВЕШАТЬ ОБЪЯВЛЕНИЙ»? — интересовались любопытствующие.

— Это название пришло ко мне во сне, — отвечал Сэм. — Однажды мне приснилось, что кто-то пытается повесить на катер объявление и я сказал ему, что это судно построено не с целью рекламы. «Вы что — принимаете меня за торгового агента Бар-нума?» — сказал я ему.

В этом сне было еще кое-что, но об этом Сэм рассказал только Джо Миллеру.

— Знаешь, этот человек, который клеил объявления... объявления, возвещавшие о создании великого Корабля... он обернулся — и я узнал себя! Я был двумя людьми одновременно в своем сне!

— Я не понимаю этого, Тэм, — сказал Джо.

Сэм махнул на него рукой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Двадцать шестая годовщина Дня Воскрешения стала той датой, когда колеса «НЕНАЕМНОГО» впервые вспенили воду. Это произошло спустя час после утреннего разряда грейл-стоунов, наполнившего чаши завтраком. Кабель и полусфера, снимающая энергию с грейлстоуна, были убраны; кабель смотали через специальное отверстие в носовой части судна и уложили в трюм. Чаши зарядили на камне, расположенном милей севернее, и доставили на большое судно на паровом вооруженном катере-амфибии «Не вешать объявлений». И сказочный Корабль, сверкая белыми бортами с красной, черной и зеленой отделкой, двинулся в канал, а из него — в Реку, оставляя по правому борту огромный волнорез. Это сооружение специально предназначалось для того, чтобы течение не развернуло Корабль на юг или не унесло обратно в канал.

Под резкие звуки свистков, звон колоколов, ликующие крики пассажиров и огромной толпы на берегу, под мерный грохот гигантских колес, ударяющих о воду, Корабль величаво вышел в Реку.

«Ненаемный» имел в длину четыреста сорок

футов и шесть дюймов. Его ширина — в том месте, где располагались колеса — составляла девяносто три фута. Осадка при средней загрузке судна равнялась двенадцати футам. Гигантские электромоторы, вращавшие колеса, развивали мощность в десять тысяч лошадиных сил и давали достаточно энергии для прочих нужд экипажа. Теоретически, максимальная скорость могла достигать сорока пяти узлов в спокойной воде. Двигаясь против течения, скорость которого составляла пятнадцать миль, Корабль будет проходить тридцать миль в час; двигаясь по течению — шестьдесят. «Нена-емный» отправится к верховью реки со средней крейсерской скоростью пятнадцать узлов относительно берега.

На Корабле было четыре палубы: так называемая машинная палуба, главная, штормовая и посадочные площадки. Капитанский мостик находился на переднем крае штормовой палубы; за ним тянулась длинная надстройка, в которой располагались каюты капитана и старших офицеров. Мостик был двухъярусным и возвышался впереди двух тридцатифутовых тонких дымовых труб. Файбрас возражал против их установки, так как дым от больших котлов (используемых только для подогрева воды и подачи пара к пуле-

метам) можно было направить в сторону от борта судна. Но Сэм фыркнул и заявил:

— Какое мне дело до сопротивления воздуха? Мне нужна красота! И мы добьемся красоты! Разве кто-нибудь слышал о Корабле без высоких, стройных дымовых труб? Разве у вас нет души, друг мой?

На Корабле было шестьдесят пять кают размером двенадцать футов, с откидными койками, столами и складными сиденьями. В каждой каюте имелся туалет и умывальник с горячей и холодной водой, на шесть кают приходилась одна душевая. Три больших салона располагались в надстройке, на штормовой и на главной палубах. В них находились большие столы, столики для игры в карты, гимнастические снаряды, киноэкран и сцена для театральных представлений. В салоне на главной палубе даже было специальное возвышение для оркестра.

Верхний ярус капитанского мостика украшали дубовые столы и резные кресла, обтянутые красной, белой и черной кожей речного дракона. Штурман сидел в большом вращающемся кресле перед панелью управления. На ней располагались небольшие телевизионные экраны, с помощью которых он мог контролировать

важнейшие узлы Корабля. Рядом находился микрофон, позволяющий штурману связаться с любым человеком команды. Управление Кораблем осуществлялось с помощью двух рычагов на небольшом подвижном пульте, связанных с левым и правым гребными колесами. Впереди блестели экраны радара для ночного плавания и эхолота: последний позволял измерять глубину Реки. Тумблер на приборной панели включал автоматическое управление, хотя по правилам штурман все время должен был находиться на посту.

Сэм был одет в белый кильт и белый плащ; на ногах — белые сандалии, на голове — белая офицерская фуражка из кожи и пластика. На белом поясе висела кобура с тяжелым четырехзарядным пистолетом «Марк-2» и десятидюймовый кортик в ножнах.

Он расхаживал по рубке с большой зеленоватой сигарой во рту и наблюдал за штурманом Робертом Стайлсом, впервые усевшимся перед панелью управления. Стайлс, старый рулевой с Миссисипи, теперь выглядел пригожим парнем и хотя никто не мог назвать его лжецом, он, подобно всем морякам, был склонен к преувеличениям. Когда он появился тут года два назад,

Сэм подскочил от радости и даже пустил слезу, хотя такое случалось с ним нечасто. Он знал Боба Стайлса еще с тех времен, когда оба они плавали по Миссисипи.

Стайлс нервничал, как любой на его месте, впервые взявшийся за рычаги управления — даже сам Исайя Селлерс, лучший капитан на Миссисипи, имевший стальные нервы. Правда, управление Кораблем не отличалось большой сложностью. С ним мог справиться даже одноглазый учитель воскресной школы в состоянии изрядного подпития или шестилетний ребенок, дотянись он до рычагов. Чтобы увеличить скорость, надо подать рычаг вперед; в среднем положении колеса останавливались; движение назад включало задний ход. Чтобы повернуть влево, следовало слегка потянуть на себя левый рычаг и подать вперед правый; для правого поворота — сделать все наоборот. Но, естественно, нужна была некоторая практика, чтобы добиться необходимой координации движений.

К счастью, не требовалось напрягать память, чтобы вести судно по этой Реке. На ней не было ни островов, ни отмелей и встречалось очень немного коряг и других препятствий. Как только Корабль приблизится к мели, сонар включит

звуковой сигнал. Если ночью по курсу появится лодка или полузатонувшее бревно, сонар или радар покажут препятствие и включат красную лампочку тревоги.

Сэм наблюдал за Стайлсом с полчаса, пока мимо тянулись берега, заполненные тысячами людей. Они махали руками и кричали от радости. Или посылали проклятья — ведь многие были разочарованы, потому что не попали в команду Корабля. Но Сэм не слышал их проклятий.

Потом Сэм взял управление на себя и еще через полчаса предложил попробовать Джону. Экс-король Англии носил все черное, будто он даже в одежде старался быть полной противоположностью Сэму. После некоторых колебаний он взялся за рычаги и справился с делом совсем недурно для бывшего монарха, никогда в жизни не занимавшегося полезным трудом.

Корабль проплыл мимо королевства покойного Иэясу, теперь снова разделившегося на три государства; затем Сэм приказал поворачивать назад. Боб Стайлс воспользовался случаем и развернул судно, как он выразился, «на пятачке», чтобы продемонстрировать его маневренность. Пока левое колесо отрабатывало задний ход, на правое была подана полная мощность и Корабль повернулся

подобно пропеллеру на оси. Потом он двинулся вниз по течению. Его колеса бешено вращались; с попутным ветром и течением скорость судна достигала шестидесяти узлов. Но вскоре Сэм велел Стайлсу уменьшить скорость и приблизиться к берегу, пока сонар не покажет глубину под килем в один фут. Даже сквозь шум колес, свистки и звон сигнальных колоколов сюда доносился гомон толпы. Мимо, как будто во сне, мелькали лица. Сэм открыл передние иллюминаторы, и все находившиеся в рубке смогли почувствовать ветер и ощутить скорость судна.

«Ненаемный» прошел вниз по Реке до Селинайо и там снова развернулся. Как хотелось Сэму, чтобы здесь оказалось еще одно судно, с которым можно было бы посоревноваться в скорости! Но на Реке существовал только один металлический, мощный Корабль с электрическими двигателями. Даже на небесах человек не можем иметь все!

Во время обратного пути раскрылись створки огромною люка на корме и в воду выскользнул катер. Он прошел вперед и назад на максимальной скорости и, наконец, пристроился перед носом «Нена-емнош». Его паровые пулеметы дали несколько очередей над поверхностью воды; им

вторили тридцать пулеметов большого судна.

Затем из кормового люка появился большой трехместный гидросамолет; его крылья развернулись, и он взмыл в воздух. Аппаратом управлял Файбрас; его подруга и Гвиневра были пассажирами.

Мгновением позже маленький одноместный самолет-разведчик взлетел с площадки над корабельной надстройкой, запущенный вверх паровой катапультой. Его пилотировал Лотар фон Ритгофен. Мерно жужжа мотором, работающим на древесном спирте, самолет устремился вперед и быстро скрылся из вида. Затем он вернулся, ринулся вверх — и впервые на планете Реки были продемонстрированы фигуры высшего пилотажа. Свой полет Лотар закончил глубоким пике, в конце которого он выпустил в воду четыре ракеты и дал очередь из спаренных пулеметов. Они стреляли патронами с алюминиевыми пулями, и в трюме Корабля хранилось сто тысяч таких снарядов. Но когда они будут израсходованы, пулеметы станут бесполезны.

Лотар приземлился на посадочной палубе, покрывавшей сверху надстройку, и специальное устройство захватило крюк, выпущенный самолетом. Аппарат резко затормозил и остановился

в десяти футах от дымовых труб. Лотар еще раз взлетел и приземлился. Затем вернулся Файбрас и тоже совершил полет на самолете-разведчике.

Сэм посмотрел через передний иллюминатор вниз, где по широкой палубе маршировали вооруженные моряки. Под полуденным солнцем, нагревшим воздух до восьмидесяти градусов по Фаренгейту, они двигались вперед и назад, совершая сложные маневры по командам Сирано. Их серебристые дюралюминиевые шлемы с плюмажем походили на боевые уборы древних римлян. Они были одеты в плотные куртки с серыми и красными полосами, доходившие до середины бедра, и тяжелые кожаные башмаки. Их вооружение состояло из шпаг, кинжалов и пистолетов «Марк-2». В тренировке участвовал лишь отряд стрелков; большая часть моряков только наблюдала за ней. Это были лучники и ракетная команда.

Сэм увидел в толпе Гвиневру с темно-золотистыми волосами, разметавшимися по спине, — и это зрелище наполнило счастьем его сердце.

Он увидел рядом темнокудрую головку Ливи, и лицо его омрачилось.

Гвиневра, после шести месяцев жизни с фон Ритгофеном, жизни, наполненной ревностью и

ссорами, приняла предложение Сэма и перешла жить к нему. Однако Сэм все еще не мог видеть Ливи, не испытывая при этом горькое чувство утраты.

Если бы не Ливи и не присутствие Джона за его спиной, он был бы так счастлив, как только возможно в этом мире. Но Ливи будет сопровождать его на протяжении всего сорокалетнего путешествия. А Джон... Джон все чаще появляется в его ночных кошмарах.

Джон так легко уступил ему пост капитана, без споров заняв должность первого помощника, что Сэм понял — это не к добру. Но когда же возникнет мятеж? Джон несомненно попытается захватить всю полноту власти на Корабле, и любой разумный человек, предчувствуя такой поворот событий, постарался бы убрать его тем или иным способом.

Но Сэму было достаточно расправы с Эриком. Он не мог заставить себя совершить еще одно убийство, зная даже, что смерть Джона не будет его окончательной гибелью. Труп оставался трупом, а предательство — предательством.

Проблема заключалась в том, когда Джон нанесет удар? В самом начале или позднее, во время путешествия, когда бдительность Сэма ослабеет?

Фактически, создавалась невыносимая ситуация. Оставалось только удивляться, сколько невыносимого мог терпеть человек.

Крупный светловолосый мужчина поднялся на капитанский мостик. Его звали Август Страбвелл, и он являлся адъютантом Джона. Джон откопал его во время своего последнего визита к Иэясу, после нападения Хаскинга. Этот малый родился в 1971 году в Сан-Диего, штат Калифорния, был защитником сборной команды США по футболу, капитаном морской пехоты, награжденным орденами за храбрость, проявленную в операциях на Ближнем Востоке и в Южной Америке. Потом он сделал неплохую карьеру в кино и на телевидении. Страбвелл казался неплохим парнем, но, подобно Джону, слишком любил хвастать своими любовными похождениями. Сэм не доверял ему. Любой, работавший на Джона Ланкастера, приобретал какую-нибудь его дурную черту.

Сэм пожал плечами. Хотя бы на недолгое время он может быть доволен собой и всеми окружающими. Зачем позволять кому-то отравить ему радость этого дня — величайшего дня в его жизни?

Он выглянул в иллюминатор; отряд его морских пехотинцев продолжал свои упражнения,

окруженный толпой зевак. Солнечные блики сверкали в волнах, дул прохладный ветерок. Если станет слишком жарко, он может закрыть иллюминаторы и включить кондиционер. Он видел флаг «Ненаемного», развевающийся по ветру на носу судна. На квадратном светло-голубом полотнище был изображен алый феникс — символ возрождения человечества.

Он помахал рукой людям, толпившимся на берегу и нажал кнопку; раздались гудки сирены и звонкие удары корабельного колокола.

Он вдохнул дым своей превосходной сигары, выпятил грудь и с важным видом прошелся по рубке. Страбвелл вручил Джону бокал бурбона, затем предложил такой же бокал Сэму. Все остальные, находившиеся на мостике — Стайлс и шесть других рулевых, Джо Миллер, фон Ритгофен, Файбрас, Моцарт, Публий Красс, Страбвелл и три адъютанта Джона — тоже взяли бокалы.

— Тост, джентльмены! — сказал Сэм на эсперанто. — За долгое и счастливое плавание, за то, чтобы мы добились всего, чего заслуживаем!

Джо Миллер стоял рядом с Сэмом, почти касаясь головой потолка; сосуд в его руках содержал добрых полкварты виски. Он втянул запах янтарной жидкости своим чудовищным хоботом.

Потом попробовал ее кончиком языка. Сэм уже собирался опрокинуть бокал, когда увидел гримасу на обезьяньем лице Джо.

— В чем дело, Джо? — спросил он.

— В эту дрянь что-то намешано!

Сэм принюхался, но не мог уловить ничего, кроме аромата отличного старого кентуккийского виски. Однако, когда Джон, Страбвелл и три адъютанта схватились за оружие, он выплеснул свой бурбон в лицо Джона и с криком — «Это яд!» — бросился на пол.

Страбвелл выстрелил. Пластиковая пуля разбилась о прочное стекло иллюминатора над головой Сэма. Джо заревел как лев, внезапно вырвавшийся из клетки, и швырнул свой объемистый сосуд с виски в голову Страбвелла.

Остальные адъютанты Джона открыли огонь. Пистолеты «Марк-2» были четырехзарядными, порох в алюминиевых патронах воспламенялся с помощью электрической искры. Это оружие, более громоздкое и тяжелое, чем «Марк-1», обладало значительной эффективностью; вместо черного ружейного в нем применялся бездымный порох.

Рубка превратилась в арену ожесточенного сражения, заполненную звуками взрывов, свистом рикошетирующих пуль, криками и стонами

людей, яростным ревом Джо Миллера. Перекатившись по полу, Сэм дотянулся до пульта и переключил управление судном в автоматический режим. Боб Стайлс лежал ничком, его рука была почти оторвана. Рядом с ним умирал один из адъютантов Джона. Страбвелл пронесся над ним, ударился о стекло иллюминатора и упал прямо на Сэма. Джон исчез; очевидно, он покинул рубку, спустившись по лестнице вниз.

Сэм освободился от бесчувственного тела Страбвелла. Четверо рулевых были мертвы. Все адъютанты Джона, кроме Страбвелла, лежащего без сознания на полу, тоже погибли. Джо сломал им шеи или раздробил челюсти. Моцарт, дрожа всем телом, скорчился на полу. У Файбраса текла кровь из многочисленных порезов, нанесенных осколками пластиковых пуль. Лотар был ранен в руку; один из людей Джона успел пырнуть его ножом до того, как Джо Миллер открутил ему голову.

Сэм, шатаясь, поднялся и посмотрел в иллюминатор. Толпа, наблюдавшая за учениями морских пехотинцев, исчезла, оставив на палубе дюжину трупов. Солдаты Сирано отстреливались от людей, которые вели по ним огонь с главной палубы. Сэму показалось, что стреляли также из

иллюминаторов некоторых кают надстройки.

Де Бержерак, стоя в полный рост среди своего быстро уменьшавшегося отряда, выкрикивал команды. Затем сторонники Джона, не прекращая огня, бросились в атаку, и Сирано упал. Но он тут же вскочил, и серебристый клинок его шпаги окрасился кровью. Ряды нападающих смешались; они обратились в бегство, преследуемые Сирано. Сэм закричал ему — «Назад, глупец! Вернись!» — но француз, конечно, не услышал.

Он попытался взять себя в руки. Итак, Джон что-то подмешал в выпивку — яд или сильное снотворное — и только сверхъестественное чутье Джо спасло их от бесславного поражения. По-видимому, Джон рассчитывал захватить капитанский мостик без лишнего шума.

Он бросил взгляд в иллюминатор по правому борту. До огромного волнореза, где корабль должен был стать на якорь до утра, оставалось полмили. Официально их долгое путешествие начиналось завтра. «Должно было начаться», — с горечью подумал он.

Он щелкнул тумблером автоматического управления и взялся за рычаги.

— Джо, — сказал он, — я собираюсь вести Корабль у самого берега. Может быть, я даже посажу

его на мель. Достань мегафон. Я расскажу людям на берегу, что случилось, — и мы получим помощь. Он потянул на себя правый рычаг и подал вперед левый.

— В чем дело? — воскликнул он.

Корабль продолжал идти прежним курсом вверх по Реке, держась от берега на расстоянии в сотню ярдов. Он начал бешено дергать рычаги, но судно не повиновалось ему.

Из динамика раздался голос Джона.

— Бесполезно, Сэмюэль! Капитан Сэмюэль, Босс, свинья! Я контролирую Корабль! Мой инженер — который будет главным инженером этого судна — установил еще один пульт управления в... впрочем, не имеет значения, где. Я отключил рубку, и теперь Корабль пойдет туда, куда я захочу его повести. Теперь у вас нет надежд на выигрыш. Сейчас мои люди возьмут штурмом мостик и захватят вас. Но я бы предпочел, чтобы судну было нанесено как можно меньше повреждений. Поэтому, если вы уберетесь с Корабля сами, я отпущу вас живыми. Конечно, если вы способны проплыть сотню ярдов.

Сэм в ярости обрушил кулаки на панель управления. Но судно продолжало идти мимо причала, мимо толпы людей на берегу, которые, размахи-

вая руками, приветствовали их и удивлялись, почему Корабль не останавливается.

Лотар, посмотрев в кормовой иллюминатор, сказал:

— Они пытаются окружить нас! — и выстрелил в человека, который появился на дальнем конце крыши надстройки.

— Долго нам не продержаться, — заметил Файбрас. — У нас мало боеприпасов.

Сэм бросил взгляд в передние иллюминаторы. Несколько мужчин и женщин выскочили на машинную палубу и повернулись, готовясь к отпору. Ливи и де Бержерак были среди них.

Вновь завязалась схватка. Кто-то бросился на Сирано, пока тот расправлялся с ближайшим противником. Ливи попыталась парировать удар стволом своего пистолета, который был, очевидно, разряжен, но клинок вошел ей в живот. Она упала на спину; шпага все еще торчала из ее тела. Человек, убивший ее, умер секундой позже, когда рапира Сирано пронзила его горло.

С диким криком «Ливи! Ливи!» Сэм выскочил из рубки и бросился вниз по трапу. Пули свистели вокруг него, разбиваясь о металлические ступени и перила. Он ощутил ожог и услышал крики за своей спиной, но не остановился. Он

инстинктивно чувствовал, что Джо Миллер и остальные бегут за ним. Возможно, они хотели спасти его; возможно — не хотели погибать в рубке как мыши в мышеловке.

Повсюду лежали трупы и стонали раненые. Сторонники Джона были немногочисленны: он больше надеялся на неожиданность атаки и этот расчет оправдался. Десятки людей погибли при первом же залпе, десятки были застрелены во время начавшейся паники. Многие бросились в воду, увидев, что нет другого пути к спасению, нет возможности спрятаться или раздобыть оружие.

Корабль внезапно повернул к берегу, его колеса вращались на максимальной скорости, летели брызги воды, грохотали двигатели, палуба дрожала. Там, на берегу, Джона поджидал большой отряд вооруженных людей, мужчин и женщин. Это были неудачники, которые не смирились с тем, что жребий лишил их места в экипаже судна. Сэм понял, что если они поднимутся на борт, его оставшиеся в живых сторонники будут сметены.

Спустившись с трапа, он побежал вдоль штормовой палубы, крепко сжимая шпагу и пистолет, в котором еще оставалось два заряда. Он не знал, как оружие оказалось в его руках; он не помнил, как доставал шпагу и как вынул пистолет из

кобуры.

Чье-то лицо появилось над краем палубы, там, где трап соединял ее с нижним уровнем. Сэм выстрелил, и лицо исчезло. Он был уже у самого трапа; наклонившись и бросив взгляд на его ступени, он снова выстрелил. На этот раз пластиковая пуля не прошла мимо. Грудь человека окрасилась кровью, и он упал вниз, увлекая за собой еще двоих. Но остальные подняли оружие, и Сэм отскочил назад. Раздался залп; пули миновали его, но несколько осколков пластика ударили по ногам.

— Тэм, Тэм! — закричал Джо Миллер позади него. — Ничего нельзя сделать, они окружают нас! Надо прыгать!

На нижней палубе Сирано, вращая шпагой, отбивался сразу от троих и пятился к перилам. Внезапно его шпага пронзила горло одного из нападающих, затем он стремительно повернулся и перепрыгнул через ограждение палубы. Вынырнув на поверхность, он сильными гребками поплыл в сторону от судна; правое колесо едва не задело его.

Пули сыпались градом на стену надстройки рядом с Сэмом, и Лотар закричал ему:

— Прыгайте, Сэм! Прыгайте!

Но они еще не могли искать спасения в Реке. Им надо было пробиться хотя бы на главную палубу.

Джо, развернувшись, уже бежал навстречу людям, стрелявшим из-за расположенной на штормовой палубе надстройки; огромный топор сверкал в его руках. Пули жужжали вокруг него, оставляя тонкий дымный след, но он был еще слишком далеко для точного выстрела. И он надеялся посеять панику в рядах врагов, которые хорошо знали его ужасающую силу и неукротимость.

Остальные бежали за ним, пока не достигли громадного кожуха гребного колеса. Они находились в десяти футах от края штормовой палубы. Если теперь встать на перила и подпрыгнуть, то можно будет ухватиться за металлические крепежные кольца на поверхности кожуха. Через них пропускали тросы, когда кран поднимал кожух и ставил его на место над колесом.

И они прыгнули, один за другим, среди града сыпавшихся рядом пуль. Они ухватились за кольца и повисли, распластавшись по твердой металлической поверхности кожуха. Потом подтянулись наверх, собрались там и бросились в воду. Поверхность Реки была тридцатью футами ниже, и, при других обстоятельствах, Сэм не

рискнул бы прыгать с такой высоты. Однако на этот раз он подскочил к краю, зажал ладонью нос и первый ринулся вниз.

Когда Сэм вынырнул на поверхность, он увидел, что Джо тоже спрыгнул — но не с кожуха гребного колеса, а с главной палубы. Он сумел пробиться вниз по трапу и проложил дорогу через толпу пигмеев, пытавшихся помешать ему. Волосы на его теле были покрыты кровью, пули и стрелы свистели вокруг него.

Сэму пришлось снова нырнуть, так как застрекотали пулеметы, вспенивая воду пластиковыми пулями. Через две минуты Корабль начал разворачиваться. Джон, должно быть обнаружил, что его главный противник сбежал. Но к этому времени Сэм уже был на берегу и бежал к холмам, хотя ноги у него подгибались от усталости. Стрельба прекратилась. Вероятно, Джон передумал убивать его. Ему хотелось причинить Сэму боль — и он знал, что поражение и потеря Корабля принесут Сэму самые тяжкие страдания.

Голос Джона загремел из рупора мегафона.

— Прощай навсегда, Сэмюэль, глупец! Благодарю за то, что ты построил для меня этот Корабль! Я, конечно, назову его иначе — так, как мне больше понравится. А теперь я стану наслаждаться

плодами твоих трудов. Вспоминай обо мне почаще, приятель! Прощай!

Его издевательский смех, усиленный мегафоном, ударил в уши Сэма.

Сэм выбрался из хижины, в которой он пытался укрыться и взобрался на стену у самой воды. Корабль остановился у берега, и с него перекинули длинный подвесной трап, чтобы дать возможность подняться на борт предателям. Снизу раздался голос. Сэм опустил голову и увидел Джо, его рыжеватая шерсть потемнела от воды, кое-где была видна выступившая кровь.

— Лотар, Файбрас, Тирано и Джонстон спаслись. Как ты себя чувствуешь, Тэм?

Сэм осторожно опустился на пыльную вершину стены.

— Я готов убить себя — но что это даст? Мир, в котором мы живем, Джо, — преисподняя, настоящий ад! Тут даже нельзя покончить с собой! Как ни старайся — ты воскреснешь из мертвых на следующий же день и все твои проблемы, навечно приклеенные к тебе, как... ну, ладно, кончим с этим.

— Что мы теперь будем делать, Тэм?

Долгое время Сэм не отвечал. Он потерял Ливи — и теперь Сирано потерял ее тоже. Он сможет

смириться с этой утратой, когда Ливи не будет перед его глазами.

Позднее придет стыд — за ту мгновенную эгоистичную радость, когда он подумал, что Ливи уже не достанется Сирано.

Позднее. Не сейчас. Он был как заторможенный. Утрата Корабля потрясла его больше, чем гибель Ливи.

После всех этих лет тяжкой работы, горя, предательства, интриг, после... после...

Это невозможно вынести... Джо понуро опустил лохматую голову — он всегда огорчался, когда Сэм плакал. Он терпеливо сидел рядом, пока слезы не перестали течь по щекам Сэма. Тогда он заговорил:

— Тэм, мы начнем троить другой Корабль?

Сэмюэль Клеменс поднялся на ноги. Могучая электрическая машинерия его Сказочного Корабля уже подняла трап.

Сэм погрозал кулаком, смутно надеясь, что Джон сейчас наблюдает за ним.

— Я еще доберусь до тебя, мерзавец! — взревел он. — Я построю другой корабль, и ты от меня не уйдешь! Я поймаю тебя, предатель, сколько бы препятствий не стояло у меня на пути! Я догоню тебя, Джон, и мое судно сметет твой краденый

корабль с поверхности Реки! И никто, никто — ни дьявол, ни бог, ни повелитель этого мира — никто, как бы велико ни было его могущество, не сможет остановить меня!

— Когда-нибудь мы встретимся, Джон! Когда-нибудь!